

Ф.А. ГАНИЕВА

КУРУШСКИЙ ГОВОР ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы**

Ф.А. Ганиева

**КУРУШСКИЙ ГОВОР
ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА**

Махачкала - 2008

www.lezgichal.ru

Посвящается Герою Социалистического Труда
Сейфедину Кулиеву

Ответственный редактор
Кандидат филологических наук,
доцент Н.Ш. Абдулмуталибов

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор
К.Р. Керимов
доктор филологических наук, внс
С.Х. Шихалиева

**Ф.А. Ганиева. Курушский говор лезгинского языка.
Махачкала, 2008. – 293 с.**

Работа представляет собой первый опыт монографического исследования одного из неизученных лезгинских говоров. В ней дается системное описание фонетических особенностей, морфологического строя и специфики лексики курушского говора. Определено место курушского говора, занимаемое им среди диалектов лезгинского языка.

Работа рассчитана на специалистов-кавказоведов, занимающихся вопросами сравнительно-исторического языкознания, диалектологии и студентов филологических факультетов вузов.

Книга издана при спонсорской поддержке директора строительной фирмы «Ярудаг» Мехмандарова Нурали Меджидовича и директора ООО «Автоцентра завода им. Гаджиева» Махмудова Фархада Эллезиевича.

© Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, 2008.

© Ганиева Ф.А., 2008.

Курушский говор охватывает речь одного населенного пункта Куруш, который является самой южной точкой на территории Российской Федерации. Куруш – это один из крупных и древних лезгинских селений, расположенный на границе Дагестана и Азербайджана. Это самый высокогорный населенный пункт Европы, находящийся на высоте 2500 метров над уровнем моря на пересечении горных хребтов и горных вершин: Базардюзи, Нисе^ндаг (полуденная гора) – на юге, Шахдаг – на востоке. Как отмечает А.К. Седрединов, «аул расположен на выступающем холмообразном отроге Шалбуздага в виде амфитеатра у подножия горного кольца, заключенного в котловину. Вокруг аула Куруш расположены следующие села: Теки, Микрах, Микрах-Казмаляр, Усухчай, Келет, Крар, Вилет, Филер. И немного отделены от Куруша следующие села: Игирар, Мацар, Лехинар, Лацар и другие. Из перечисленных сел Куруш имеет самое большое число дворов. Дорога в старый аул Куруш проходит мимо села Микрах и круто поднимается к высокой долине. Над бороздой Самурской долины на севере, которая окаймляет протяжную горную цепь, показывается серый голый скалистый рог теки (Теки-пир-кент)» [Седрединов 2001: 42].

В исторической литературе встречаются лишь отрывочные сведения о Куруше и его жителях. Так, например, в сочинении Махмуда из Хиналуга «События в Дагестане и Ширване в XIV – XV вв.» [1997: 58] упоминается о первых эмирах Куруша Исмаил-беке и Хасан-беке.

Член Императорского Московского Общества естествоиспытателей А. Беккер во время своих поездок по Южному Дагестану посетил и Куруш и отмечает, что «многолюдное селение Куруш, заключающее 500 домов, лежит на высоте 8175 ф. над уровнем моря и принадлежит к высочайшим обитаемым вершинам на земном шаре. Расположено оно у подножья Шалбуздага (13649 ф.) с южной

стороны, напротив него, к югу возвышается Базардюзю (14722 ф.), к востоку Шахдаг (13951 ф.)» [Беккер 1876].

Член Императорского Русского Географического общества А.В. Пастухов также побывал на Кавказе. Он посетил два высочайших аула на Кавказе – Куруш и Чираг и совершил восхождение на вершину горы Шахдаг. В описаниях своего путешествия А.В. Пастухов приводит интересные сведения о Куруше и его окрестностях, о долгожителях и обычаях курушцев [Пастухов 1894: 12-14].

Сведения об истории Куруша и его жителях являются очень скудными, что отмечается также в специальной монографии З.Д. Баглиева «Куруш и курушцы»: «В предшествующее время практически не было специальных работ, посвященных историко-этнографическому исследованию курушцев [Баглиев 1998: 7].

Работа З.Д. Баглиева преследует цель «всестороннего изучения селения Куруш и его жителей с уделением основного внимания исследованию истории социальных отношений в XIX – начале XX вв., семьи, семейного и общественного быта курушцев, их участия в Великой Отечественной войне, вопросов переселения, образования и культуры» [Баглиев 1998: 7].

В последние годы выходцами из самого селения Куруш издано несколько книг, посвященных истории села и его жителям. [Баглиев 1998, 2005; Вердыханов 1998; Диярханов 1996; 1999; Седрединов 2001; Мердали Жалилов 2005].

Прежде всего хочется отметить приятное впечатление об изданных книгах. В них авторы с большой теплотой, любовью и уважением рассказывают о знаменитых и знатных людях из Куруша, прославивших селение Куруш своими талантами и доблестным трудом. Среди них – крупный государственный и общественный деятель республики Дагестан, первый в Дагестане кандидат исторических наук, первый секретарь Дагестанского ВКП(б) Нажмудин Самурский, народный поэт Дагестана Шах-

Эмир Мурадов, первый в республике генерал-майор пограничных войск Рамазан Джафаров, Герои Труда Агабек Оруджев, Сейфедин Кулиев, Ханбуба Мирземетов, композитор Зейнал Гаджиев и др.

В изданных книгах курушцев приводятся сведения о происхождении Куруша и современному состоянию села, рассматриваются вопросы материальной и духовной культуры курушцев, традиции, обряды и верования жителей села, приводятся также сведения о знатных людях Куруша.

Следует указать и на такой факт, что в этих публикациях у авторов нет единого мнения о происхождении селения Куруш, что отмечается также и в монографии З.Д. Баглиева. З.Д. Баглиев отмечает, что «в существующих источниках, исторических сочинениях, устных сообщениях нет единого мнения в вопросе о возникновении и образовании селения Куруш. В них содержатся взаимоисключающие противоречивые сведения» [Баглиев 1998: 19].

По одной версии «название селения Куруш связано с пребыванием здесь арабов из племени курейш, которые распространяли ислам в этих местах [Седрединов 2001: 236]. По другой версии основателями селения Куруш были турки, пришедшие из Закавказья. Этой версии склонен придерживаться и З.Д. Баглиев, который пишет, что «издавна тюркское кочевое население Азербайджана часто переваливало через Шахдаг на летние пастбища и основало селение Гуруджиге (сухое место), которое позднее превратилось в Куруш» [Баглиев 1998: 22].

Некоторые положения авторов этих публикаций являются противоречивыми и неубедительными для читателя.

Вопрос о происхождении селения Куруш требует специального исследования с привлечением специалистов разных профилей – историков, археологов, этнографов, лингвистов, которые на конкретном материале, проанализи-

зировав его тщательно, докажут и уточнят возникновение древнего селения Куруш.

В 1931 г. в Куруше был организован первый колхоз им. К. Маркса. В 1936 г. были организованы еще три колхоза им. Сталина, Ф. Энгельса и Тельмана.

Ведущей отраслью хозяйственной деятельности курушцев является животноводство, которое кормило, одевало и обувало жителей села. Преобладающим занятием являлось овцеводство. «В 1886 г. в Куруше было 71451 овец, 2189 КРС, 1767 лошадей. В 1899 г. всего животных было 330005 – 35% от количества скота в Дагестане [Седрединов 2001: 159].

Ввиду отсутствия пастбищ скот курушцев перегоняли на зимние пастбища. Однако «отсутствие зимних и недостаточная обеспеченность летними пастбищами лишают колхозы возможности закрепиться на одном месте, поднять мощь колхозного хозяйства, повышать продуктивность скота, строить на кутанах стандартные скотопомещения, улучшать прикутаные хозяйства, проводить неотложные зоотехнические мероприятия» [Баглиев 1998: 94]. Вместо того, чтобы решить эти вопросы и дать возможность труженикам села развивать свое хозяйство, руководители республики и Докузпаринского района в 1941 г. вынесли решение о переселении колхозов селения Куруш в Хачмасский район Азербайджанской ССР. Всего переселено 113 хозяйств. А 14 июня 1951 г. вышло постановление РИК партии «О переселении курушцев в Хасавюртовский район ДАССР [Седрединов 2001: 374, 375].

До переселения на равнину в Куруше насчитывалось 194 тысячи голов мелкого рогатого скота, а в настоящее время насчитывается 66 тысяч голов. Там образовалось пять чистых курушских сел, есть там и смешанные с игирами, курукунцами и др. села.

В Новом Куруше была открыта сберкасса, дворец культуры на 400 мест. В 1961 г. в Новом селении насчитывалось более 800 хозяйств.

В переселенческих селах курушцам пришлось заниматься незнакомыми отраслями хозяйственной деятельности: выращиванием винограда, овощных и бахчевых культур. Люди, привыкшие жить в горах, на равнине плохо переносили климатические условия, поэтому многие курушцы стали возвращаться в старое селение. Сейчас в старом Куруше насчитывается 130 хозяйств.

Заметные изменения произошли и в образовании. В.А. Пастухов, посетивший Куруш писал: «В 1892 г. в Куруше функционировали пять мечетей, в которых работали трое мулл. Светских школ в селении не было. Каждый мулла обучал мальчиков у себя на дому. Грамотных, знающих писание – Коран и шариат – 20 человек, умеющих читать – 30, получивших образование в русских учебных заведениях – двое» [Пастухов 1894: 15]. По свидетельству А.К. Седрединова в 1920 г. в Куруше был открыт пункт по ликвидации неграмотности, затем на его базе была организована двухклассная школа. В 1927 г. в Куруше была открыта пятилетняя школа. В 1930 году в Куруше функционировала семилетняя школа, в которой обучались 105 учащихся, на Кочевье также были открыты школы, где обучались 275 учащихся [Седрединов 2001: 373-374]. Сейчас в Куруше имеются две общеобразовательные школы. Ныне курушцы гордятся своими талантливыми учеными, в числе которых 9 докторов и 33 кандидата наук.

Речь жителей селения Куруш до настоящего времени не была предметом специального исследования. Впервые о курушском говоре приводятся краткие сведения в известной работе У.А. Мейлановой по исследованию лезгинских диалектов [Мейланова 1964].

Речь жителей селения Куруш по своему звуковому составу и некоторым фонетическим явлениям сближается с диалектными единицами самурского наречия. Кроме этого в курушском говоре при сравнении его с данными

литературного языка обнаруживаются отличия, фиксирующиеся только в грамматической системе говора.

В большинстве случаев расхождения между исследуемым говором и литературным языком прослеживаются в именах существительных, глаголах, служебных словах. Расхождения в области лексики между говором и литературным языком также являются одной из отличительных особенностей курушской речи.

А.С. Чикобава писал: «Изучение диалектной речи во всем ее многообразии – это не роскошь с точки зрения интересов развития литературного языка, а дело первейшей необходимости, особенно для языков младописьменных (а здесь именно наблюдается нередко недооценка значения диалектов и их изучение)» [Чикобава 1956: 8].

Как отмечает П.М. Багов, «диалектологическое изучение младописьменных языков имеет большое значение для уяснения истории развития самих диалектов, говоров и языков. Поскольку история языка неразрывно связана с историей народа, диалектология может оказать неоценимую услугу и историкам в широком смысле слова» [Багов 1968: 5].

Настоящая работа является первой попыткой специального подробного и системного описания фонетической системы, морфологического строя и лексических особенностей курушского говора. Описание исследуемого говора ведется в сравнении с литературным языком, а также с другими диалектными единицами лезгинского языка для определения места, занимаемого курушским говором.

Данная работа опирается на полевой материал, собранный нами в селении Куруш у представителей разных возрастов: Эскендеровой Тават Абдулгусейновны, Эскендерова Альберта Агаевича, Эскендерова Самура, Вердиханова Беграма Арзумановича, Азаева Джабира Габилловича, Джаватовой Назлухан Вейселовны, Мехмандаровой Нижаз Гаджимурадовны.

Автор считает своим долгом выразить им и их семьям сердечную благодарность за помощь при сборе материала и за создание комфортных условий для работы и проживания в сел. Куруш.

При подготовке работы к печати материал был проверен у Ханбабаева Кафлана Муслимовича, которому автор выражает большую благодарность.

Особую признательность автор выражает директору строительной фирмы «Ярудаг» Мехмандарову Нурали Меджидовичу и директору ООО «Автоцентра завода им. Гаджиева» Махмудову Фархаду Эллезиевичу за финансовую поддержку настоящего издания.

ГЛАВА I ФОНЕТИКА

Общие сведения о гласных

Фонетика курушского говора, как и литературного языка, характеризуется сложной системой согласных при сравнительно простой системе гласных фонем.

В говоре наличествует 9 гласных фонем **а, и, э (е), у, уь, аь, ы, о, оь**, из которых **аь, о, оь, ы** отсутствуют в литературном языке. Гласные **о** и **ы** в литературном языке в исконных словах не встречаются. Они встречаются в заимствованных из русского языка словах. Часто гласный **о** в русских заимствованиях в литературном языке заменяется звуком **у**: *дахут* «доход», *калхуз* «колхоз» и т.д.

В курушском говоре гласный **о** употребляется редко: *са солагъ* (лит. *са йисалай*) «через год», *гьогъазагъуз* (лит. *атланай*) «оттуда».

В курушском говоре широко представлен умлаутизированный гласный **оь**: *чюьгъ* «рассол для брынзы» (лит. *цвегъ*), *ноькъ* «земля» (лит. *накъв*), *роьх* «мельница» (лит. *регъв*), *чюьл* «висок» (лит. *цвел*), *цоьз* «муравей» (лит. *цвез*), *моьрчһ* «астрагал» (лит. *мажв*), *тлоькһ* «дыра» (лит. *тлвекһ*), *чһоьз* «вам» (лит. *кһвез*), *чюьли тар* «ива» (лит. *цвелли тар*), *гьоьтле* «тот» (лит. *атла*).

В приведенных примерах появление **оь** связано с переходом элемента лабиализации с согласного на предыдущий или последующий гласный звук. Однако в говоре налицо также случаи, когда появление гласного **оь** позиционно не обусловлено: *чюьна* «разрушился, рухнул (о стене, доме)» (лит. *уьцлена*), *гьоьтленаг* «то место» (лит. *атланаг*), *моьлитһ* «день рождения пророка Мухаммеда» (лит. *мевлитһ*), *чоьри* «короткий» (лит. *куьруь*), *соьл* (лит. *сел*) «ливень», *коьгъне* (лит. *куьгъне*) «старый».

Особенностью курушского говора является более широкое, чем в ахтынском диалекте, употребление в нем гласного заднего ряда верхнего подъема **ы**, впервые названного П.К. Усларом «ахтынским звуком» [Услар 1896:

17] и подробно описанного Р.И. Гайдаровым в его монографии по ахтынскому диалекту [Гайдаров 1961: 14-15].

Гласный **ы** является фонемой (*кыл* «горб» – *кул* «веник») и встречается во всех позициях слова: *гаты*^н «летний» (лит. *гату*^н), *лацы* «белый» (лит. *лацу*), *стлы*^н «совсем» (лит. *стлунни*), *чүгъвеныз* «вслед» (лит. *гүгъуьнлиз*), *сыр* «могила» (лит. *сур*), *члырыбыр* «плохие» (лит. *чурубур*), *гыргы*^н «варить» (лит. *ругун*), *ыкъыз* «днем» (лит. *йукъуз*). Хотя исследователи языка гласный **ы** считают «ахтынским звуком», в курушском говоре он употребляется гораздо чаще, чем в ахтынском диалекте лезгинского языка.

В курушском говоре встречается также гласный переднего ряда нижнего подъема **аь**. В отличие от диалектов кюринского наречия, где он является фарингализованным, в исследуемом говоре, как и в остальных диалектах самурского наречия, гласный **аь** очень слабо фарингализован или вовсе не фарингализован и встречается преимущественно в основе слов и в аффиксах: *аьхы*^н «терпеть» (лит. *эху*^н), *кьаьл* «соль» (лит. *кьел*), *завъаьр* «яд» (лит. *зегьер*), *баьгзи* «некоторый» (лит. *бязи*), *баьхс* «спор» (лит. *бьгс*) и др.

Гласные **а, у, уь, и, е** идентичны соответствующим гласным литературного языка и поэтому нет необходимости остановиться отдельно на их характеристике.

В отношении артикуляции гласные фонемы курушского говора делятся на вокалы переднего и заднего ряда. К гласным переднего ряда относятся **и, уь, э(е), оь, аь**, а к гласным заднего ряда – **у, ы, о, а**.

По подъему образования гласные исследуемого говора делятся на вокалы верхнего, среднего и нижнего подъема. К гласным верхнего подъема относятся **и, у, уь, ы**. К гласным среднего подъема относятся **э(е), о, оь**, а к гласным нижнего подъема относятся **а, аь**.

Схематически гласные курушского говора можно представить в виде следующей таблицы:

Подъем	Ряд			
	Передний		Задний	
	Губные	Негубные	Губные	Негубные
Верхний	уь	и	у	ы
Средний	оь	э (е)	о	
Нижний		аь		а

Фонетические процессы в системе гласных

Назализация гласных

Одной из основных особенностей системы гласных лезгинского языка является назализация гласных, в результате которой все гласные фонемы становятся назальными. Процесс этот заключается в том, что носовой согласный **н** во всех позициях слова за исключением интервокальной и начальной позиции ослабляется, оставляя носовой оттенок в предыдущем гласном, назализуя его.

Назализация характерна для всех лезгинских диалектов самурского, кюринского и кубинского наречий. Подробно этот вопрос освещен в работах У.А. Мейлановой [1964, 1970].

Как отмечает У.А. Мейланова, «в лезгинском языке эта закономерность действует строго последовательно в исконных и заимствованных словах всюду, где **н** отпадает независимо от грамматической категории слов и от позиции звука **н** за исключением интервокального положения: *инал* «здесь», *анар* «гранат», *тланур* «род печи» и др.» [Мейланова 1970: 62].

Назализация гласных в курушском говоре, как и во всем языке, наблюдается в конце слова и слога: *галымкьы* «оставаться» (лит. *галамукуь*), *каты* «бить» (лит. *гату*), *хи* «беречь, стеречь» (лит. *хуь*), *кацу* «тянуть, тащить» (лит. *галчуру*), *кьвеци* «камень» (эрг.) (лит. *кьваци*).

Явление назализации гласных фиксируется не только в исконных словах. Она переносится и на заимствованные

слова: *шайтла* «шайтан» (лит. *шайтла*), *гыма* «подозрение» (лит. *гыма*), *зеджефил* «имбирь» (лит. *зежефил*), *фирглава* «фараон» (лит. *фирава*), *бирзе* «брзент» (лит. *бризе*), *джейра* «жейран» (лит. *жейра*), *джедек* «тело, туловище» (лит. *жедек*).

В говоре наблюдаются случаи назализации гласных даже там, где она отсутствует в литературном языке: *ма* *гал* // *чи* «серп» (лит. *мукал*), *а* «тот» (лит. *а*), *гьа* «тот (уже упомянутый раньше)» (лит. *гьа*), *мешер* «пила» (лит. *мишер*).

Наблюдаются, хотя и редко, случаи, когда **н** отпадает бесследно, не оставляя носового оттенка в предыдущем гласном: *кIвекI* «острие, острый конец чего-л.» (лит. *кIвекI*), *кIоькIве* «вперед» (лит. *кIвекIве*).

Частые случаи бесследного исчезновения конечного **н** фиксируются в яркинском [Мейланова 1964: 62, 63] и фийском [Абдужамалов 1966: 14] диалектах.

Отдельные случаи полной деназализации конечного носового сонанта **н** имеет место и в некоторых других диалектных единицах самурского наречия.

Сингармонизм или конкордация гласных

На явление гармонии гласных в некоторых иберийско-кавказских языках было обращено внимание еще П.К. Усларом [1896], А.М. Дирром [1903: 8; 1906: 2; 1912: 2; 1913: 2], а впоследствии Л.И. Жирковым [1941: 46-47], В.Н. Панчвидзе [1940: 709], Г.М. Имнайшвили [1953: 181], А.А. Магомедовым [1965: 18]. В лезгинском языке этот вопрос подробно описан Р.И. Гайдаровым [1957: 89-93; 1959: 33; 1965: 35], а в диалектах лезгинского языка – У.А. Мейлановой [1957: 226; 1970: 65-67].

При гармонии гласных звуки переднего ряда противопоставляются гласным заднего ряда и, наоборот, гласные заднего ряда противопоставляются гласным переднего ряда. В исконных многосложных словах гармония гласных в исследуемом говоре устанавливается без ис-

ключений: *кьюьгьюьр* «еж» (лит. *кьюьгьюьр*), *гада* «мальчик» (лит. *гада*), *кульутьн* «чулок» (лит. *гуюльутьн*), *казар* «морковь» (лит. *газар*), *mlanlap* «замок» (лит. *danlap*), *игъи* «неприрученный» (лит. *егъи*), *klanlal* «сборище, группа» (лит. *ganlal*).

При словоизменении устанавливается полная или частичная гармония гласных основы слова и аффикса, т.е. в слове подбираются гласные одного ряда и подъема или же хотя бы близкие между собой по месту и способу образования гласные.

Гармония гласных наблюдается в следующих случаях:

1. В образовании форм множественного числа от односложных имен существительных в аффиксах появляется гласный, адекватный гласному корня или же близкий к нему:

<i>кваг</i>	«петля»	>	<i>квакв-ар</i>
<i>дертн</i>	«горе»	>	<i>дерд-ер</i>
<i>каш</i>	«голод»	>	<i>каш-ар</i>
<i>гъил</i>	«рука»	>	<i>гъил-ер</i>
<i>хел</i>	«ветка»	>	<i>хил-ер</i>
<i>хеб</i>	«овца»	>	<i>хипп-ер</i>

2. В образовании форм эргативного падежа:

		Эргатив	Лит.яз.
<i>къвед</i>	«куропатка»	>	<i>къвет-ре</i> <i>къвет-ре</i>
<i>квал</i>	«дом»	>	<i>квел-и</i> <i>квал-и</i>
<i>твар</i>	«имя»	>	<i>твер-ци</i> <i>твар-ци</i>
<i>метн</i>	«колени»	>	<i>мете</i> <i>метли</i>
<i>ратн</i>	«ток»	>	<i>рата</i> <i>ратра</i>
<i>рехъ</i>	«дорога»	>	<i>рекъи</i> <i>рекъи</i>
<i>фид</i>	«навоз»	>	<i>фитезы</i> <i>фитеди</i>

		Говор	Лит.яз.
<i>лаз</i>	«белая глина»	>	<i>лац-ы</i> <i>лац-у</i>
<i>къаз</i>	«зазеленевший посев»	>	<i>къац-ы</i> <i>къац-у</i>
<i>цыр</i>	«кислая патока»	>	<i>цыр-ы</i> <i>цур-у</i>

4. В именном словообразовании:

<i>хух</i>	«храп»	>	<i>хухв-ацн</i> «храпун»
<i>йацл</i>	«толщина»	>	<i>йацл-акн</i> «толстяк»
<i>кыл</i>	«горб»	>	<i>кыл-ацн</i> «горбун»

5. В образовании сложных числительных:

цлысад «одиннадцать» < *цлыд* «девять» + *сад* «один»,
цлукъуд «четырнадцать» < *цлыд* «десять» + *къуд* «четыре»,
пыткъад «шестьдесят» < *пыд* «три» + *къад* «двадцать».

6. В образовании отрицательных глаголов:

<i>аты^н</i>	«приходить»	>	<i>таты^н</i>	«не приходите»
<i>тлуть^н</i>	«кушать»	>	<i>туьтлуть^н</i>	«не кушать»
<i>рахы^н</i>	«говорить»	>	<i>таракы^н</i>	«молчать»

В ряде случаев, когда в литературном языке наблюдается отклонение от закона сингармонизма, в курушском говоре гармония проходит более закономерно и последовательно: *къва^н* «камень» > мн.ч. *къван-ар* (лит. *къван-ер*), *ва^н* «голос» > мн.ч. *ван-ар* (лит. *ван-ер*).

Частичная или полная гармония гласных обнаруживается в говоре и при образовании форм целевой формы глагола, когда как в литературном языке в этом случае конкордация гласных нарушена: *ацнукъу^н* «сидеть» > целев.ф. *ацнукъаз* // *ацнукъиз* (лит. *ацнукъиз*), *хкъуду^н* «извлекать» > целев.ф. *хкъудаз* // *хкъудиз* (лит. *хкъудиз*), *хкъамлуть^н* «кроить» > целев.ф. *хкъамлаз* // *хкъамлиз* (лит. *хкъамлиз*), *ацнукъу^н* «сесть» > целев.ф. *ацнукъаз* // *ацнукъиз* (лит. *ацнукъиз*). Целевая форма на **-аз** в говоре употребляется реже, чем формы на **-из**.

Случаи гармонии гласных, характерные для курушского говора, встречаются и в других диалектных единицах самурского наречия, в которых действие закона син-

гармонизма проявляются более последовательно, чем в диалектах кюринского наречия.

Редукция, квантитативные изменения гласных

Курушские гласные в определенных фонетических условиях подвергаются количественным изменениям: то удлиняясь, то подвергаясь редукции разной степени.

В закрытом слоге гласные сохраняют свою количественную характеристику.

Чаще всего выпадение гласных наблюдается в конце слова в безударной позиции.

Нередки случаи выпадения гласного **и** в аффиксе эргатива **-зи** в именах существительных, в субстантивированных формах имен прилагательных, местоимений и причастий:

Говор	Эргат.пад.	Лит.яз.	
<i>гада</i>	<i>гада-з</i>	<i>гада-ди</i>	«мальчик»
<i>уьлкхве</i>	<i>уьлкхве-з</i>	<i>уьлкхве-ди</i>	«страна»
<i>ватһа^н</i>	<i>ватһа^н-з</i>	<i>ватһа^н-ди</i>	«родина»
<i>чІулав</i>	<i>чІулав-з</i>	<i>чІулав-ди</i>	«черный»
<i>чІехи</i>	<i>чІехи-з</i>	<i>чІехи-ди</i>	«старший»
<i>агъа</i>	<i>агъа-з</i>	<i>агъа-ди</i>	«верхний»
<i>кьула^н</i>	<i>кьула^н-з</i>	<i>кьула^н-ди</i>	«средний»
<i>фей</i>	<i>фей-з</i>	<i>фейи-ди</i>	«ушедший»
<i>хтаа</i>	<i>хтаа-з</i>	<i>хтай-ди</i>	«вернувшийся»
<i>диде</i>	<i>диде-з</i>	<i>диде-ди</i>	«мать»

Часты случаи выпадения гласного **и** в вопросительной частице **ни** у глаголов вопросительного наклонения: *фенани* > *фена^н* «пошел ли?», *хтанани* > *хтана^н* «пришел ли?» (о чем подробно в соответствующем разделе работы).

Как известно, в лезгинском языке и почти во всех его диалектах действует закон монофтонизации нисходящего дифтонга гласный + **й**. Это явление часто наблюдается в курушском говоре, где полугласный **й** также выпадает, в

результате чего квантитавизируется предшествующий полугласному **й** гласный звук: *эвелзаа* // *эвелзагъ* (лит. *эвелдай*) «раньше», *кьылыхъаа* // *кьылыхъагъ* (лит. *кьулухъай*) «сзади», *галаази* – *галаавал* (лит. *галай* – *галайвал*) «подряд; друг за другом», *заа хьы^н* (лит. *зай хьу^н*) «пропадать», *тухваа* (лит. *тухвай*) «забравший», *рахаа* (лит. *рахай*) «говоривший», *атаа* (лит. *атай*) «пришедший».

Долгота гласных в курушском говоре наблюдается также в середине слова в результате выпадения сонорного **н**, полугласного **й**: *дулаамии хьы^н* (лит. *дула^нмии хьы^н*) «жить, проживать», *инаамыи хьы^н* (лит. *ина^нмии хьы^н*) «верить», *хтаабыр* (лит. *хтайбур*) «вернувшиеся», *рахаанаа* (лит. *раханай*) «говорил».

Как показывают примеры, в курушском говоре, а также в лезгинском языке и его диалектах отсутствуют долгие гласные и появление их является результатом фонетических изменений (выпадения звуков) и поэтому ни один из исследователей лезгинских диалектов не усматривает в таких случаях появления долгих гласных [Мейланова 1964: 210,211; Гюльмагомедов 1966: 11; Ганиева 1980: 14].

Выпадают гласные в начальной, серединной и конечной позициях слова, не подвергая изменению соседствующих звуков.

Выпадение гласных, хотя и редко, наблюдается в начальной позиции слова:

Говор	Лит.яз.	
<i>чІуь</i>	<i>уькІуь</i>	«соленый»
<i>чІуь^н</i>	<i>уьцІуь^н</i>	«разрушаться»
<i>угьуру^н</i>	<i>йузуру^н</i>	«двигать»
<i>ифиз</i>	<i>йифиз</i>	«ночью»
<i>ихтһ гьаьу^н</i>	<i>йихтһ аву^н</i>	«отучить»
<i>кһираьхІ хьы^н</i>	<i>икһрагъ хьу^н</i>	«надоедать»
<i>угьу^н</i>	<i>йузу^н</i>	«шевелиться»
<i>угьур хьыи</i>	<i>йугьур хьурай</i>	«счастливо!»

В середине слова выпадают не только отдельные звуки, но и целые слоги:

<i>галымкьы^h</i>	<i>галамукьу^h</i>	«остаться»
<i>фйтIи^h</i>	<i>фитIину^h</i>	«сосать»
<i>цIымжид</i>	<i>цIемуьжуьд</i>	«девятнадцать»
<i>хкьы^h</i>	<i>рахкуру^h</i>	«отослать»
<i>хаьзне</i>	<i>хазина</i>	«казна»
<i>джегьнем</i>	<i>джегьеннем</i>	«ад»
<i>хьигьы^h</i>	<i>хьивегьу^h</i>	«добавлять»
<i>цIыру^h</i>	<i>цIуруру^h</i>	«растопить»
<i>кьвезабур</i>	<i>кьверибур</i>	«приходящие»
<i>фейбыр</i>	<i>фейибур</i>	«ушедшие»
<i>хьейны</i>	<i>хьайила</i>	«когда случилось»
<i>хьуьрер</i>	<i>хьуьруьнар</i>	«смех»

Гласные выпадают в середине слова и в тех случаях, когда за начальным гласным второго слова следует тот же согласный, которым заканчивается первое слово: *кьуьнеллаз* < *кьуьнеллаз* «(находясь) на плечах», *сивеллаз* < *сивеллаз* «на устах».

Отдельные случаи отпадения гласных наблюдаются также в ауслауте:

<i>кнемер</i>	<i>кхамари</i>	«серебряный пояс с украшениями»
<i>гьа^hвели</i>	<i>гьавилай</i>	«поэтому»
<i>кьуру</i>	<i>кьурай</i>	«сухой»

Наращение гласных

В курушском говоре, хотя и редко, наблюдается и наращение гласных. Обычно нарастают гласные **у**, **уь** и полугласный **й**, а также целые слоги в середине и конце слова:

Говор	Лит.яз.	
<i>гавуду^h</i>	<i>гуду^h</i>	«отколоть»
<i>хуькьуьчIны</i>	<i>хкечIна</i>	«выполз»
{ <i>гагьат^hк^hаз</i>	<i>кат^hиз</i>	«бежать»

<i>гыргаз</i>	<i>ргаз</i>	«варить»
<i>к^hивирхару^h</i>	<i>куьрсару^h</i>	«вешать»
<i>хьулгьумер</i>	<i>хьлагьмир</i>	«не повторяй»
<i>хькьазы^h</i>	<i>хкажу^h</i>	«поднимать»

В заимствованиях из русского языка в курушском говоре наблюдается появление эпентических и протетических гласных: *истик^hа^h* «стакан», *устул* «стол», *бирла^hт^h* «бриллиант», *бирзе^hт^h* «брезент», *пирсидатил* «председатель», *урус* «русский».

Соответствия гласных

Закономерным для курушского говора является соответствие гласного переднего ряда среднего подъема **е** диалекта гласным **а**, **и** литературного языка:

Говор	Лит.яз.	Перевод
<i>гирве^hк^hа</i>	<i>гирва^hк^hа</i>	«фунт»
<i>петел</i>	<i>патал</i>	«ради»
<i>лемп^hе</i>	<i>лам^hпа</i>	«лампа»
<i>лем</i>	<i>лам</i>	«осел»
<i>кнемер</i>	<i>кхамари</i>	«серебряный пояс с украшениями»
<i>кьедир хьы^h</i>	<i>кьадир хьу^h</i>	«ценить»
<i>гьереззы</i>	<i>кьаразда хьу^h</i>	«тайно наблюдать за кем-л.»
<i>хьы^h</i>		«лудильщик»
<i>кьалач^hи</i>	<i>кьелеч^hи</i>	«голый»
<i>кьацIыл</i>	<i>кьецIил</i>	«косяк (двери)»
<i>гырцал</i>	<i>гуьрцел</i>	«крупа»
<i>чIихер</i>	<i>чIахар</i>	«водка»
<i>арагь</i>	<i>эрекь</i>	

е: и

<i>пеши</i>	<i>биши</i>	«глухой»
<i>пIетIиш</i>	<i>битIиш</i>	«курносый»
<i>цIеви^h</i>	<i>цIиви^h</i>	«древесный уголь»
<i>спил</i>	<i>спел</i>	«ус»
<i>зели</i>	<i>зили</i>	«пиявка»

зе ^н бил	зи ^н бил	«корзина»
зирземи	зирзими	«подземелье»
летир	литир	«след»
менези // ве- нези	виниди	«верхний»
цереv	цирав	«овца плоскокурдюч- ной породы»
шегъи	шигъи	«пятак»
цлейи	цлийи	«новый»
эцекху ^н	эцигу ^н	«положить»

Налицо и соответствия обратного порядка, когда литературному **е** в говоре соответствуют гласные **а, и**:

а: е

Говор	Лит.яз.	
салагъа	селигъа	«порядок»
шала	шеле	«вязанка»
къырах	къерех	«край»
шам // шем	шем	«свеча»

и: е

галагъчы ^н	гелячы ^н	«отставать от кого-л.»
бырдж	бурж	«долг»
быхара	бухара	«дымоход»
быхча	бухча	«одежда покойника»
былама	булама	«молозиво»
бий	буй	«рост»
джанавыр	жанавур	«волк»
къылыхъ	къулухъ	«назад»
быза	буза	«кислый напиток»
хырхы ^н	хуру ^н	«вязать»
цфыкъуд	цфукъуд	«четырнадцать»

и: у

ийгъ	йугъ	«день»
цхикIу ^н	чхукIу ^н	«рассыпаться»
чир	чуру	«борода»
чIил	чIул	«ремень»
чIитh	чIутh	«блоха»

зи ^н джир	зу ^н жур	«цепь»
кхитигу ^н	кхутугу ^н	«подходить»
а: у		
ацхакъу ^н	ацхукъу ^н	«сидеть»
саваб	суваб	«богоугодное дело»
гама	гума	«есть еще»
магъма ^н	мугъма ^н	«гость»
кхытIаныз	кхутIуниз	«завязать»

В отличие от других диалектов лезгинского языка частым явлением в курушском говоре является замена гласного **уь** литературного языка гласным **и** курушского говора:

и: уь

цIидгъу ^н	цIуьдгъуьну ^н	«скользить»
къид	къуьд	«зима»
къил	къуьл	«пшеница»
пIиркъи	буьркъуь	«слепой»
бизме	буьзме	«складка»
хир	хуьр	«село»
шкъи ^н th	шуькъуь ^н th	«улитка»
чhихи ^н	чhуьхуь ^н	«мыть»
михъ	муьрхъ	«ржавчина»
михцh	муьхцh	«сарай»
гъил	гъуьл	«море»
хъитIуз	хъуьтIуьз	«зимой»
чиригъил	цуьруьгъуьл	«грабли»
къир	къуьр	«заяц»
хи ^н	хуь ^н	«беречь»
къизи	къуьзуь	«старый»

В ударной позиции лабиальному гласному **у** курушского говора в двухсложных словах в литературном языке соответствует гласный переднего ряда верхнего подъема

и:

у: и

<i>угъру</i>	<i>угъри</i>	«вор»
<i>дугъру</i>	<i>дугъри</i>	«верный, достоверный»
<i>учхур</i>	<i>учхир</i>	«очередь»
<i>цулу</i>	<i>цили</i>	«жидкое испражнение»
<i>маджлу́с //</i> <i>меджли́с</i>	<i>межли́с</i>	«танцы на общественном месте в вечернее время»

Гласному заднего ряда верхнего подъема **ы** курушского говора в основе слова в ударной позиции закрытого слога в литературном языке соответствует гласный переднего ряда верхнего подъема **и**:

ы: и

<i>сых</i>	<i>сигъ</i>	«плотный»
<i>дарчы^н</i>	<i>дарчи^н</i>	«корица»
<i>барчы^м</i>	<i>барчи^м</i>	«заклепка»
<i>кхыт^ы</i>	<i>кхит^и</i>	«гнить»
<i>машы^н</i>	<i>маши^н</i>	«машина»
<i>иныз</i>	<i>иниз</i>	«сюда»

Консонантизм

Общие сведения о согласных

Система согласных курушского говора, в основном, совпадает с системой согласных литературного языка: **б, в, г, гь, д, ж, з, й, кн, к, къ, кь, кI, л, м, н, пн, п, пI, р, с, th, т, тI, ф, х, хь, цн, ц, цI, чн, ч, чI, ш**. Помимо этих согласных в курушском говоре представлены звонкая аффриката **дж** и фарингальные спиранты **гI** и **хI**, из которых в литературном языке отсутствует **хI**.

Звонкая аффриката **дж** в исследуемом говоре встречается довольно часто, что сближает его с диалектами кюринского наречия. А что же касается звонкой аффрикаты **дз**, характерной для диалектов кюринского типа, то ее в исследуемом говоре не обнаружено. Она в говоре заменяется переднерядным звонким спирантом **з**. Аффриката

дз отсутствует и в других самурских диалектах, что сближает исследуемый говор с диалектами и говорами самурского наречия. Однако в системе согласных курушского говора представлены лабиализованные спиранты **зв, св**, характерные для диалектов кюринского наречия. Данные звуки отсутствуют в диалектах самурского наречия, они здесь заменяются шипящими лабиализованными спирантами **жв, шв**, свойственными диалектам самурского типа. Отсутствие шипящих лабиализованных спирантов **жв, шв** в исследуемом говоре как бы отдаляет курушский говор от диалектов самурского типа и сближает с диалектами кюринского наречия.

Замена самурских шипящих кюринскими свистящими в системе согласных курушского говора до конца не выдержана. В некоторых случаях свистящие аффрикаты **цв, цIв**, характерные для диалектных единиц кюринского наречия, в курушском говоре заменяются шипящими аффрикатами **ч, чI**, свойственными для диалектных единиц кубинского и самурского наречий. Таким образом, в отношении свистящих лабиализованных спирантов, а также свистящих и шипящих лабиализованных аффрикат курушский говор проявляет смешанный характер.

Исследуемый говор отдаляет от диалектов кюринского наречия еще одна особенность, заключающаяся в том, что в нем отсутствуют характерные для диалектов кюринского наречия согласные: звонкий заднеязычный спирант **гг**, заднеязычный лабиализованный спирант **хьв**, представленный в яркинском диалекте, и звонкая увулярная аффриката **къг**, встречающаяся в гюнейском диалекте.

Таким образом, консонантная система курушского говора имеет общие черты с кюринским, самурским и кубинским наречиями лезгинского языка с уклоном к самурскому наречию. Однако здесь наблюдаются и случаи частных отклонений, что характеризует исследуемую диалектную единицу как самостоятельный смешанный говор.

Все согласные курушского говора классифицируются по месту и по способу образования.

По месту образования согласные делятся на:

1. Губные: **б, пh, п, пI, в, ф, м;**
2. Переднеязычные:
 - дентальные: **д, th, т, тI, н;**
 - денто-альвеолярные: **цh, ц, цI, з, с, л, р;**
 - альвеолярные: **дж, чh, ч, чI, ж, ш;**
3. Среднеязычные: **й, хь;**
4. Заднеязычные: **г, kh, к, кI;**
5. Увулярные: **гь, х, къ, хь, къ;**
6. Фарингальные: **гI, хI;**
7. Ларингальные: **гь, ь.**

По способу образования согласные курушского говора делятся на:

1. Смычновзрывные: **б, пh, п, пI, д, th, т, тI, г, kh, к, кI, къ, къ, ь;**
2. Аффрикаты: **цh, ц, цI, дж, чh, ч, чI;**
3. Спиранты: **в, ф, з, с, ж, ш, й, хь, гь, х, гI, хI, гь;**
4. Сонорные: **м, н, л, р.**

Смычновзрывные образуют четырехчленные пучки, внутри которых согласные подразделяются на звонкие, придыхательные, непридыхательные и смычногортанные. Таковую же четверичную систему образуют шипящие аффрикаты **дж, чh, ч, чI**, а в свистящих – троичную систему: **цh, ц, цI**. Спиранты противопоставляются друг другу только по признаку "звонкий – глухой".

Систему согласных курушского говора можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица
согласных курушского говора

По способу образования	Смычные							Спиранты		Сонорные
	Смычно-взрывные				Аффрикаты			Звонкие	Глухие	
	Звонкие	Непридыхательные	Придыхательные	Абруптивные	Звонкие	Непридыхательные	Придыхательные			
По месту образования										
Переднеязычные:										
губные	б	п	пh	пI				в	ф	м
дентальные	д	т	th	тI						н
денто-альвеолярные										
альвеолярные										
Среднеязычные										
Заднеязычные	г	к	kh	кI						
Увулярные		къ	хь	къ				гь	х	
Фарингальные								гI	хI	
Ларингальные				ь					гь	

Фонетические процессы в системе согласных курушского говора *Чередование согласных*

В курушском говоре в односложных словах при словоизменении происходят чередования согласных. На некоторые из этих процессов было обращено внимание П.К. Услара [1896: 10], Л.И. Жиркова [1941: 52], У.А. Мейлановой [1964: 77, 140; 1970: 72-76], Р.И. Гайдарова [1961: 33-37], Б.Б. Талибова [1962: 101-116] и Г.В. Топуриа [1974: 181-183].

В говоре и в литературном языке наблюдаются следующие звукопереходы согласных:

1) В ауслауте придыхательные смычные **kh**, **th**, **хь**, **пh** при изменении слова перед гласными переходят в непридыхательные согласные:

Говор		Литерат.яз	Перевод
<i>чһуьк</i> // <i>цһуьк</i>	>	<i>цһуькквер</i>	<i>цһуьквер</i> «цветок»
<i>кһекһ</i>	>	<i>кһикер</i>	<i>кһикер</i> «ноготь»
<i>чһитһ</i>	>	<i>чһитер</i>	<i>чһитер</i> «ситец»
<i>тһыпһ</i>	>	<i>тһыпар</i>	<i>тһыпар</i> «мяч»
<i>хьырхь</i>	>	<i>хьыркьар</i>	<i>хьуркьар</i> «кусок овчины»
<i>хакһ</i>	>	<i>хкар</i>	<i>хкар</i> «колышек»

2) В ряде слов конечные придыхательные **kh**, **th** в исследуемом говоре, как и в других диалектах самурского наречия, переходят в непридыхательные смычные, а в литературном языке и диалектах кюринского наречия – в абруптивы:

Говор	Эргатив	Литерат.яз.	Перевод
<i>метһ</i>	>	<i>мете</i>	<i>метIи</i> «колено»
<i>уьртһ</i>	>	<i>уьртези</i>	<i>виртIеди</i> «мед»
<i>ратһ</i>	>	<i>ратра</i>	<i>ратIра</i> «гумно»
<i>нетһ</i>	>	<i>нетре</i>	<i>нетIре</i> «вошь»
<i>нафт</i>	>	<i>нафтазы</i>	<i>нафтIади</i> «керосин»
<i>никһ</i>	>	<i>ники</i>	<i>никIи</i> «поле»
<i>йакһ</i>	>	<i>йакы</i>	<i>йакIу</i> «мясо»
<i>ракһ</i>	>	<i>рикины</i>	<i>рикIини</i> «дверь»

3) Звонкие смычные **б**, **г**, **д** в конце односложных слов при словоизменении перед гласными переходят в глухие смычные **п**, **к**, **т**:

Говор		Мн.ч.	
<i>муг</i>	>	<i>мукар</i>	«гнездо»
<i>руг</i>	>	<i>руквар</i>	«пыль»
<i>таг</i>	>	<i>таквар</i>	«сурепка»
<i>серг</i>	>	<i>серкер</i>	«чеснок»
<i>мег</i>	>	<i>мекер</i>	«челка»
<i>кваг</i>	>	<i>кваквар</i>	«петля, узел»
<i>гьаб</i>	>	<i>гьапар</i>	«горсть»
<i>таб</i>	>	<i>тапарар</i>	«ложь»
<i>раб</i>	>	<i>рапар</i>	«иголка»
<i>кьаб</i>	>	<i>кьапар</i>	«посуда»
<i>эб</i>	>	<i>эпер</i>	«веревка»
<i>себ</i>	>	<i>сеперар</i>	«ругань»
<i>хеб</i>	>	<i>хпер</i>	«овца»
<i>кьвед</i>	>	<i>кьветер</i>	«куропатка»
<i>хвад</i>	>	<i>хутар</i>	«слива»
<i>гьуд</i>	>	<i>гьутар</i>	«кулак»
<i>гьед</i>	>	<i>гьетер</i>	«звезда»
<i>туьд</i>	>	<i>тһуьтер</i>	«горло»
<i>фид</i>	>	<i>фитер</i>	«навоз»

4) Этой же закономерности подчиняется и ауслаутный звонкий спирант **гь** в односложных словах, переходящий при изменении слова в глухой непридыхательный **кь**:

		Мн.ч.	
<i>рагь</i>	>	<i>ракьар</i>	«солнце»
<i>регь</i>	>	<i>рекьер</i>	«гребень»
<i>мигь</i>	>	<i>микьер</i>	«мост»

В отдельных случаях ауслаутный **гь** при словоизменении не подвергается изменению:

<i>регъв</i>	>	<i>регъвер</i>	«мельница»
<i>магъ</i>	>	<i>магъар</i>	«лезвие плуга»
<i>ноьгъ</i>	>	<i>ноьгъоьр</i>	«мякина»
<i>моьгъ</i>	>	<i>моьгъоьр</i>	«желудь»
<i>цъыгъ</i>	>	<i>цъыгъар</i>	«визг»
<i>цъиргъ</i>	>	<i>цъиргъер</i>	«стая»

Правильное объяснение данному явлению дается в специальной литературе по лезгинскому языку [см. Талибов 1962: 121; Мейланова 1970: 75; Топуриа 1974: 182-183]. Исследователи данного явления в лезгинском языке отмечают, что переход **гъ** в **къ** имеет место в том случае, если в спиранте **гъ** совпало два звука **гъ** и **къг**. А если совпадения этих звуков нет, то спирант **гъ** при изменении слова сохраняется и не переходит в **къ**.

5) Ауслатный звонкий смычный **б** в говоре, как в литературном языке и диалектах кюринского наречия, переходит в соответствующий абруптив:

	Говор	Лит.яз.	
<i>тIуб</i>	>	<i>тhунIер</i>	<i>тh(u)nIер</i> «сова»
<i>къид</i>	>	<i>хъумIер</i>	<i>хъ(уь)тIер</i> «зима»
<i>тIыб</i>	>	<i>тhынIар</i>	<i>тh(y)nIар</i> «палец»
<i>къеб</i>	>	<i>къенIер</i>	<i>къенIер</i> «люлька»
<i>цIуб</i>	>	<i>цhунIер</i>	<i>цh(u)nIер</i> «щипок»;
			«крынка»
<i>тIыб</i>	>	<i>тIынIал</i>	<i>тh(y)nIал</i> «кольцо»

В диалектах самурского наречия начальные смычно-гортанные согласные при изменении слова остаются без изменения [см. Гайдаров 1961: 51; Абдулжамалов 1965: 15], а в курушском говоре переходят в придыхательные, что отдаляет говор от диалектных единиц самурского наречия. «Переход начального смычногортанного согласного звука в несмычногортанный придыхательный в литературном языке происходит в тех случаях, когда корневой гласный редуцируется в результате сильного ударения, которое переходит на второй слог при изменении слова

[Талибов 1962; Абдулжамалов 1965: 15]. Здесь налицо два процесса: «абруптивизация конечного звонкого смычного и оглушение (вернее получение придыхательности) начального, что, возможно, есть стремление языка в целях удобопроизношения избежать стечения смычногортанных в слове [Мейланова 1970: 75].

6) Конечный придыхательный **хъ** при словоизменении в говоре переходит в **къ**, а в литературном языке – в **къ** или же придыхательный **хъ** сохраняется:

	Говор	Лит.яз.	
<i>рихъ</i>	>	<i>рикъвер</i>	<i>руьхъвер</i> «зола»
<i>рехъ</i>	>	<i>рекъер</i>	<i>рекъер</i> «дорога»
<i>михъ</i>	>	<i>михъи</i>	<i>муьрхъуь</i> «ржавчина»

7) Переход начальных **къ** и **къ** в придыхательный **хъ**:

Говор		Лит.яз.
<i>къиб</i>	«желток»	> <i>хъити</i> <i>хъити</i>
<i>къуьчI</i>	«подмышка»	> <i>хъуьчIуькh</i> <i>хъуьчIуькh</i>
<i>къид</i>	«зима»	> <i>хъитIиз</i> <i>хъуьтIуьз</i>
<i>къиб</i>	«лягушка»	> <i>хъипре</i> <i>хъипре</i>

8) Звонкие спиранты **з**, **ж** в ауслате при словоизменении переходят в глухие аффрикаты **ц** и **ч**:

	Говор	Лит.яз.	
<i>варз</i>	>	<i>варцар</i>	<i>варцар</i> «месяц»
<i>къаз</i>	>	<i>къацар</i>	<i>къацар</i> «зазеленевший посев»
<i>лаз</i>	>	<i>лацар</i>	<i>лацар</i> «белая глина»
<i>цаз</i>	>	<i>цацар</i>	<i>цацар</i> «колючка»
<i>цозъ</i>	>	<i>цозъоьр</i>	<i>цеквер</i> «муравей»
<i>радж</i>	>	<i>рачар</i>	<i>рачар</i> «запас зерна»
<i>садж</i>	>	<i>сачар</i>	<i>сачар</i> «металлический круг для выпечки хлеба»

Таким образом, в чередованиях согласных курушского говора проявляются две тенденции: дезабруптивизация глухих смычных и утрата придыхательности в других придыхательных смычных звуках.

Ассимиляция согласных

Ассимиляция согласных наблюдается в литературном языке и диалектах. В курушском говоре встречаются почти все виды ассимиляции согласных, но чаще всего наблюдаются случаи регрессивной ассимиляции согласных.

Примерами полной регрессивной ассимиляции согласных могут служить:

Говор	Лит.яз.	
<i>mIamIana</i>	<i>damIana</i>	«постоянно»
<i>kIukIvary^h</i>	<i>khukIvaru^h</i>	«колоть, разбить»
<i>tuzyugya</i>	<i>davugya</i>	«суп на кислом молоке»
<i>plapIrys</i>	<i>banIrys</i>	«папироса»

Гораздо чаще в исследуемом говоре встречаются случаи неполной регрессивной ассимиляции. В начале целого ряда слов звонкие согласные под воздействием глухих согласных корня подвергаются неполной регрессивной ассимиляции:

Говор	Лит.яз.	
<i>kIapIal</i>	<i>gapIal</i>	«толпа»
<i>mIapIap</i>	<i>dapIap</i>	«замок»
<i>plamIush</i>	<i>bitIush</i>	«курносый»
<i>mIakIun</i>	<i>dakIu^h</i>	«опухать»
<i>plirkъekh</i>	<i>buirkъeic^h</i>	«слепец»
<i>pakhara</i>	<i>bakhara</i>	«необходимый»
<i>keltigy^h</i>	<i>galtygu^h</i>	«гнаться»
<i>kapnyr</i>	<i>gapnyr</i>	«кинжал»
<i>katny^h</i>	<i>gamy^h</i>	«бить»
<i>thukIunar</i>	<i>durkIunar</i>	«почки» (анат.)
<i>khyrцыл</i>	<i>gyrcул</i>	«щенок»
<i>tekeny</i>	<i>dekIena</i>	«хорошо бы»

Лабиялизация согласных

Для курушского говора, как и для всего языка в целом, характерны лабиализованные согласные, имеющие место в консонантной системе многих дагестанских языков [Гудава 1956; Микаилов 1958; Бокарев 1959, 1961; Имнайшвили 1963; Магометов 1963, 1965, 1974; Джейранишвили 1966; Талибов 1972; Гюльмагомедов 1974 и др.]. А в современных языках лабиализованные звуки подверглись заметным изменениям [Жирков 1941; Джейранишвили 1966] и не во всех дагестанских языках и диалектах они представлены одинаково. «В настоящее время, – пишет А.А. Магометов, – в некоторых из этих языков корреляция по лабиализации утрачена. Наблюдается также промежуточный процесс утраты этой корреляции, когда в пределах одного и того же языка могут быть представлены диалекты с лабиализацией и диалекты, утратившие лабиализацию (напр. в даргинском, табасаранском, лакском языках). Для большинства дагестанских языков (в частности для большинства лезгинских языков) ныне характерно наличие корреляции по лабиализации» [Магометов 1974: 269].

Рассматриваемые звуки в курушском говоре имеют фонематическое значение: *kъva^h* «камень», но *kъa^h* «кровь»; *kъвал* «бок», но *kъал* «скандал»; *kвал* «зуд», но *кал* «корова».

В литературном языке представлены следующие лабиализованные согласные: **г – гв, гь – гъв, з – зв, к – кв, къ – къв, кь – къв, кI – кIв, с – св, т – тв, тI – тIв, х – хв, хь – хъв, ц – цв, цI – цIв**. В яркинском диалекте и в некоторых словах стальского переходного говора гюнейского диалекта представлен также лабиализованный согласный **хъв** [Мейланова 1970: 86]. В остальных диалектах лезгинского языка этот звук отсутствует совершенно.

В курушском говоре представлены все лабиализованные согласные, имеющиеся в литературном языке. Они могут находиться в начале, середине и конце слова.

В курушском говоре встречаются первичные и вторичные лабиализованные согласные. Как отмечает Т.Е. Гудава, «лабиализация является первичной в тех случаях, где ее наличие не обусловлено комбинаторными изменениями. Лабиализация является вторичной, когда она вызвана определенными фонетическими изменениями» [Гудава 1956: 215]. Так, например, в некоторых глаголах лезгинского языка вторичные лабиализованные получены в результате стяжения двух простых глагольных превербов (последним из которых является преверб **-ав**, содержащий в своей структуре лабиальный **в**), в результате чего губно-губной согласный второго преверба, контактируясь с предшествующим согласным, лабиализует последний, что наглядно видно при сравнении данных литературного языка с аналогичными данными курушского говора: лит. *kħva* «есть (под)» < *kħava*, ср. курушск. *kħyva*; лит. *gva* < *gava* «есть», ср. курушск. *gava*.

В курушском говоре, как и в других диалектных единицах лезгинского языка, идет процесс делабиализации лабиализованных согласных, который, по мнению Б.Б. Талибова, объясняется «стремлением языка к упрощению фонетической системы, экономии артикуляционных движений органов речи» [Талибов 1972: 35].

Процесс делабиализации ведет к тому, что в одних случаях элемент лабиализации полностью затухает, не оставляя каких-либо следов, в других – переходит на предыдущий и последующий гласный звук [Талибов 1976: 112 – 113]. Обратимся к примерам из курушского говора:

а) элемент лабиализации исчезает бесследно:

Говор	Лит. яз.	
<i>ge^h</i>	<i>gve^h</i>	«жатва»
<i>гена</i>	<i>гвена</i>	«сжал»
<i>пIиркъецħ</i>	<i>буъркъвецħ</i>	«слепец»
<i>маркħ</i>	<i>маркħв</i>	«стог сена»

Такие интересные случаи бесследного исчезновения лабиализованных согласных отмечены также У.А. Мейлановой в стальском переходном говоре лезгинского языка и в кузунском диалекте кубинского наречия [Мейланова 1959; 1992; 2004: 55-56] и нами в джабинском диалекте лезгинского языка [Ганиева 1972: 228-229], и явление это нужно считать характерным для многих диалектов лезгинского языка. Чаще всего делабиализации подвергаются согласные **к**, **кI**, **тI**, в то время как в других дагестанских языках эти согласные чаще всего лабиализуются [Гудава 1964: 58].

б) Элемент лабиализации переходит на предыдущий или последующий гласный звук, в результате чего после этих согласных появляются лабиальные гласные **у**, **уь**, **оь**:

Говор	Лит. яз.	
<i>чухъ дегиины</i>	<i>квехъ дегиина</i>	«на что поменял»
<i>кьутħу</i>	<i>кьватħи</i>	«шкатулка»
<i>чIоьгъ</i>	<i>цIвегъ</i>	«рассол для брынзы»
<i>цIоьцIоьр</i>	<i>цIекIвер</i>	«мякина»
<i>чIоьз</i>	<i>кħвез</i>	«вам»
<i>чIоьлер</i>	<i>цIвелер</i>	«виски»
<i>роьх</i>	<i>регъв</i>	«мельница»
<i>цоьцоьр</i>	<i>цеквер</i>	«муравьи»
<i>ноькъ</i>	<i>накъв</i>	«земля»
<i>чIоьли^h тар</i>	<i>цIвели^h тар</i>	«ива»
<i>моьрчħ</i>	<i>мажв</i>	«астрагал»

Отмечены случаи лабиализации согласных там, где она отсутствует в литературном языке и других диалектах лезгинского языка:

Говор	Лит. яз.	
<i>хутħхваны</i>	<i>хутахна</i>	«унес»
<i>чħквал</i>	<i>цIакħул</i>	«перо птичьё»
<i>кватħа^h</i>	<i>куьте^h</i>	«плуг»
<i>чухъгъвена</i>	<i>гухъгъуьна</i>	«позади»

Лабиализованные согласные, надо полагать, являются древними звуками, которыми, по мнению исследователей, располагал язык – основа нынешних иберийско-кавказских языков [Гудава 1956: 234]. А в современных языках, в частности в лезгинском языке, они подвергаются некоторым изменениям – ряды лабиализованных разрушаются [Жирков 1941: 24]. Лабиализация исследуемого говора также претерпевает некоторые изменения, как делабиализация корневого согласного, переход лабиализации с согласного на гласный.

Редукция и выпадение согласных

В курушском говоре наблюдаются случаи выпадения и редукции как отдельных согласных, так и целых слогов в анлауте, инлауте и ауслауте.

Закономерным для курушского говора является отпадение конечного звука **й** в конце целого ряда глагольных, причастных и наречных форм, в результате чего предыдущий гласный звук становится долгим:

Говор	Лит. яз.	
<i>эвелзаа</i>	<i>эвелдай</i>	«вначале»
<i>хвазаа</i>	<i>хъвадай</i>	«выпивал»
<i>жезаа</i>	<i>жедай</i>	«бывало»
<i>хазаа</i>	<i>хадай</i>	«бьющийся»
<i>атлаа некһ</i>	<i>атлай некһ</i>	«свернувшееся молоко»
<i>аквазаа</i>	<i>аквадай</i>	«виднелся»
<i>кһилигзаа</i>	<i>кһилигдай</i>	«смотрел»
<i>гъизаа</i>	<i>гъидай</i>	«приносил»

Встречаются в говоре факты анлаутного отпадения **й** в целом ряде слов:

Говор	Лит. яз.	
<i>угъуру^н</i>	<i>йузуру^н</i>	«шевелить»
<i>ифиз</i>	<i>йифиз</i>	«ночью»
<i>ихтһ аву^н</i>	<i>йихтһ аву^н</i>	«отпугнуть от себя»
<i>усуз</i>	<i>йисуз</i>	«в году»

<i>угъу^н</i>	<i>йузу^н</i>	«шевелиться»
<i>къыз</i>	<i>йикъуз</i>	«днем»
<i>угъур хъый</i>	<i>йугъур хъурай</i>	«счастливо!»

В литературном языке встречается целый ряд глаголов, принимающих двойные окончания **ун, ун, ин, ун**. В курушском говоре, как и в остальных диалектных единицах самурского наречия, отпадает второе окончание:

Говор	Лит. яз.	
<i>цIыры^н</i>	<i>цIуруру^н</i>	«растопить»
<i>фитIы^н</i>	<i>фитIину^н</i>	«сосать»
<i>хты^н</i>	<i>хутIуну^н</i>	«снимать (одежду)»
<i>тIышы^н</i>	<i>тIушуну^н</i>	«массировать»
<i>цIидгъи^н</i>	<i>цIуьдгъуьну^н</i>	«скользить»
<i>лукIуь^н</i>	<i>лукIуьну^н</i>	«разговаривать»
<i>кытIы^н</i>	<i>кутIуну^н</i>	«привязать»

В курушском говоре имеет место отпадение губно-губного **в** в дифтонге **ви** и переход дифтонга **ви** в **уь**:

Говор	Лит. яз.	
<i>уьл</i>	<i>вил</i>	«глаз»
<i>уьлуькһа^н</i>	<i>виликһа^н</i>	«прежний»
<i>уьлуькһ</i>	<i>виликһ</i>	«вперед»

В говоре в отдельных словах выпадают согласные **р, гь, н**

Говор	Лит. яз.	
<i>михъ</i>	<i>муьрхъ</i>	«ржавчина»
<i>тһукIунар</i>	<i>дуркIунар</i>	«почки» (анат.)
<i>экъ</i>	<i>гъекъ</i>	«пот»
<i>хъирер</i>	<i>хъуьруьнар</i>	«насмешки»
<i>кIвекI</i>	<i>кIве^нкI</i>	«острый конец»
<i>кIвекIве</i>	<i>кIве^нкIве</i>	«впереди»

Нарашение согласных

В исследуемом говоре наблюдаются случаи наращивания отдельных согласных и слогов в конце и середине слова:

Говор	Лит. яз.	
<i>венеиз</i>	<i>виниди</i>	«верхний»
<i>гьеъиза</i>	<i>ийида</i>	«сделает»
<i>гьоътленаг</i>	<i>атланаг</i>	«то место»
<i>гагъатһиз</i>	<i>катһиз</i>	«бежать»
<i>акъатһкһна</i>	<i>акъатһна</i>	«вышел»
<i>кһивирхару^н</i>	<i>куьрсару^н</i>	«вешать»

Оглушение звонких согласных

Характерным для исследуемого говора, как и для диалектов самурского [Мейланова 1964: 278-279; Гайдаров 1961: 44; Абдулжамалов 1965: 4-5] и кубинского [Гаджиев 1997: 74-75; Гюльмагомедов 1966: 8] наречий, является оглушение звонких согласных **б, г, д** и переход их в соответствующие по месту образования глухие **п, к, т**. Для диалектов кюринского наречия оглушение звонких согласных в начале слова является редким явлением, и отмечено оно в нютюгском говоре яркинского диалекта [Мейланова 1964: 71, 248-256]. Специально этот вопрос в лезгинских языках исследовали Б.Б. Талибов [1960, 1977] и Г.В. Топуриа [1974: 181-183].

Оглушение звонких согласных характерно также курушскому говору в различных позициях слова (в основном в исконных и реже в заимствованных словах), что можно проиллюстрировать следующими примерами:

п < б:

Говор	Лит. яз.	
<i>пармакһ</i>	<i>бармакһ</i>	«папах»
<i>палка^н</i>	<i>балка^н</i>	«лошадь»
<i>пеши</i>	<i>биши</i>	«глухой»
<i>пакһара</i>	<i>бакһара</i>	«необходимый»
<i>сапаб</i>	<i>запаб</i>	«ладанка с молитвой»

<i>чһыпарукI</i>	<i>чһубарукI</i>	«ласточка»
<i>павхIс</i>	<i>бягъс</i>	«спор»
<i>пһатһис</i>	<i>батистһ</i>	«батист»

к < г:

<i>кырма</i>	<i>гирве</i>	«проход»
<i>эцикһна</i>	<i>эцигна</i>	«положил»
<i>казар</i>	<i>газар</i>	«морковь»
<i>катһы^н</i>	<i>гатһу^н</i>	«бить»
<i>кеши^н</i>	<i>гиши^н</i>	«голодный»
<i>качһал</i>	<i>гачһал</i>	«парша»
<i>кһичи у^н</i>	<i>гижжи аву^н</i>	«оглушить»
<i>куьлуьтһ</i>	<i>гуьлуьтһ</i>	«чулок»
<i>кагъ-кагъ</i>	<i>гагъ-гагъ</i>	«иногда»
<i>капһыр</i>	<i>ганһур</i>	«кинжал»
<i>калцу^н</i>	<i>галчIуру^н</i>	«тащить»
<i>казитһ</i>	<i>газетһ</i>	«газета»
<i>кичи^н</i>	<i>гичи^н</i>	«глиняный горшок»

т < д:

<i>тһукIунар</i>	<i>дуркIунар</i>	«почки»
<i>ти^нг</i>	<i>ди^нг</i>	«крупорушка»

х < гь:

<i>хъачһах</i>	<i>къачһагъ</i>	«разбойник»
<i>бышлых</i>	<i>башлугъ</i>	«башлык»
<i>сых</i>	<i>сигъ</i>	«плотный»
<i>роьх</i>	<i>регъв</i>	«мельница»

Аффрикатизация

Для лезгинского литературного языка и его диалектов характерен процесс аффрикатизации переднеязычных согласных **д, т, тI**. Переход переднеязычных дентальных в соответствующую переднеязычную аффрикату **ц** происходит при словоизменении, когда дентальный согласный оказывается в ударной позиции перед гласными верхнего подъема. Например: *тар* «дерево» > *терци* (< *тарди* эрг.п.), ср. *тһар* «тара (музыкальный инструмент)»

> *tħa'pzy*; *par* «груз, вьюк, поклажа» > *perçij* (< *pardij* эрг.п.), ср. *par* «пар» > *pa'pzy*. Данное явление Б.Б. Талибов объясняет: «Там, где ударение передвигается с основы на окончание, соответственно изменяется и согласный компонент окончания. Трансформация **-ди** в аналогичных условиях произошла как в литературном языке, так и в диалектах» [Талибов 1980: 80-81].

В ряде слов в литературном языке и диалектах лезгинского языка разновидностями аффикса эргатива могут выступать аффиксы **-ци**, **-чи**, **-чи** и **-джи**. Обратимся к примерам из курушского говора:

Говор		Эргатив	
<i>tvar</i>	>	<i>tverçij</i>	«имя»
<i>klar</i>	>	<i>klerçij</i>	«скалка»
<i>çar</i>	>	<i>çerçij</i>	«бумага»
<i>çlar</i>	>	<i>çlerçij</i>	«волос»

Разновидности аффикса эргатива **-ци** (**-ци**, **-чи**, **-чи**) в лезгинском языке, по утверждению Л.И. Жиркова «возникли в результате неполной ассимиляции с разными согласными основы слова [Жирков 1941: 50-51].

Трансформация **д** перед узкими гласными в ударной позиции и переход в аффрикату в курушском говоре и в других диалектах лезгинского языка отмечается не только в аффиксе, но и в основе слова: *çif*, *çif* (джаб.) < * *dif* «облако», ср. табас. *dif*, будух. *джуьф*, арчин. *дилъа*; *çluykI* < * *dukI* «просо», ср. табас. *dukI*, агул. *дукI*, рутул. *дуйкI*, цахур. *дикI*, бежт. *тlуго*, цез. *тlево*, гинух. *тlигве*, гунз. *тlуго*; *çil* < *çil* < *дзил* < * *дил* «канат», ср. табас. *тил*, агул. *тил*, рутул. *тlоьл*, цахур. *тlоьл*.

Интересно отметить еще одну отличительную от литературного языка особенность курушского говора – переход спирантов **ж**, **ш**, **с** литературного языка в аффрикаты **ч** и **ц**:

Говор	Лит. яз.	
<i>кħичи у^h</i>	<i>гижчи аву^h</i>	«оглушить»
<i>тапацħ</i>	<i>тапас</i>	«лапа»
<i>чызы^h</i>	<i>жузу^h</i>	«спросить»
<i>чы^h</i>	<i>жи^h</i>	«злой дух»

Дезаффрикатизация

Чаще всего дезаффрикатизации подвергаются звонкие аффрикаты **дз**, **дж**. Что касается курушского говора, то в нем отсутствует звонкая аффриката **дз**, которая заменяется звонким спирантом **з**, а аффриката **дж** в говоре сохранена. Обе аффрикаты **дз** и **дж** отсутствуют в ахтынском диалекте, а в яркинском диалекте они обе сохранены [Мейланова 1964: 68: 74].

Обратимся к примерам:

Говор	Ахтын. диал.	Яркин. диал.	
<i>бырдж</i>	<i>бырж</i>	<i>бурдж</i>	«долг»
<i>джаваб</i>	<i>жаваб</i>	<i>джуваб</i>	«ответ»
<i>джанавыр</i>	<i>жанагур</i>	<i>джанавур</i>	«волк»
<i>джалгъа</i>	<i>жалгъа</i>	<i>джалгъа</i>	«саженец»
<i>мез</i>	<i>мез</i>	<i>медз</i>	«язык»
<i>лаз</i>	<i>лаз</i>	<i>ладз</i>	«белок (яйца)»
<i>къаз</i>	<i>къаз</i>	<i>къадз</i>	«посев»

В курушском говоре во всех отрицательных формах глагола, а также в местоимениях и наречиях наблюдается дезаффрикатизация глухой аффрикаты **ч** с последующим переходом ее в спирант **ш**:

Говор	Лит. яз.	
<i>физаш</i>	<i>фидачħ</i>	«не пойдет»
<i>къвезаш</i>	<i>къведачħ</i>	«не придет»
<i>ганаш</i>	<i>ганач ħ</i>	«не дал»
<i>хвазаш</i>	<i>хъвадачħ</i>	«не выпьет»
<i>аваш</i>	<i>авачħ</i>	«нет»
<i>выш</i>	<i>вучħ</i>	«что?»
<i>вушиз</i>	<i>вучħиз</i>	«почему?»

Данное явление наблюдается в кубинском диалекте [Гаджиев 1997], а также в хурюгском [Мейланова 1964: 208, 305] и смугульском [Ганиева 2003: 83] говорах самурского наречия.

В суффиксе **-чһир**, выражающем давнопрошедшее условное и другие времена, в курушском говоре также имеет место перехода аффрикаты **ч** в **ш**, при этом конечный **р** переходит в **й**: *фенаший* (лит. *феначһир*) «не пошел», *тӀуьнаший* (лит. *тӀуьначһир*) «не поел».

В хурюгском говоре переход **чһ** в **ш**, если в аффиксе отрицания **-чһир** после аффрикаты **чһ** следует гласный звук, не наблюдается. Невозможность перехода **чһ** в **ш** в хурюгском говоре У.А. Мейланова объясняет так: «Что касается суффикса **-чһир**, выражающего давнопрошедшее условное и некоторые другие времена, то надо было бы ожидать и здесь замену формата **-ч** формантом **-ш**, так как суффикс **-чһир** содержит в себе целиком суффикс **-чһ**. Однако в говоре такой замены нет, форматив **-чһ** в аффиксе **-чһир** сохраняется без изменения, а конечный **р** переходит в неслоговое **й**, что имеет место в ряде форм некоторых диалектов (например, в некоторых глагольных формах, во множественном числе имен и т.д. в гюнейском, яркинском и ахтынском диалектах). Тот факт, что **-чһ** в данном суффиксе сохраняется без изменения, говорит о том, что в хурюгском говоре мы имеем не новый суффикс отрицания, а фонетический (вторичный) вариант суффикса **-чһ** [Мейланова 1964: 305].

Палатализация

«Явление палатализации в лезгинском языке заключается в том, что заднеязычные лабиализованные **гв**, **кв**, **кһв**, **кӀв**, представленные в яркинском диалекте в позиции перед или после гласного переднего ряда, переходят в гюнейском диалекте в свистящие согласные (то же самое имеет место и в кубинском диалекте), а в ахтынском диалекте – в шипящие» [Талибов 1980: 86].

Процесс палатализации отмечается и в других дагестанских языках [Гаприндашвили 1948; Магометов 1964: 505-508; 1970: 38-40] и др. Так, например, в андийских языках палатализация заднеязычных смычных является одним из распространенных фонетических процессов [Гудава 1953: 339-340; 1964: 75-81; 1967: 307-321, 351-367; Церцвадзе 1963: 277; Магомедбекова 1960: 360 и др.]. А в табасаранском языке [Магометов 1964: 507; 1965: 76-77], а также в фийском [Абдулжамалов 1965: 9] и мазинском [Ганиева 2004] диалектах лезгинского языка заднеязычные смычные заменяются дентолабиализованными шипящими согласными.

Для курушского говора, как и для джабинского диалекта лезгинского языка, характерен переход заднеязычных смычных в одних случаях в шипящие, а в других – в свистящие аффрикаты, что и отличает их от остальных диалектных единиц лезгинского языка.

Обратимся к примерам:

Яркин. Лит. яз. Куруш.г. Атын.
диал. диал.

		з		
		гг <		
		ж		
<i>ггуьл</i>	<i>зул</i>	<i>зул</i>	<i>жул</i>	«осень»
<i>ггуьр</i>	<i>зур</i>	<i>зур</i>	<i>жур</i>	«половина»
<i>ггуьрер</i>	<i>зурар</i>	<i>зурар</i>	<i>журар</i>	«сухофрукты»
<i>ггуьрба</i>	<i>зирба</i>	<i>зирба</i>	<i>журба</i>	«мера сыпучих тел»
<i>ггвел</i>	<i>звал</i>	<i>звал</i>	<i>жвал</i>	«кипение»

		дз		
		г <		
		ч		
<i>гуюьна</i>	<i>дзуюьвена</i>	<i>чуюьвена</i>		«сзади»

		ц			
	к <				
		ч			
Яркин. диал.	Лит. яз.	Кубин. диал.	Куруш.г.		
куьруь	куьруь	цурьруь	чоьри	«короткий»	
куьр	цур	цур	чур	«хлев»	
квал	цвал	цвал	чвал	«шов»	
куь"	цу"	цу"	цукьу"	«шить»	
куьл	цул	чуьл	чул	«сноп»	
цукьI	цукьI	чуькI		«просо»	
куьлуь	куьлуь	чуьлуь	чуьлуь	«мелкий»	
куьнуь	куьнуь	чуьнуь	чуьнуь	«оселок»	
куь"	куь"	цуь" йа	чуь" йа	«сколько стоит?»	
кве	кве	цве	чве	«в чем?»	

цн**кн <****чн**

Яркин. диал.	Лит. яз.	Кубин. диал.	Куруш.г.		
кнуб"	кнуб"	цнуб"	чнуб"	«вы»	
кнвез	кнвез	цнвез	чнвез	«вам»	
цнубквер	цнубквер	цнубквер	чнубквер	«цветы»	

цI**кI <****чI**

Яркин. диал.	Лит. яз.	Кубин. диал.	Куруш.г.		
кIвел	цIвел	цIвел	чIоьл	«висок»	
кIвели"	цIвели"	цIвели"	чIоьлуь"	«ива»	
тар	тар	тар	тар		
кIуьд	кIуьд	цIуьд	чIуьд	«девять»	
цIекIуьд	цIекIуьд		цIычIуьд	«девятнадцать»	
кIуьлуькн	цIуьлуькн	цIуьлуькн	чIоьлуькн	«кресс-салат»	

уькIуь	уьцIуь	уьцIуь	чIуь	«солёный»
нуькI	нуькI	нуцI	нуцI	«птица»
уькIуь"	уьцIуь"	уьцIуь"	чIуь"	«разрушиться»
цубкI			чIуькI	«просо»
цIакнул			чIквал	«перо»
кIвегь	цIвегь	цIвегь	чIоьгь	«рассол для брынзы»
кIекIвер	цIекIвер	цIоьцIоьр		«мякина»

Абруптивизация

В целом ряде слов курушского говора анлаутный звонкий смычный, хорошо сохранившийся в литературном языке, оглушается и уподобляется второму согласному корня:

Говор	Лит. яз.	
пIетIиш	битIиш	«курносый»
пIиркьи	буьркьуь	«слепой»
кIапIал	ганIал	«толпа»
тIатIана	датIана	«непрерывно»
тIакIун	дакIун	«опухнуть»
тIанIар	данIар	«замок»
тIекьикIа	декьикьа	«минута»

Процессу абруптивизации подвергаются и глухие смычные согласные, что также является результатом регрессивной ассимиляции согласных:

Говор	Лит. яз.	
чIимерукI	чIемерух	«рогатка»
чIуькI	цуькI	«просо»
кIукIвары"	кнукIвару"	«колоть»

Дезабруптивизация

В курушском говоре, как и в диалектных единицах самурского и кубинского наречий, встречаются случаи дезабруптивизации смычногортанных, представленных в литературном языке и диалектах кюринского наречия:

къ < кь

Говор и Ахтын. диал.	Лит. яз.	
<i>акъалтIы^н</i>	<i>акъалтIу^н</i>	«кончатся»
<i>къадар</i>	<i>къадар</i>	«количество»
<i>къефес</i>	<i>къефес</i>	«клетка»
<i>хъисметн</i>	<i>къисметн</i>	«судьба»
<i>къитн</i>	<i>къитн</i>	«дефицитный»
<i>къы^н</i>	<i>къу^н</i>	«держать»
<i>къур</i>	<i>къур</i>	«сухость»
<i>къурагъ</i>	<i>къурагъ</i>	«засушливый»
<i>хъуркъу^н</i>	<i>къуру^н</i>	«сохнуть»
<i>къылыхъ</i>	<i>къулухъ</i>	«сзади»
<i>некъи</i>	<i>некъи</i>	«земляника»
<i>гIакъыллы</i>	<i>акъулли</i>	«умный»
<i>къакъаа</i>	<i>къакъа^н</i>	«высокий»

к < кI

Говор и Ахтын. диал.	Лит. яз.	
<i>палка^н</i>	<i>балкаIа^н</i>	«лошадь»
<i>квалах</i>	<i>кIвалах</i>	«работа»
<i>кени</i>	<i>кIани</i>	«любимый»
<i>кек</i>	<i>кIекн</i>	«петух»
<i>келерба^н</i>	<i>кIелерба^н</i>	«пастух ягнят»
<i>кыртн</i>	<i>кIуртн</i>	«шуба»
<i>вакарба^н</i>	<i>вакIарба^н</i>	«свинарь»
<i>кы^н</i>	<i>кIу^н</i>	«клин»
<i>кыл</i>	<i>кIул</i>	«горб»
<i>кукн</i>	<i>кIукI</i>	«вершина»
<i>кам</i>	<i>кIам</i>	«ущелье»
<i>канз-така^нз</i>	<i>кIа^нз-дакIа^нз</i>	«нехотя»
<i>тнхуькуь^н</i>	<i>тнхуькIуь^н</i>	«ладить»

т < тI

<i>астар</i>	<i>астIар</i>	«подкладка»
<i>мышатил</i>	<i>мухатIил</i>	«ячмень на глазу»
<i>наштар</i>	<i>ништIер</i>	«перочинный нож»

<i>тамгъа</i>	<i>тIамгъа</i>	«тамга»
<i>таныр</i>	<i>тIанур</i>	«печь (для выпечки хлеба)»
<i>твар</i>	<i>тIвар</i>	«имя»
<i>устар</i>	<i>устIар</i>	«мастер»
<i>тал</i>	<i>тIал</i>	«боль»
<i>тур</i>	<i>тIур</i>	«ложка»

По свидетельству Б.Б. Талибова, «гюнейские формы (формы литературного языка – Г.Ф.), т.е. абруптивы, в структуре слова по своему генезису вторичны и восходят в одних случаях к звонким смычным, в других – к простым глухим смычным, о чем красноречиво свидетельствуют слова как исконного происхождения, так и заимствования. Вторичны по своему генезису также преруптивы, представленные в приведенных словах в ахтынском диалекте. Они, как и в гюнейском, являют собой результат трансформации или звонких смычных, или глухих смычных» [Талибов 1980: 77].

В ряде случаев в отличие от ахтынского диалекта в курушском говоре и диалектах кюринского наречия в многосложных словах наблюдается дезабруптивизация смычногортанных согласных, первоначальные формы которых, по утверждению Б.Б. Талибова [1980: 76], сохранились в ахтынском диалекте:

Говор	Лит. яз.	Ахтын. диал.	
<i>тн(ы)нIал</i>	<i>тн(у)нIал</i>	<i>тIынIал</i>	«кольцо»
<i>чн(ы)чIег</i>	<i>чн(у)чIек</i>	<i>чIучIаг</i>	«лук» (бот.)
<i>хъ(у)тIуз</i>	<i>хъуьтIуьз</i>	<i>къуьтIуьз</i>	«зимой»
<i>къуьнчIуькн</i>	<i>хъуьчIуькн</i>	<i>къучIукн</i>	«подмышкой»
<i>цн(у)нIуцI</i>	<i>цн(у)нIуцI</i>	<i>цIунIуцI</i>	«виноград»
<i>цн(ы)цIыл</i>	<i>цн(у)цIул</i>	<i>цIыцIыл</i>	«куница»
<i>тн(у)нIре</i>	<i>тн(у)нIре</i>	<i>тIунIре</i>	«сова»

Как отмечает Б.Б. Талибов, «данные ахтынского диалекта свидетельствуют о том, что в основе рассматривае-

мого фонетического явления лежит перемещение ударения с последующей редукцией корневого гласного верхнего подъема. По своей силе ударение в литературном языке, а также в диалекте, легшем в его основу, и в ахтынском диалекте имеет некоторое отличие: в литературном языке ударение по своему характеру более сильное, интенсивное, оно более или менее четко фиксируется на одном слоге – втором от начала слова, в ахтынском же, как показывают наши наблюдения, ударение по своему проявлению менее интенсивное, слабое» [Талибов 1980: 79].

Спирантизация

В курушском говоре в ряде слов наблюдается переход абруптива **кь** и аффрикат **чһ** и **хь** литературного языка в спиранты **гь**, **ж**, **ш**:

гь < кь

Говор	Лит. яз.	
<i>тлегь</i>	<i>тлекь</i>	«птичий помет»
<i>арагь</i>	<i>эрекь</i>	«водка»
<i>сурагь</i>	<i>суракь</i>	«известие»
<i>башмагь</i>	<i>башмакь</i>	«башмак»

ш, дж, ж < чһ

<i>жи</i>	<i>чһи</i>	«наш»
<i>садж</i>	<i>сачһ</i>	«металлический круг для выпечки хлеба»
<i>вуш</i>	<i>вучһ</i>	«что?»
<i>кһабаш</i>	<i>кһабачһ</i>	«комоль»
<i>шефте</i>	<i>чһефте</i>	«щеколда»

Субституция

Субституции в исследуемом говоре в основном подвергаются сонорные:

Говор	Лит. яз.	
<i>балгам</i>	<i>балгьа</i>	«мокрота»
<i>ныкӀаб</i>	<i>лакӀаб</i>	«прозвище»

{ <i>муь</i> "куь"	<i>мумки</i> "	«возможный»
{ <i>ми</i> "ки"		
<i>хьу</i> "ца	<i>хьурц</i>	«рысца»
<i>тӀулутӀ</i>	<i>тӀунутӀ</i>	«лепешка»
<i>зылда</i> "	<i>зи</i> "да"	«темница»
<i>псис</i> кул	<i>псид</i> кул	«веник из соцветий тростника»
<i>кьашкьа</i> "	<i>кьаскьа</i> "	«спина и плечи»
<i>мыхатӀил</i>	<i>мухатӀил</i>	«ячмень на глазу»

Глава II МОРФОЛОГИЯ

Имя существительное Число имен существительных

Категория числа является одной из основных морфологических категорий языка. «Средствами выражения категории числа обладают все языки. Большинство из них в категорию числа включает единственное и множественное число. Но есть языки, которые обнаруживают также двойственное и даже тройственное число» [Мейланова 1985: 52].

В курушском говоре, как и в лезгинском литературном языке, имена существительные употребляются в двух числах – единственном и множественном: *сив* «рот» → *сивер* «рты», *сал* «огород» → *салар* «огороды», *кьав* «крыша» → *кьавар* «крыши», *чил* «земля» → *чилер* «земли», *ра*"г «цвет» → *ра*"гар «цвета».

Оба числа в исследуемом говоре имеют также заимствованные существительные, которые в заимствуемом языке употребляются в форме только одного числа: *кофе* – *кофейар* «кофе», *какав* – *какавар* «какао», *кимоно* – *кимонояр* «кимоно», *жюри* – *жюрияр* «жюри», *маружна* – *маружнайар* «мороженое», *сутка* – *суткайар* «сутки», *петли* – *петлийар* «петли», *туфли* – *туфлийар* «туфли».

Показатели множественного числа в говоре принимают все названия исчисляемых предметов. Однако здесь обнаруживаются и такие разряды имен существительных, у которых категория числа не проявляется, поскольку они лишены противопоставления форм единственного и множественного чисел и используют формы либо единственного числа (*singularia tantum*), либо множественного числа (*pluralia tantum*), «что определяется спецификой их семантики, а вместе с нею и спецификой числовых понятий, которые они выражают» [Мейланова 1985: 56].

Примерами *singularia tantum* в исследуемом говоре могут служить:

а) названия болезней человека и животных: *ифи*^н «жар, высокая температура» (лит. *эфи*^н), *ваба* «холера» (лит. *ваба*), *Гаджал* «смерть» (лит. *ажал*), *агьургьа*^н «крапивница» (лит. *агьургьа*^н), *сталджам* «воспаление легких» (лит. *сталжем*), *дабакь* «ящур» (лит. *дабакь*), *фалыдж* «паралич» (лит. *фалуж*), *бугьма* «круп» (лит. *бугьма*);

б) названия частей тела: *лешкь* «селезенка» (лит. *цувлез*), *маскьу* «мозг» (лит. *мефт*);

в) названия животных: *кхабаш* «комолый, безрогий (о животном)» (лит. *кхабачн*), *хьуңиһа* «рысца» (лит. *хьуриң*), *тһыпІал кал* «яловая корова» (лит. *чІуру кал*);

г) названия дней недели: *Гарба* «среда» (лит. *арбе*), *джимІаь* «пятница» (лит. *жумья*), *саласа* «вторник» (лит. *саласа*), *хІаьд* «воскресенье» (лит. *гьяд*);

д) слова с отвлеченным значением и другие имена существительные: *гьма*^н «подозрение» (лит. *гима*^н), *шакһ* «подозрение; сомнение» (лит. *шакһ*), *Гарш* «высь, самая высокая точка, зенит» (лит. *арш*), *Гар* «стыд» (лит. *ар*).

В курушском говоре, как в литературном языке и других диалектах лезгинского языка, некоторые имена существительные единственного числа при образовании от них форм множественного числа приобретают совершенно другую семантику: *сыр* «могила» > *сырар* «клад-

бище», *даба*^н «пятка» > *дабанар* «каблуки» (лит. *дабанар*), *зур* «половина» > *зурар* «сухофрукты», *кьазма* «землянка» > *кьазмайар* «хутор» (лит. *кьазмайар*), *регь* «гребень» > *рекьер* «соты», *Ілар* «ступенька» > *Іларар* «остатки в кормушке».

К рассмотренной выше группе слов относятся имена существительные, мотивированные именами прилагательными и глаголами: *кьацы* «зеленый» > *кьацар* «зазеленевший посев», *мичли* «темный» > *мичлер* «безлунные ночи», *лацы* «белый» > *лацар* «белая пряжа», *аку*^н «видеть» > *акунар* «приятная внешность», *амукьу*^н «остаться» > *амукьайар* «остатки; пережитки», *асы*^н «белить» > *асынар* «побелка» и т.д.

Примерами *pluralia tantum* в курушском говоре служат названия продуктов питания, болезней, предметов домашнего обихода и хозяйственного назначения: *гьеферар* «тмин» (лит. *эферар*), *кһуьцер* «желчь» (лит. *тһуькьуьл*), *тывавьрар* «насморк» (лит. *тһунав*), *кемер* «серебряный пояс с украшениями» (лит. *кхамари*), *чІхер* «круп» (лит. *чІахар*), *mlanІар* «мышеловка» (лит. *кьулар*), *гьилевар* «название одного из родов в Куруше», *кепекһар* «отруби» (лит. *пһалар*, *кепекһар*).

Множественное число имен существительных в лезгинском языке образуется непосредственно от формы именительного падежа единственного числа посредством аффиксов **-ар**, **-ер**, **-йар**. Как видно из приведенных аффиксов множественности, в лезгинском языке отсутствует то разнообразие аффиксов множественности, что наблюдается в других дагестанских и лезгинских языках. Однако, по мнению И.Г. Арсаханова, «с точки зрения родства нахско-дагестанских языков интересным является наличие в этих языках большого количества имен, которые образуют множественное число посредством суффикса **-р**, т.е. в качестве одного из показателей именительного падежа множественного числа почти во всех дагестанских и

нахских языках выступает суффикс **-р** (с каким-нибудь гласным или без него)» [Арсаханов 1974: 268].

К приведенным выше аффиксам множественного числа **-ар, -ер, -йар** в курушском говоре добавляется еще отсутствующий в литературном языке и в целом ряде диалектов лезгинского языка аффикс множественного числа **-оьр**.

Экспонентом множественного числа с соответствующими гласными выступает **-р**, которого впервые увязал с показателем грамматического класса Г.В. Топуриа [1959]. По данному вопросу высказывался и С.М. Хайдаков, который также отмечал, что «наиболее древним способом выражения количества в дагестанских языках в именах существительных является классный – значения единичности и множественности предметов передавались (т.е. выражались) посредством классных экспонентов, локализованных в самих именах существительных. В процессе развития мыслительной категории количества произошло одно весьма существенное качественное преобразование данной категории – замена классно-числовой категории обычной категорией грамматического числа, которая в современных дагестанских языках является основной» [Хайдаков 1980: 15].

Выбор аффикса множественного числа в лезгинском языке, как отмечает Р.И. Гайдаров, зависит от характера корневого гласного основы, количества слогов в слове и характера исхода слова (гласный или согласный) [Гайдаров 1961: 57].

Аффикс множественного числа **-ар** принимают:

а) имена существительные, состоящие из двух и более слогов, оканчивающиеся на согласный звук: *чюьликһ* «кресс-салат» > *чюьликһар* (лит. *цӀуьлуькһ*), *уьзуьг* «обручальное кольцо» > *уьзуьгар* (лит. *закӀал*), *джегьил* «юноша» > *джегьилар* (лит. *жегьил*), *цӀурнугь* «поросенок» > *цӀурнугьар* (лит. *жекьи*);

б) односложные слова с согласным исходом, содержащие в основе один из гласных заднего ряда: *гьуд* «кулак» > *гьутар* (лит. *гьуд*), *гьвар* «бревно» > *гьварар* (лит. *гьвар*), *кы^н* «клин» > *кынар* (лит. *кӀу^н*), *кһсул* «свирель» > *кһсулар* (лит. *кһфил*).

в) В ряде слов гласный аффикса множественного числа *а* полностью соответствует гласному основы слова, т.е. в говоре аффикс множественности подчинен закону сингармонизма, характерного для лезгинского языка. В литературном языке в этом случае мы имеем гласный *е* в нарушение закона сингармонизма. Обратимся к примерам: *кьва^н* «камень» > *кьванар* (лит. *кьванер*), *кӀвачӀ* «нога» > *кӀвачӀар* (лит. *кӀвачер*), *ва^н* «голос» > *уванар* (лит. *ванер*).

Как отмечает У.А. Мейланова, «первичным и основным из них является гласный **а**, не только потому, что именно он вместе с экспонентом **р** образует аффикс множественного числа для всех двух- и многосложных имен, будь то исконные слова или заимствованные, но и потому, что именно он сочетается с многими односложными словами независимо от характера гласного основы. Последнее характерно для ахтынского диалекта, и, на наш взгляд, именно здесь сохранилась исторически первичная форма множественности лезгинского языка (ср. ахт. *ичӀ* «яблоко» > *ичӀар*, пел «лоб» > *пелар*, *кһицӀ* «собака» > *кһицӀар*, *кьван* «камень» > *кьванар* и т.д.)» [Мейланова 1985: 53].

Аффикс **-ер** в курушском говоре, как и в литературном языке, принимают односложные имена существительные с согласным исходом, содержащие в основе один из переднерядных гласных: *кел* «ягненок» > *келер* (лит. *кӀелер*), *уьр* «озеро» > *уьрер* (лит. *вирер*), *цӀуькӀ* «цветок» > *цӀуьквер* (лит. *цӀуьквер*), *кекӀ* «петух» > *кекер* (лит. *кӀеккер*), *руьхь* «зола» > *рикьер* (лит. *руьхьвер*).

Редко встречающийся в лезгинских диалектах аффикс множественности **-оьр** в курушском говоре принимают односложные имена существительные на согласный

исход с корневыми гласными **оь** и **е**: *чловьгь* «рассол для брынзы» > *чловьгьор* (лит. *цлвегь*), *моьрчһ* «астргал» > *моьрчьор* (лит. *мажв*), *цъовз* «муравей» > *цъоцьор* (лит. *цегв*), *цъоьцӀ* «мякина» > *цъоьцӀор* (лит. *цлекӀв*), *поькһ* «одежда» > *поькһьор* (лит. *пекһ* «тряпка»), *тӀоькһ* «дыра» > *тӀоькһьор* (лит. *тӀвекһ*).

Аффикс **-йар** присоединяется к именам существительным с гласным исходом: *буба* «отец» > *бубайар*, *агьа* «господин» > *агьайар*, *эсидай* «мучная халва» > *эсидайар*, *зурне* «зурна» > *зурнейар*, *угьру* «вор» > *угьруйар*.

Что касается суффиксов **-лар**, **-лер**, то они, по мнению Л.И. Жиркова, проникли в лезгинский язык из азербайджанского языка [Жирков 1941: 44] вместе с соответствующими лексическими единицами: *багь* «сад» > *багьлар*, *дагь* «гора» > *дагьлар*, *чһуьл* «поле» > *чһуьллер*, *эл* «народ» > *эллер*, *сел* «ливень» > *селлер*.

В целом ряде случаев при образовании форм множественного числа исходный придыхательный смычный в говоре переходит в преруптив, а в литературном языке в этом случае он переходит в абруптив:

Говор		Лит. яз.		
<i>никһ</i>	> <i>никер</i>	<i>никһ</i>	> <i>никӀер</i>	«поле»
<i>йакһ</i>	> <i>йакар</i>	<i>йакһ</i>	> <i>йакӀар</i>	«мясо»
<i>вакһ</i>	> <i>вакар</i>	<i>вакһ</i>	> <i>вакӀар</i>	«свинья»
<i>уьртһ</i>	> <i>уьртер</i>	<i>виртһ</i>	> <i>виртӀер</i>	«мед»
<i>ратһ</i>	> <i>ратар</i>	<i>ратһ</i>	> <i>ратӀар</i>	«ток (с/х)».

Интересно отметить в исследуемом говоре целый ряд слов, принимающих удвоенные суффиксы множественности: *себ* «ругань» > *сеперар*, *таб* «ложь» > *тапарар*, *кьу* «спина» > *кьунарар*, *пӀыз* «губа» > *пӀызарар*, *хучар* «переметная сума» > *хучарар*, *гырар* «лестница» > *гырарар*, *пһырар* «седло» > *пһырарар*, *тӀанӀар* «замок» > *тӀанӀарар*, *ракар* «дверь» > *ракарар*, *дам* «сосуд» > *дамарар*, *чы* «злой дух» > *чынарар*, *кһичӀ* «страх» >

кһичӀерар, *кьенер* «узда» > *кьенерар*, *лувар* «крыло» > *луварар*.

На отмеченное нами явление аффиксации имен существительных было обращено внимание лезгиноведов и высказаны ими различные мнения по данному вопросу. Так, например, У.А. Мейланова в своей статье, посвященной основным вопросам формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке, пишет, что «один из двух показателей множественности в настоящее время никакой функциональной нагрузки не несет и является избыточным. Однако наличие его именно в названиях парных предметов дает возможность квалифицировать этот аффикс как показатель ограниченного множественного, в данном случае двойственного числа. Впоследствии по закону аналогии это явление перешло и на некоторые иные лексемы, в том числе заимствованные, где уже не прослеживается парность предметов» [Мейланова 1985: 56].

Однако в примечании редактора к названной выше статье У.А. Мейлановой К.Ш. Микаилов отмечает, что «скорее всего, речь здесь должна идти о функциональной стороне, ибо «классическое» двойственное число требует оформления его специальным формантом и, кроме того для двойственного числа вовсе не обязательна «парность» обозначаемых предметов» [Микаилов 1985: 56]. Мы также склонны придерживаться этого мнения, так как в наших материалах зафиксированы не только слова, выражающие парность предметов, но и другие лексемы с иной семантикой.

Специальную статью о двойственном числе в лезгинских языках написали А.Г. Гюльмагомедов и Ш.М. Саадиев, где после тщательного анализа материалов о множественном числе по лезгинским языкам приходят к заключению о том, что «в лезгинских языках двойственного числа нет, а есть единственное и множественное числа.

Последнее выражается простыми и сложными аффиксами» [Гюльмагомедов и Саадиев 1988: 320].

Склонение имен существительных

Категория падежа является одним из основных признаков имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений. «Грамматическая категория вообще и грамматическая категория падежа представляет собой объективный факт, выявляющийся в грамматическом строе как единство смысловой стороны (значения группы однородных или даже разнородных значений, систематически выступающих вместе) и материального выражения (показателя или группы показателей, систематически выступающих друг вместо друга). Изучение же этих значений даст более или менее отчетливую картину о том, какую систему падежей выработал тот или иной язык» [Бокарев 1954: 39 – 40].

У.А. Мейланова пишет, что «изучение значений падежей – дело сложное и трудоемкое, ибо падежи многозначны и значение падежа меняется в зависимости от семантики самого слова, оформляемого тем или иным падежом, от семантики управляющего этим падежом глагола, от характера всего словоизменения, иначе контекста и т.д.» [Мейланова 1960: 5].

Система склонения лезгинского языка привлекала внимание исследователей лезгинского языка и диалектов.

Первое подробное описание падежной системы одного из смешанных говоров яркинского диалекта дает в известной работе П.К. Услар [1896], который определил количество падежей и разделил их на две группы – падежи, выражающие отвлеченные отношения, и падежи, выражающие пространственные отношения.

Вслед за П.К. Усларом Л.И. Жирков в «Грамматике лезгинского языка» [1941] дополнил раздел о склонении имен существительных и впервые разбил местные падежи на пять серий, куда входят по три падежа (падеж покоя,

падеж направления, исходный падеж). Как отмечает У.А. Мейланова: «Преимущества же сериального деления местных падежей перед усларовской классификацией очевидны, ибо при сериальной классификации парадигма склонения приобретает более стройный вид, избегая лишнего разделения падежей на подразряды, и, что очень важно, серии объединяют падежи близкие не только по характеру локализации предмета в пространстве, но и очень близкие по значению» [Мейланова 1960: 12].

М.М. Гаджиев в «Синтаксисе лезгинского языка» при характеристике членов предложения рассматривает функции некоторых падежей.

Трудоемкой и сложной проблеме падежей и их функций посвящена специальная монография У.А. Мейлановой «Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка» [1960], которая является первым подробным опытом всестороннего и исчерпывающего освещения падежной системы лезгинского языка.

Исследование свое автор строит на материалах литературного языка, а там, где необходимо, привлекается также и диалектный материал.

Если в работах предыдущих исследователей лезгинского языка уделялось внимание отдельным функциям некоторых падежей, то в монографии У.А. Мейлановой охватываются почти все значения каждого падежа, корректируются и дополняются мнения предшествующих исследователей.

Особенности падежной системы литературного языка и диалектов лезгинского языка отражены также в отдельных статьях У.А. Мейлановой [1961: 205 – 214; 1984: 277 – 278], Р.И. Гайдарова [1987: 128 – 132; 2003: 119 – 124], А.Г. Гюльмагомедова [1967: 145 – 154; 1968: 169 – 185], Н.А. Абдулжамалова [1967: 123 – 144], Ф.А. Ганиевой [1972: 327 – 337; 1997: 63 – 65] и др.

В специальном капитальном труде У.А. Мейлановой [1964], посвященном исследованию диалектов лезгинско-

го языка, приводятся особенности склонения имен существительных яркинского, курахского, докузпаринского, ахтынского диалектов и примыкающих к ним говоров, к числу которых относится и курушский говор. К сожалению, в данной работе сведения о системе склонения курушского говора ограничиваются приведением всего лишь двух особенностей (по эргативу и исходному падежу) падежной системы исследуемого говора.

Одной из характерных особенностей имени существительного курушского говора, как и других диалектных единиц лезгинского языка, является многопадежная система склонения. Падежи делятся на две группы – на основные, общеграмматические падежи, выражающие субъектно-объектные отношения и местные падежи, выражающие пространственные отношения между предметами.

Основные падежи

К основным падежам курушского говора относятся именительный (номинатив), активный – эргативный (эргатив), родительный (поссесив) и дательный (датив).

Именительный падеж курушского говора, как и литературного языка и других лезгинских диалектов, является неоформленным падежом и составляет основу для всех остальных падежей лезгинского языка.

Основной синтаксической функцией именительного падежа является роль субъекта (грамматического подлежащего) в предложении при непереходном глаголе-сказуемом: *Гада гьилани анал алама* «Мальчик до сих пор находится там»; *Вах жиныз атана* «Сестра пришла к нам».

Имя существительное в именительном падеже в форме единственного и множественного числа при переходном глаголе-сказуемом выступает в функции реального объекта (прямого дополнения): *Кхицли кхицли йахь незаиш* «Собака не ест собачье мясо»; *Рыша кал ацазва* «Девочка доит корову».

В форме именительного падежа имя существительное может употребляться и как часть составного сказуемого: *Ам къени инса^и йа* «Он добрый человек (есть)»; *Гадазы кьил ийизва* «Мальчик танцует» (букв. «Мальчик танец делает»).

Существительное в именительном падеже может выступать в роли определения и обращения: *Къызылызы^и савглайт* «Золотые часы»; *Фарида, зы гьил йахь* «Фарида, держи мою руку».

Эргативный падеж литературного языка образуется от именительного посредством маркеров **-ди (-ци, -цли, -чи, -чли, -жи < джи), -ни, -ра (-ре), -и, -а, -е, -у, -уь**.

Особенности, характеризующие систему склонения курушского говора, сводятся к следующим:

Самой яркой особенностью исследуемого говора является замена универсального аффикса эргатива **-ди** литературного языка аффиксом **-зи (-зы)**, характерным для ахтынского диалекта самурского наречия:

Говор	Лит. яз.	
<i>дидези</i>	<i>дидеди</i>	«мать»
<i>кхуьчези</i>	<i>кхуьчеди</i>	«улица»
<i>беде^изи</i>	<i>беде^иди</i>	«тело»
<i>куьнуьзи</i>	<i>куьнуьди</i>	«улей»
<i>джанавырзы</i>	<i>жанавурди</i>	«волк»
<i>чакъалзы</i>	<i>чакъалди</i>	«шакал»

Аффиксу эргатива **-ди** может предшествовать гласный **а** или **е**, в результате чего аффикс получает форму – **ади** или **еди**. Характер тематического гласного **а** или **е** зависит от гласного в корне. Если в корне слова содержится один из гласных переднего ряда (**е, и, уь**), то в качестве тематического гласного выступает **е**. А если в корне слова наличествует один из гласных заднего ряда, то тематическим гласным в данном случае выступает гласный **-а**:

Говор	Лит. яз.	
<i>гымазы</i>	<i>гумади</i>	«дым»
<i>быгъазы</i>	<i>бугъади</i>	«пар»
<i>гъерезы</i>	<i>гъереди</i>	«сплюна»
<i>живезы</i>	<i>живеди</i>	«снег»
<i>цифезы</i>	<i>цифеди</i>	«облако, туман»

Аффиксы **-ци, -цџи, -чи, -чџи** являются вариантами аффикса **-ди**, которого исследователи лезгинского языка [Жирков 1941; Талибов 1966: 551] считают первичным. Как отмечает Б.Б. Талибов, «показатели **-ци, -цџи, -чи, -чџи** – результат трансформации аффикса **-ди** под ударением. Иными словами, если после согласного *д* следует один из узких гласных (**и** или **уь**) и на такой слог падает ударение, то в такой фонетической позиции *д*, аффрикатизируясь, переходит в **ц**, **ац**, в свою очередь, в зависимости от качества корневого согласного переходит в **цџ**, **чџ**, **ч**, **ж**» [Талибов 1966: 551]:

Говор	Лит. яз.	
<i>клар</i> > <i>клерцџи</i>	<i>кларцџи</i>	«скалка»
<i>квар</i> > <i>кверцџи</i>	<i>кварцџи</i>	«кувшин»
<i>къев</i> > <i>къевцџи</i>	<i>къевцџи</i>	«сомужница»
<i>тар</i> > <i>терцџи</i>	<i>тарцџи</i>	«дерево»
<i>чар</i> > <i>черчџи</i>	<i>чарчџи</i>	«бумага»
<i>члар</i> > <i>члерчџи</i>	<i>чларчџи</i>	«волос»

Аффикс **ни** в литературном языке получают тематические гласные **а, у, и, уь**, а в курушском говоре – **а, е**. Выбор того или иного тематического гласного зависит от характера корневого гласного. Если в корне гласный заднего ряда (**а, у**), то тематическим гласным выступает **у** (в говоре **а, ы**), при корневом гласном переднего ряда (**е, и**) тематическим гласным выступает **и** (в говоре **е**), а если в корне слова лабиализованный гласный **уь**, то тематическим гласным становится **уь** (в говоре **е**).

Обратимся к примерам:

Говор	Лит. яз.	
<i>сам</i> > <i>саманы</i>	<i>самуни</i>	«солома»
<i>кул</i> > <i>куланы</i>	<i>кулуни</i>	«веник»
<i>цаз</i> > <i>цацаны</i>	<i>цацуни</i>	«колючка»
<i>гъакь</i> > <i>гъакьыны</i>	<i>гъакьуни</i>	«правда, истина»
<i>гаф</i> > <i>гафыны</i>	<i>гафуни</i>	«слово»
<i>цџил</i> > <i>цџилены</i>	<i>цџилини</i>	«веревка»
<i>къуькь</i> > <i>къуькьвены</i>	<i>къуькьуьни</i>	«вилы»

В целом ряде односложных слов конечный звонкий смычный перед аффиксом эргатива переходит в глухой смычный вариант:

Говор	Лит. яз.	
<i>раб</i> > <i>рапаны</i>	<i>рапуни</i>	«иголка»
<i>риб</i> > <i>рипены</i>	<i>рипини</i>	«шило»
<i>къаб</i> > <i>къапаны</i>	<i>къапуни</i>	«посуда»
<i>пагв</i> > <i>пакваны</i>	<i>пакуни</i>	«ребро»
<i>серг</i> > <i>серки</i>	<i>серки</i>	«чеснок»
<i>туьд</i> > <i>туьтены</i>	<i>тхуьтуьни</i>	«горло»

В односложных именах существительных конечные придыхательные в литературном языке перед аффиксом эргатива переходят в смычно-гортанные, а в говоре, как и в ахтынском диалекте, в непрдыхательные:

Говор	Лит. яз.	
<i>нафтџ</i> > <i>нафтазы</i>	<i>нафтџади</i>	«керосин»
<i>некџ</i> > <i>некези</i>	<i>некџеди</i>	«молоко»
<i>йакџ</i> > <i>йакы</i>	<i>йакџу</i>	«мясо»
<i>метџ</i> > <i>мете</i>	<i>метџи</i>	«колени»
<i>ракџ</i> > <i>рикини</i>	<i>рикџини</i>	«дверь»

Следует отметить, что остальные аффиксы эргатива **-ра (-ре), -и, -а, -е, -ы, -у, -уь** сочетаются только с односложными основами за исключением собственных имен,

оканчивающихся на согласный и принимающих маркер -а:

Говор		Лит. яз.	
къаз	> къазра	къазра	«гусь»
кекн	> кекре	кекхре	«петух»
къил	> къили	къуьлуь	«пшеница»
рехъ	> рекъи	рекъи	«дорога»
фу	> фья	фа	«хлеб»
къел	> къеле	къеле	«соль»
кыл	> кылы	кѹлу	«спина; горб»
гъуд	> гъуту	гъуту	«кулак»
къил	> къили	къуьли	«танец»
Халид	> Халида	Халида	«мужское имя»

В курушском говоре зафиксированы случаи, когда некоторые имена существительные, оформленные в эргативе аффиксом **-зи** (лит. **-ди**), произносятся без гласного компонента **и**:

Говор		Лит. яз.	
бубазѹ	> баз	бубади	«отец»
дидезѹ	> дидез//деез	дидеди	«мать»
гъайванзи	> гъайванз	гъайванди	«животное»
гадази	> гадааз	гадади	«мальчик»

Во множественном числе имена существительные в литературном языке в эргативе принимают аффикс **-и**, которому в курушском говоре соответствует **-ы** и **-и**:

Говор		Лит. яз.	
паб	> папары	папарѹ	«женщины»
къвал	> къвалары	къваларѹ	«бока»
раг	> рагары	рагарѹ	«скалы»
рагъ	> ракъары	ракъарѹ	«солнце»
хеб	> хперы	хперѹ	«овцы»
сил	> силеры	силерѹ	«рожь»

Главной и характерной особенностью эргативного падежа является роль субъекта при переходных глаголах: **Гафыны** (лит. *гафунѹ*) *тнурнлагъ зырбаз атлѹза* погов. «Слово острее меча режет»; **Лежберзи** (лит. *лежберди*) *ѹа^н ѹызва* «Крестьянин пашет землю»: **Гъуьлегъзи** *хам де-гишза, хесийатн ваъ* «Змея шкуру меняет, а характер нет».

Эргативный падеж может выражать и орудие действия: **Ваѹлѹ тар тухвана** «Река унесла дерево».

Родительный падеж курушского говора, как и литературного языка, образуется от эргативного падежа присоединением к нему аффикса **-н**:

Говор эрг.		Лит. яз.
микъѹ	«мост»	микъѹн муькъуьн
къвала	«бок»	> къвалан къвалан
ѹаманы	«браслет»	> ѹаманын ѹамунѹн
нураны	«луч»	> нуранын нурди

Характерным для курушского говора, как и для литературного языка и его диалектов, является ослабление аффикса родительного падежа с последующей назализацией главного компонента аффикса эргатива **-ди**: *къѹре^н ша^нна* (лит. *къуьре^н ша^нна*) «зайчонок», *къѹели^н хлайванар* (лит. *къѹали^н гъайванар*) «домашние животные».

Нередко гласный компонент косвенной основы **-ди** может не только назализоваться, но и выпадать полностью: *Вун дидез* (< *дидезѹ^н*, лит. *дидеди^н*) *къене фикл кака-на?* «Как ты удержался в утробе матери?»; *Дидез* (< *дидезѹ^н*, лит. *дидеди^н*) *ѹлал тийѹжѹр инса^н ѹехѹ бахтунѹкхагъ махѹрым ѹа* погов. «Кто не знает родного языка (букв. «материнского языка»), тот лишен большого счастья»; *Лежберз* (< *лежберзи^н*, лит. *лежберди^н*) *хзан фаз къарагъзы* погов. «Семья крестьянина рано встает».

Основной функцией родительного падежа является выражение атрибутивных отношений между двумя име-

нами: *кици* хам «собачья шкура», *булахзи* йад «родниковая вода».

Имена существительные в родительном падеже употребляются в следующих значениях:

а) при определении материала: *пнекхзи* шал «платок из шелка» (лит. *ипнекхди* шал), *кирпичизи* квал (лит. *кирпичди* квал), *кыли* фы «пшеничный хлеб» (лит. *кыульу* фу);

б) при выражении понятия времени: *къени* йыгъ «сегодняшний день» (лит. *къени* йугъ); *зулу* бегьер «осенний урожай» (лит. *зулу* бегьер), *гаты* йыгъ «летний день» (лит. *гатун* йугъ);

в) родительный падеж в функции дополнения: *Рыша* уьер *пхериша* йа «Глаза девочки печальные»; *Квели* кылыхъ *багъ гала* «За домом находится сад»; *Йацхра* дамах *ада* кхрчар йа «Гордостью вола являюся его рога»;

г) родительный падеж с послелогом: *Классзы* уьуьк (лит. *классди* вилик) *айалар* кватI хъанва «Дети собрались возле класса»; *Столзи* кленик (лит. *столди* кланик) *пхси* къатканава «Под столом спит кошка».

Дательный падеж образуется от формы эргатива при помощи аффикса –з: *сев* «медведь» > эрг. *севре* > дат.п. *севрез*, *гъуьлаьгъ* «змея» > эрг. *гъуьлаьгъзи* > дат.п. *гъуьлаьгъзиз*.

Дательный падеж служит падежом:

а) обстоятельства места: *Пиркызи* садра *аватхай* фырыз *мад* *ахваткхзаши* «В один раз упавшую яму слепец повторно не падает»; *Кхуьчезагъ* *физваа* *кхас* *жи* *Квелиз* *гъахъна* «По улице идущий человек в наш дом зашел»;

б) объекта: *Келу* *и са* зыз *йадни* *фу* *хъти* *герекх* йа погов. «Учеба человеку нужна как хлеб и вода»; *Гъурбатхза* *и са* зыз *виридалаани* *багъази* *вата* йа погов. «На чужбине самым дорогим для человека (букв. человеку) является родина»;

в) субъекта при глаголах чувственного восприятия: *Япарыз* *хъса* сес *къезваши* «Уши плохо слышат» (букв. «Уши хорошо не слышат»); *Дидезиз* // *деез* *аквазва* *вуна* *вуч* *ийизватIа* «Мама видит, что ты делаешь»;

г) субъекта при глаголах обладания: *Жи* *айалзыз* *гедж* *чал* *акъатхна* «Наш ребенок поздно начал говорить»; *Рышаз* *къве* *айал* *хъана* «У дочери двое детей» (букв. «Дочери двое детей стало»);

д) послеложного управления: *Къу* *шизыз* *кхилигна* *жи* *квал* *чир* *хъана* «Из-за соседа распалась наша семья».

Местные падежи

Местных падежей в лезгинском литературном языке и говоре восемнадцать. В местные падежи входят падежи покоя и сближения – локативы или эссивы, падежи удаления или исхода – элативы и облативы и падежи посредства или движения по направлению к данному предмету – директивны.

Местные падежи лезгинского языка Л.И. Жирков делит на пять серий. В каждую серию входит по три падежа – локатив, аблатив и директив [Жирков 1941].

В нашей работе мы пользуемся названиями падежей и сериальной классификацией, приведенной в монографии У.А. Мейлановой, посвященной специальному исследованию деklinационной системы лезгинского языка [Мейланова 1960: 13]:

Именительный падеж

Активный (эргативный)

Родительный

Дательный местный

Местный

Исходный

Направительный

Местный

Исходный

Направительный

I серия со значением нахождения
у, около чего-либо и движения
именно по такому направлению.
II серия со значением нахождения
за чем-либо и движения именно
по такому направлению

Местный	}	III серия со значением нахождения
Исходный		
Направительный	}	под чем-либо и движения именно по такому направлению
Местный		
Исходный	}	IV серия со значением нахождения в, внутри чего-либо и исхода действия именно изнутри чего-либо
Исходный		
Местный	}	V серия со значением нахождения на поверхности чего-либо и движения именно по такому направлению
Исходный		
Направительный		

Как видно из сериальной классификации падежей, четвертая серия местных падежей оказалась ущербной и неполной из-за отсутствия в ней направительного IV падежа. Луи Ельмслев в свое время высказал предположение о наличии в лезгинском языке утерянного девятнадцатого падежа, и этим падежом он считал форму наречий на *-з* и назвал этот падеж падежом *adverbial* [Ельмслев 1937]. В подтверждение предположения Л. Ельмслева У.А. Мейланова пишет: «Материалы нескольких говоров кюринского и кубинского наречий подтвердили это предположение (Ельмслева – Ф.Г.). В говорах гюнейского и кузунского диалектов как реликтовое явление сохранились формы нескольких наречий с аффиксом *-зди*, показывающим именно направление действия. В таких примерах как, *винизди алад* «иди вверх (по направлению вверх)»; *агъузди хъана чилелай къван къачуна* «нагнувшись (спустившись) вниз, взял с земли камень»; *накъ ада и патазди чукурзавай* «вчера он бежал по направлению в эту сторону»; элемент *-ди* здесь – маркер директива, уточняющего направление действия. Эти формы, мы полагаем, являются отголосками когда-то функционировавшего в языке директива IV, ныне утерянного лезгинским языком» (Мейланова 1987: 149).

Мысль о том, что в лезгинском языке было не восемнадцать, а больше падежей высказывалась также М.М. Гаджиевым [1997: 111] и Р.И. Гайдаровым [1987: 131]. Причиной отсутствия направительного падежа серии со значением «во внутрь» Р.И. Гайдаров считает тенденцию к сокращению количества падежей в лезгинском языке [Гайдаров 1987: 131].

Три первых серии местных падежей литературного языка со значением нахождения **у, около** чего-либо, **за** чем-либо, **под** чем-либо и производные от них три элатива и три директива образуются от формы эргатива прибавлением соответствующих аффиксов. Четвертый локатив со значением **в, внутри** чего-либо у одних имен совпадает с формой эргатива, а у других имен образуется от имени-тельного падежа. От этой четвертой серии локатива образуется V серия локатива, а от него – директив V.

Местный I-ый падеж в курушском говоре образуется от эргатива при помощи аффикса *-г*, а в литературном языке *-в*: *цилины* «веревка» > *цилиныг* (лит. *цилинив*), *сала* «огород» > *салаг* (лит. *салав*), *къвала* «бок» > *къвалаг* (лит. *къвалав*).

Местный I обозначает:

а) место действия: *Тһаьгди кһываа йад гъилиг агакъ-заш* «Вода, которая бежит быстро (букв. «спешит»), не доходит до моря»; *Мехъерар аваа квал и^нса^нрыгзи ацланваа* «Дом, в котором шла свадьба, был полон людьми»;

б) объект сравнения: *Пакъыллы гаф къызылзыг барбар йа* «Умное слово равно золоту»; *Ин шал ви чиниг къазва* «Этот платок подходит тебе» (букв. «подходит к твоему лицу»);

в) лицо, которое обладает чем-либо: *Базарзаа хтаала вахаг пара затар гаваа* «Когда сестра вернулась с рынка, у нее было много вещей»; *Студентһизиг пһыл гамаш* «У студента не осталось денег»;

г) местный I в составе сложных глаголов: *Лемрег агатһайзи* – кьараза, *мирғиг агатайзи* – җһуьквеза «Друживший с ослом в грязи (окажется), а друживший с оленем – в цветах»;

д) орудия действия: *Кьир гIарабазыг* (лит. арабадивди) кьы^н погов. «Ловить зайца арбой»; *Тураныгзы* (лит. тIурунивди) уьнез, *тыманыгзы* (лит. тумунивди) уьл акьудаз погов. «Ложкой ест, а ручкой (ложки) выколоть глаз».

Местный II образуется от эргатива присоединением к нему форманта -хь, как и в литературном языке: *чили* «земля» > *чилихь* (лит. чилихь), *сиви* «рот» > *сивихь* (лит. сивихь), *кьили* «голова» > *кьилихь* (лит. кьилихь).

Местный II падеж отвечает на вопросы «за кем?», «за чем?» и указывает:

а) на объект, за которым происходит действие: *Ракарыхь* (лит. ракарыхь) халкь кIватI хьана «Народ собрался за дверью»; *Столзыхь* (лит. столдихь) маьгIлим аҗһуькнава «Учитель сидит за столом»;

б) совместность действия: *Диде гадазыхь* (лит. гададихь) галаз шегьерзиз фена «Мать с сыном поехала в город»; *Рекьиныхь* (лит. ракьинихь) галаз кьарагь таьурзи ыкьа^н бахтарыкаа махIрум жеза «Кто не встал с восходом солнца, тот лишается дневных радостей» (букв. «счастья»);

в) на цену и предмет обмена: *Са деве эрид хпехь* (лит. хпехь) дегшина «Одного верблюда обменял на семь овец»; *Пһылзыхь* (лит. пулдихь) гьила вуш хьейтIани гакьаза «За деньги сейчас что хочешь можно найти»;

г) на предмет или лицо, который является объектом различных душевных движений: *Кьил атIайдалай кьылыхь чIарарыхь* (лит. чIарарыхь) ишимер «После того как отрубили голову, не плач по волосам»; *Чарадахь* (лит. чарадахь) ишей уьлер фаз пIеркьи жеза «Плачущие по чужому горю глаза рано слепнут».

Местный II падеж выступает также в качестве дополнения: *Рыш гIакьыллы этемзыхь* (лит. итимдихь) келтигза, *джегьил* – айар *рышахь* (лит. рушахь) «Девушка ищет умного мужчину, а юноша – красивую девушку»; *Душманзыхь* (лит. душмандихь) чи^н элкьуьрайзи дидези хвавилегь атIуза «Мать отказывается от сына, повернувшегося лицом к врагу».

Местный III падеж образуется присоединением к окончанию эргатива форманта -к: *хири* «село» > *хирикһ*, *кьаву* «крыша» > *кьавукһ*, *вацIу* «река» > *вацIукһ*.

Местный III падеж отвечает на вопросы «под кем?», «под чем?» и выражает:

а) значение находиться под чем-нибудь: *Таракһ кьатһкханава* «Под деревом спит»; *Накь чһы^н кьвалык* (лит. марфадикһ) *кһытһкхана* «Вчера мы под дождь попали»;

б) косвенный объект: *Кесибзи^н мехьерикһ* (лит. мехьерикһ) *кһицIни тһух жезаш* погов. «На свадьбе бедняка даже собака не бывает сытой»; *ВацI вацIыкһ* (лит. вацIукһ) *акһахьна гьил жеза, и^нса^н и^нса^нзикһ* – халкь «Река, слившись с (другой) рекой, получается море, а человек с человеком – народ».

Местный IV образуется от эргатива при помощи аффиксов -а, -е: *кьуьнуь* «плечо» > *кьуьне*, *сили* «рожь» > *силе*, *шикилзи* «портрет» > *шикилза*, *кһуьчези* «улица» > *кһуьчеза*.

В лезгинском языке по формам эргатива и местного IV падежа различается два типа склонения. К первому типу относятся имена существительные, у которых формы эргатива и локатива IV не совпадают, то есть имеют разные аффиксы. Ко II типу, которого Л.И. Жирков назвал архаичным [Жирков 1941: 26], относятся имена существительные, имеющие одинаковые формы эргатива и локатива IV.

Следует отметить, что в исследуемом говоре, в отличие от литературного языка, имена II типа преобладают

над именами I типа. Некоторые существительные склоняющиеся в литературном языке по I типу, в говоре склоняются по II типу:

Им.п.	Эргатив	Местный IV
<i>метн</i> «колено»	<i>мете</i> (лит. <i>metli</i>)	<i>мете</i> (лит. <i>metle</i>)
<i>векь</i> «трава»	<i>векье</i> (лит. <i>vekьi</i>)	<i>векье</i> (лит. <i>vekьe</i>)
<i>гьуд</i> «порсть»	<i>гьута</i> (лит. <i>gьutu</i>)	<i>гьута</i> (лит. <i>gьута</i>)
<i>кье</i> ^н «внутренность»	<i>кьене</i> (лит. <i>kьени</i>)	<i>кьене</i> (лит. <i>kьене</i>)
<i>кIа</i> ^н «дно»	<i>кIана</i> (лит. <i>kIани</i>)	<i>кIана</i> (лит. <i>kIанe</i>)
<i>мез</i> «язык»	<i>меце</i> (лит. <i>meци</i>)	<i>меце</i> (лит. <i>meце</i>)

Местный IV падеж употребляется в значениях:

а) означает место действия или местонахождение предмета: *Вафалу дишегьлини намуслу этем са таразза* (лит. *терезда*) *жеза* погов. «Преданная женщина и совестливый мужчина равноценны» (букв. «в одних весах бывают»); *Инса^н чир хьы^н патал а^ндахь галаз рекье* (лит. *рекье*) *хьана ка^нза* «Чтоб узнать человека, с ним надо быть в пути»;

б) время действия: *А^н вахтара гьакIа тий* «В те времена было так»; *Ифе* (лит. *йифе*) *са айал рахузва ана* «Там (в роддоме) в каждую ночь рождается ребенок»;

в) выражает обстоятельство образа действия: *Зы вах дарвиле ава* «Моя сестра нуждается» (букв. «в нужде есть»).

Местный V падеж, как и в литературном языке, образуется от местного IV посредством форманта –л: *кнтабда* «в книге» > *кнтабдал*, *кьиле* «в голове» > *кьилел*, *цла* «в стене» > *цлал*.

Местный V падеж отвечает на вопросы «на ком?», «на чем?» и обозначает:

а) место или предмет, к которому и на которое направлено действие, или место, где происходит действие: *Дидеез кьилел шал алыкIны* «Мать надела на голову платок»; *Айалзы гьилел гьилегьанар алыкIны* «Ребенку надел на руки перчатки»;

б) орудие действия: *Баазни ник тракторзал цызва* «Отец поле пашет трактором»; *Гадази пар лемрел дамьшина* «Мальчик груз вез на осле»;

в) объект при глаголах чувственного восприятия: *Гьар са дишегьлизы^н рикI вичи^н айалзал жеза* «Каждая женщина любит своего ребенка» (букв. «сердце каждой женщины на ребенке бывает»); *Ам зы кьрарал пехил йа* «Он завидует мне»; *Зы^н ви агалкьынрал шад йа* «Я рад твоим успехам».

Исходные падежи

Исходных падежей в говоре, как и в литературном языке, пять. Аффиксами исходных падежей в литературном языке выступают –ай, –аьй. В отличие от литературного языка в говоре в конце исходных падежей употребляется формант –гь, характерный для кубинского и докузпаринского диалектов: *чIал* «язык» > *чIала* (мест. IV) > *чIалагь* (исх. IV), *кIвачн* «нога» > *кIваччал* (мест. V) > *кIваччалагь* (исх. V). А в том случае, если в конце исходного падежа отсутствует формант –гь, то аффиксами исходных падежей выступают –аа, –аьаь: *сив* «рот» > исх. IV *сиваьаь*, *гьил* «рука» > исх. V *гьилелаа*.

Исходный I падеж образуется от местного I посредством аффиксов –аа или –агь. При образовании исходного I падежа надо отметить такую специфическую особенность курушского говора, которая заключается в том, что основой этого падежа становится не характерный для курушского говора местный I с аффиксом –г, а местный I с аффиксом –в, свойственный литературному языку:

Местный I	Исходный I		
Говор	Лит. яз		
<i>гьутуг</i>	<i>гьутув</i>	>	<i>гьутуваа</i> «кулак»
<i>мецег</i>	<i>мецив</i>	>	<i>мецеваа</i> «язык»
<i>уьлуйг</i>	<i>вилев</i>	>	<i>уьлуйвагь</i> «глаз»
<i>рикIуг</i>	<i>рикIув</i>	>	<i>рикIивагь</i> «сердце»
<i>цхлаг</i>	<i>цхлав</i>	>	<i>цхлаваа</i> «стена»

Исходный I падеж обозначает: а) удаление одного предмета или лица от другого предмета или лица: *Зын маши^нзываа* (лит. *машиндавай*) *аных хъана* «Я отошел от машины»;

б) источник, из которого черпают сведения: *Галимриваа* (лит. *алимривай*) *хабар йахъ вуш изатла* «У ученых спроси что делать»;

в) образ действия: *Аквардавагъ* (лит. *аквардавай*) *мадни акваз ка^н жезы* «Чем больше видишь, тем больше хочется видеть»;

г) является именной частью составного сказуемого: *Гада чыра хъхъы^н рышаваа* (лит. *рушавай*) *йа* «Развод сына от дочери зависела»: *Рыш гъульуыз тухун тагун дидезваа* (лит. *дидедивай*) *йа* «Дочь не берет замуж из-за матери»;

д) выражает реальный субъект при глаголе «возможности» или «невозможности»: *Бубазвагъ* (лит. *бубадивай*) *чар келиз хъанаш* «Отец не смог прочесть письмо»; *Ай-алзывагъ* (лит. *айалдивай*) *фы нез тежес къе вад йигъ хъанва* «Сегодня пять дней (прошло), как ребенок не может кушать».

Исходный II падеж исследуемого говора образуется от местного II на *-хъ* присоединением аффиксов *-аа*, *-агъ*: *квал* «дом» > *квелихъ* (лит. *квалихъ*) исх. II > *квелихъаа*.

Исходный II в говоре, как и в литературном языке, не является многозначным и указывает на:

а) место, от которого что-либо или кто-либо отдалится: *Рышаз дагъзхъаа* (лит. *дагъдихъай*) *сесер къезва* «Девочка с горы слышит голоса»; *Кел хпехъаа* (лит. *хпехъай*) *галатйна* «Ягненок отстал от овцы»;

б) объект какого-либо чувства: *Гъульагъзы йаглаадаз кашузхъагъ* (лит. *йепинхъай*) *кхичле жеза* погов. «Ужаленный змеей боится веревки»; соотв. «Пуганая ворона куста боится», *Айалрыкагъ ныд ка^ндидатһар йы* «Из детей трое кандидаты наук».

Исходный III падеж исследуемого говора образуется от местного III посредством тех же аффиксов, что и остальные исходные падежи: *цһал* «стена» > мест. III *цһлакһ* > исх. III *цһлакһаа*. Этот падеж в говоре, как и в литературном языке, является многозначным. Отвечает на вопросы «из-под кого?», «из-под чего?», «от кого?», «от чего?». Указывает:

а) место: *Чилин кЛеникаа* (лит. *кланикай*) *физаазы* «Пройдоха, пронира» (букв. «под землей идущий»);

б) исходный III падеж употребляется с глаголами чувственного восприятия: *Къушаркһагъ* (лит. *къушарикһай*) *кхичледы члукк цазаш* «Кто боится птиц, тот не сажает зерно»;

в) исходный III употребляется при глаголах со значением лишения, отдаления: *Дидез члал тигъжир инса^н члехи бахтуникһагъ* (лит. *бахтуникһай*) *махIрым йа* «Кто не знает родного языка, тот лишен большого счастья»;

г) исходный падеж для выражения части из целого: *Далдамчһизиз цегърекһагъ* (лит. *цегърекһай*) *а^нджах са хам акваза* «Барabanщик у козла замечает только шкуру»;

д) исходный III падеж при выражении превращения или становления: *Хийалрикһаа* (лит. *хийалрикһай*) *аш жезаш* «Из мечты плова не сварись» (букв. «не получится»); *Бубазы^н чирвилеры хцикһаа* (лит. *хцикһай*) *Галим гъезизаш* «Знания отца не сделают сына ученым»; *Мецекһагъ* (лит. *мецикһай*) *клараб хъаны* «Язык окостенел» (букв. «превратился в кость»).

Исходный IV падеж образуется от местного IV при помощи аффиксов *-аа*, *-агъ*, которые подвергаются характерным для говора фонетическим изменениям: *чи^н* «лицо» > *чина* (мест. IV) *чинаа* (исх. IV), *багъ* «сад» > *багъза* (мест. IV) > *багъзагъ* (исх. IV), *кһуьче* «улица» > *кһуьчеза* (мест. IV) > *куьчезаа* (исх. IV). Исходный IV отвечает на вопросы «из кого?», «из чего?».

Особенностью курушского говора является наличие в нем еще одного аффикса исходного IV падежа *-егъ*, от-

существующего как в литературном языке, так и в других диалектах лезгинского языка. Аффикс **-егъ** принимают имена существительные с гласными переднего ряда **и, е, уь** в основе: *гъил* «рука» > *гъиле* (мест. IV) > *гъилегъ* (исх. IV), *хир* «село» > *хире* (мест. IV) > *хирегъ* (исх. IV), *мез* «язык» > *меце* (мест. IV) > *мецегъ* (исх. IV), *уьл* «глаз» > (мест. IV) > *уьле* (мест. IV) > *уьлегъ* (исх. IV), *квал* «дом» > *квеле* (мест. IV) > *квелегъ* (исх. IV).

Фразы: *ФикI йатIаны атIаа мецегъ акъатIкк(ы)на* «Почему-то с проклятого языка сорвалось», *КхицI рекъирны, хирегъ экъуьчIза, нIси рекъирны – квелегъ* «Когда собака умирает, уходит из села, а когда кошка умирает – из дома», *КхицIуни гъилегъ фу къацу^н теъизаа хIалзыз атанва* «Дошел до такого состояния, что даже собака у него не берет хлеба», *Душма^нзыхъ чи^н элкъуьрайзы деезы хвавилегъ атIузы* «Мать отказывается от сына, который поворачивается лицом к врагу».

Исходный IV падеж употребляется в следующих значениях:

а) места: *АтIай мецабаъ* (лит. *мецяй*) *акъатIккIна* «Сорвался с проклятого языка»; *Халкъиз йаб тагаа пацагъ фаз тахтынаа* (лит. *тахтунай*) *аватIкк(ы)за* «Царь, который не слушается народа, рано лишается трона» (букв. «быстро падает с трона»); *Рухагъ* (лит. *тамай*) *акъычIзалзи фикир аяа* «Прежде чем выйти из леса, подумай»;

б) времени: *Эвелзагъ* (лит. *эвелдай*) *фу къит тий* «Раньше хлеб был в дефиците»; *Сифтезаа* (лит. *сифтедай*) *рази хъана, ахпа пашма^н хъана* «Вначале согласился, а потом раздумал»;

в) причины: *Бубаз йазахзагъ* (лит. *йазахдай*) *за квалахзава* «Из-за жалости к отцу я работаю»;

г) образа действия: *Заз зам ахвараа* (лит. *ахварай*) *хъти^н акуна* «Как во сне я его видела».

Исходный V падеж образуется от местного V посредством аффиксов **-аа, -агъ**: *къил* «голова» > *къилел* (мест.

V) > *къилелагъ* (исх. V), *мигъ* «мост» > *микъел* (мест. V) > *микъелаа* (исх. V). Однако следует указать, что имена существительные, принимающие в эргативе аффикс **-зи** (лит. **-ди**), исходный V падеж образуют не от местного V падежа, а от формы эргативного падежа: *кхуьчези* (эрг.) «улица» > *кхуьчезилаа, некези* (эрг.) «молоко» > *некезилаа, квалахзи* (эрг.) «работа» > *квалахзилагъ*.

Существительные в исходном V падеже могут обозначать: а) место: *Ламралагъ* (лит. *ламралай*) *аватааны, пара тар жеза* «Когда падаешь с осла, очень больно бывает»; *А^ндаз къуь^ншизи^н къавалаа* (лит. *къавалай*) *верчI фей хътини хъанаи* «Ему показалось: будто по чужой крыше курица прошла»;

б) времени: *Са вацралагъ* (лит. *вацралай*) *зы кIелар кхуьтабI жеза* «Через месяц завершится моя учеба»; *Эрид солагъ* (лит. *йисалай*) *хъей айал* «Дорогой ребенок, родившийся через семь лет»;

в) образа действия: *Дидези заз кIевелагъ* (лит. *кIевелай*) *тепIширмишина* «Мать строго-настрого поручила»;

г) выражает сравнение: *Чырада^н шиврелаа* (лит. *шивцелай*) *жува^н къецIи кекI хъса^н йа* «Свой хромой петух лучше красивой чужой лошади»; *Гафыны тхурунлагъни* (лит. *тхурунлайни*) *зурбаз атIызы* «Слово больнее меча режет»; *КъиметIлы гаф къызылдылагъ* (лит. *къызылдылай*) *багъа йа* погов. «Ценное слово дороже золота»; *Девезилагъ* (лит. *деведилай*) *чIехи фил ава* «Есть дела поважнее» (букв. «Есть слон крупнее верблюда»); *ЙацI жезаа дана фитезлаа* (лит. *фитедлай*) *чир жеза* погов. «Теленок, из которого получится хороший бык, познается по навозу (испражнению)»; *Мез капIырзылаа* (лит. *ганурдилай*) *хци йа* «Язык острее кинжала».

Направительные падежи

Направительных падежей в курушском говоре, как и в литературном языке, четыре. Аффиксом направитель-

ных падежей в говоре выступает **-зи (-зы)**, характерный для ахтынского диалекта самурского наречия. В литературном языке аффиксом направительных падежей выступает **-ди**, присоединяемый к формам местных падежей (локативов).

Направительный I падеж в исследуемом говоре образуется от местного I посредством аффикса **-зи (-зы)**: *тур* «ложка» > *тураны-г* (мест. I) > *ттураныг-зы* (напр. I) (лит. *ттурунив-ди*), *дердер* «горести» > *дердери-г* (мест. I) > *дердериг-зи* (напр. I) (лит. *дердеривди*).

Направительный I выражает ряд значений:

а) место: *Рыш пачагъз патагзи ацхукъна* «Девочка села рядом с парем»;

б) орудия действия: *Къыр Гарабазигзи къаз жезаш* «Зайца арбой не поймашь», *Кели диде кърчарыгзы йаганы* «Корова забодала маму», *Айалзы лем лашыныгзы йыганы* «Ребенок палкой ударил осла», *Стхазы заз къилигзи ишара гъауны* «Брат кивнул мне головой», *Вуна ви мецегзи хана а"да" нхер* «Ты своим языком отбил у него охоту».

Направительный II образуется от местного II присоединением аффикса **-зи**: *гатфар* «весна» > *гатфарыхъ* (мест. II) > *гатфарыхъ-зи* (напр. II) (лит. *гатфарихъ-ди*), *ракар* «дверь» > *ракарыхъ* (мест. II) > *ракарыхъ-зы* (лит. *ракарихъ-ди*).

Направительный II падеж выражает:

а) время: *Нисеныхъзы чны" йайлахзыз физы* «В обед мы пойдем на пастбище», *Быба шегъерзагъ негъеныхъзы хкъвезы* «Отец к вечеру вернется из города», *Экуьнахъзызы" фаз ахварагъ аваткк(ы)на* «Утром я рано проснулся»;

б) место: *Къид атаны ракарыхъзы хъуцунвы* «Зима стоит за дверью», *Директурзыз шкколазыхъзи физваа маьГлим акуны* «Директор увидел идущего к школе учителя».

Направительный III падеж образуется от местного III присоединением аффикса **-зи**: *гларар* «болезнь» > *гларарзыкх* (мест. III) > *гларарзыкх-зи* (лит. *азардикх-ди*), *азийатх* «трудность» > *азийатзыкх* (мест. III) > *азийатхзыкх-зи* (напр. III) (лит. *азийатхдикх-ди*); *Пара агъыр гларарзыкхзы ам къены* «Он умер от тяжелой болезни».

Направительный V падеж образуется от местного V присоединением аффикса **-зи**: *гад* «лето» > *гатал* (мест. V) > *гатал-зи* (напр. V) (лит. *гатал-ди*); *Вуна къвезаа гаталзи эх айа* «Ты потерпи до следующего лета», *А"ды глаышкъизалзи маьГнийар лугъузва* «Она с наслаждением песни поет».

Отличительной особенностью курушского говора является то, что в большинстве случаев при образовании направительного V падежа аффикс местного V падежа **-л** выпадает, и потеря аффикса **-л** в говоре компенсируется долготой предшествующих гласных, в результате чего образуется необычная для литературного языка и других лезгинских диалектов форма направительного V падежа, что характеризует речь курушцев: *тхфе"г* «ружье» > *тхфе"гзал* (мест. V) > *тхфе"гзаа-зи* (напр. V) (лит. *тхфе"гдал-ди*), *дикъетх* «внимание» > *дикъетхзал* (мест. V) > *дикъетзаа-зи* (лит. *дикъетхдал-ди*).

Направительный V падеж выражает:

а) время: *За негъенаази* (лит. *няналди*) *жи багъзы квалахна* «Я до вечера работала в нашем саду», *Цини" соози* (лит. *йисалди*) *заз ам чизаший* «До нынешнего года я его не знал»;

б) образ действия: *Айалры учителзыз дикъетхзаази* (лит. *дикъетхдалди*) *йаб гузваа* «Дети внимательно слушали учителя», *Рыш дидезыхъ глаз кхушкхушзаази* (лит. *кхушкхушдалди*) *рахазваа* «Дочь с матерью говорила шёпотом»;

в) орудие действия: *СикI тхфе"гзаази* (лит. *тхфе"гдалди*) *йаганы* «Лису убили из ружья», *Сулеймана*

d' da' tħabʒɪrɪf šiɪɾaazi (лит. *шииралди*) *гьаьуны* «Судейман воспел его стихами», *Klarasar maši'raazi* (лит. *маши'ралди*) *кьыгьаны* «Дрова привезли на машинах».

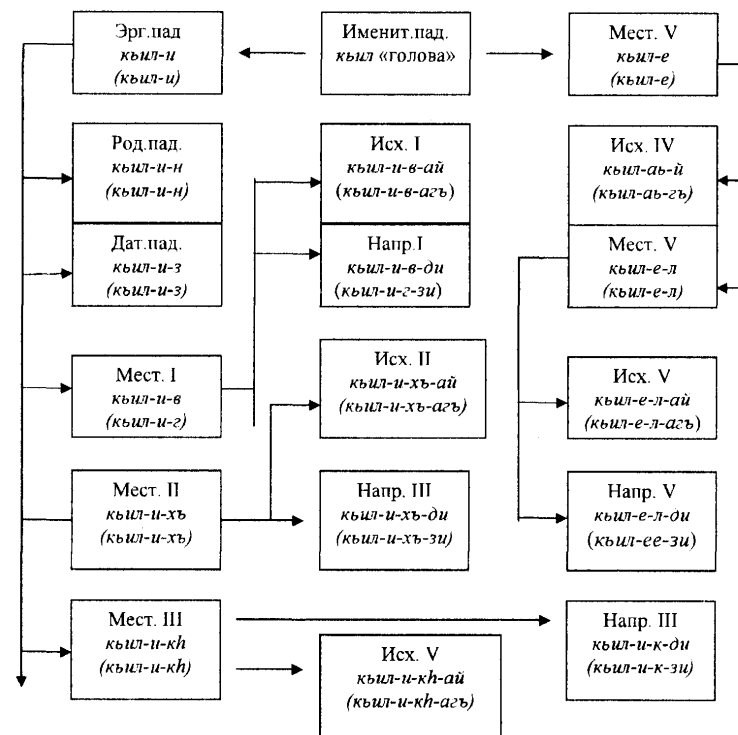
Деклинационная система курушского говора, в основном, совпадает с системой склонения диалектов самурского наречия. Отличительной особенностью исследуемого говора является наличие в аффиксах исходных падежей маркера **-гь**, характерного для диалектов кубинского наречия, а также для докузпаринского и джабинского диалектов самурского наречия.

Другой отличительной особенностью исследуемого говора от литературного языка и остальных диалектных единиц лезгинского языка является необычная форма направительного V падежа, образованная утратой аффикса местного V падежа **-л** (к чему присоединяется аффикс **-зи** направительного падежа), которая компенсируется долгой предшествующего аффиксу **-л** гласного.

Для полного представления о деклинационной системе имен существительных приводится схема образования падежей курушского говора, а также таблицы склонения имен существительных в единственном и множественном числах, сопоставив их для наглядности с литературными формами.

Схема образования падежей литературного языка и курушского говора

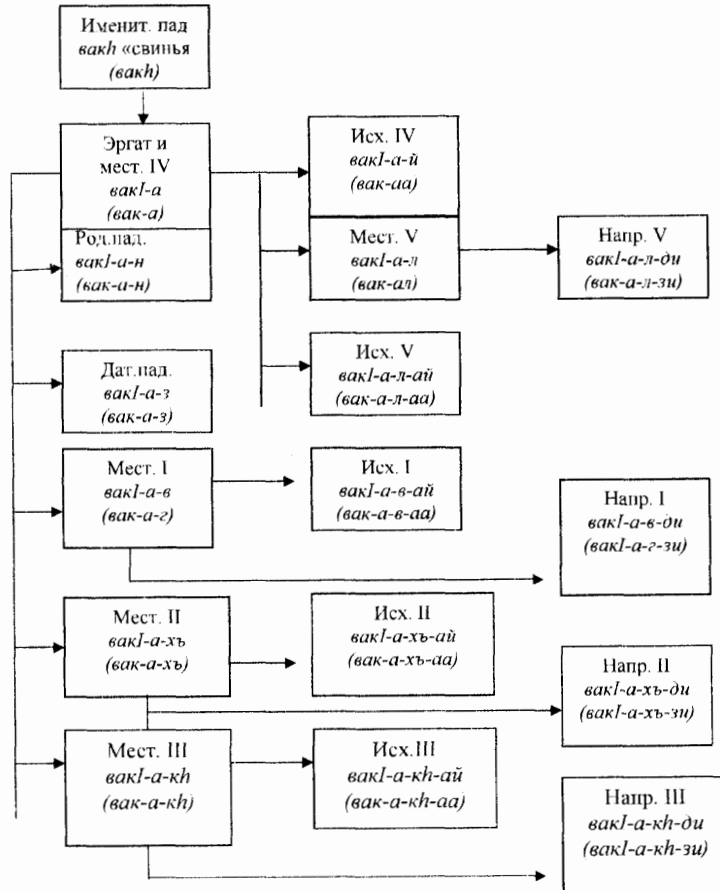
I тип

* В скобки взяты диалектные формы.

**Схема
образования падежей литературного языка и куруш-
ского говора**

II тип

**Таблица
склонения имен существительных литературного
языка и курушского говора**

I тип склонения

Единственное число

	Лит. яз.	Говор
Именительный	сив «рот»	сив
Эргативный	сив-и	сив-и
Родительный	сив-и-н	сив-и-н
Дательный	сив-и-з	сив-и-з
Местный I	сив-и-в	сив-и-з
Исходный I	сив-и-в-ай	сив-и-в-аа
Направительный I	сив-и-в-ди	сив-и-з-зи
Местный II	сив-и-хъ	сив-и-хъ
Исходный II	сив-и-хъ-ай	сив-и-хъ-аа
Направительный II	сив-и-хъ-ди	сив-и-хъ-зи
Местный III	сив-и-кн	сив-и-кн
Исходный III	сив-и-кн-ай	сив-и-кн-аа
Направительный III	сив-и-кн-ди	сив-и-кн-зи
Местный IV	сив-е	сив-е
Исходный IV	сив-аьй	сив-аьаь
Местный V	сив-е-л	сив-е-л
Исходный V	сив-е-л-ай	сив-е-л-аа
Направительный V	сив-е-л-ди	сив-е-е-зи

Таблица
склонения имен существительных литературного
языка и курушского говора

II тип склонения
Единственное число

	Лит. яз.	Говор
Им.	<i>клекх</i> «петух»	<i>кекх</i>
Эрг.	<i>клекх-ре</i>	<i>кек-ре</i>
Род.	<i>клекх-ре-н</i>	<i>кек-ре-н</i>
Дат.	<i>клекх-ре-з</i>	<i>кек-ре-з</i>
Мест. I	<i>клекх-ре-в</i>	<i>кек-ре-г</i>
Исх. I	<i>клекх-ре-в-ай</i>	<i>кек-ре-в-агъ</i>
Напр. I	<i>клекх-ре-в-ди</i>	<i>кек-ре-г-зи</i>
Мест. II	<i>клекх-ре-хъ</i>	<i>кек-ре-хъ</i>
Исх. II	<i>клекх-ре-хъ-ай</i>	<i>кек-ре-хъ-агъ</i>
Напр. II	<i>клекх-ре-хъ-ди</i>	<i>кек-ре-хъ-зи</i>
Мест. III	<i>клекх-ре-кх</i>	<i>кек-ре-кх</i>
Исх. III	<i>клекх-ре-кх-ай</i>	<i>кек-ре-кх-агъ</i>
Напр. III	<i>клекх-ре-кх-ди</i>	<i>кек-ре-кх-зи</i>
Мест. IV	<i>клекх-ре</i>	<i>кек-ре</i>
Исх. IV	<i>клекх-раъ-й</i>	<i>кек-ра-гъ</i>
Мест. V	<i>клекх-ре</i>	<i>кек-ре-л</i>
Исх. V	<i>клекх-ре-л-ай</i>	<i>кек-ре-ла-гъ</i>
Напр. V	<i>клекх-ре-л-ди</i>	<i>кек-рее-зи</i>

Множественное число
сивер «рты», клекхер «петухи»

	Лит. яз.	Говор
Им.	<i>сивер</i>	<i>клекхер</i>
Эрг.	<i>сивери</i>	<i>клекхери</i>
Род.	<i>сиверин</i>	<i>клекхерин</i>
Дат.		
Мест. I	<i>сиверив</i>	<i>клекхерив</i>
Исх. I	<i>сиверивай</i>	<i>клекхеривай</i>
Напр. I	<i>сиверивди</i>	<i>клекхеривди</i>
Мест. II	<i>сиверихъ</i>	<i>клекхерихъ</i>
Исх. II	<i>сиверихъ ай</i>	<i>клекхерихъ ай</i>
Напр. II	<i>сиверихъди</i>	<i>клекхерихъди</i>
Мест. III	<i>сиверикх</i>	<i>клекхерикх</i>
Исх. III	<i>сиверикхай</i>	<i>клекхерикхай</i>
Напр. III	<i>сиверикхди</i>	<i>клекхерикхди</i>
Мест. IV	<i>сиве</i>	<i>клекхера</i>
Исх. IV	<i>сиверай</i>	<i>клекхерай</i>
Мест. V	<i>сиверал</i>	<i>клекхерал</i>
Исх. V	<i>сиверилай</i>	<i>клекхерилай</i>
Напр. V	<i>сивералди</i>	<i>клекхералди</i>

Словообразование имен существительных

Одним из основных способов пополнения словарного состава новыми лексическими единицами, как языка в целом, так и курушского говора, является словообразование. Как отмечает А.А. Булаховский, «словообразовательные элементы и их комбинации обеспечивают почти бесконечное количество новых слов и новых оттенков, обогащение которыми отвечает серьезным потребностям роста языка» [Булаховский 1949: 100].

Впервые полное научное и системное изучение словообразования лезгинского языка осуществил Р.И. Гайдаров в 1966 году. В своей монографии Р.И. Гайдаров ставит перед собой задачи выявления и характеристики словопроизводства, а также выявления и характеристики словообразовательных средств [Гайдаров 1966: 28].

В языкознании выделяются три важнейших способа образования новых слов: грамматическим путем – аффиксация, словосложение и конверсия [Баранникова 1973: 108]. В курушском говоре доминирующими способами образования новых лексических единиц являются суффиксация и слово- и основосложение.

Большинство имен существительных, как лезгинского литературного языка, так и исследуемого говора, образуется суффиксальным способом.

Наиболее распространенными грамматикализированными суффиксами, при помощи которых образуются новые имена существительные, являются *-вал*, *-чи*, *-лук*, *-ви* и др.

Посредством суффикса *-вал* образуются имена существительные от основ имен прилагательных, существительных, наречий, глаголов и числительных. Суффикс *-вал* служит для обозначения понятий отвлеченных [Услар 1896: 49]: *и^hса^h* «человек» > *и^hса^hвал* «человечность», *устар* «мастер» > *устарвал* «мастерство», *душма^h* «враг» > *душма^hвал* «вражда», *лацы* «белый» > *лацывал* «белизна», *чими* «теплый» > *чимивал* «теплота», *кесиб* «бедный» > *кесибвал* «бедность», *гьагъуз* «вниз» > *гьагъузвал* «низость, малодушие», *авай* «имеющий» > *авайвал* «достаток, изобилие», *сад* «один» > *садвал* > «единство»; *ШакIуртIвал* тавурдаз *устарвал* чир жезаиш «Кто не был подмастерьем, тот мастером не станет»; *Бахтыны хъвер ийиз*, *бахтIсызвели* (< *бахтIсузвал*) *ишез* чирза «Счастье научит смеяться, а несчастье – плакать».

Продуктивный суффикс словообразования *-чи* является заимствованным из азербайджанского языка и слу-

жит для обозначения профессии, занятия, занимаемой должности, рода занятий людей: *къала* «олово» > *къалачи* «лудильщик», *чекhme* «ботинок, туфля» > *чекhmeчи* «сапожник», *пIымIпIымI* «болтовня» > *пIымIпIымIчи* «болтун», *фургъу^h* «фургон» > *фургъу^hчи* «извозчик», *далдам* «барабан» > *далдамчи* «барабанщик»; *Цегъ вичи^h ча^hзи^h* къайгъуза жеза, *къасабчи* – *йакы^h* погов. «Коза думает о своем здоровье, а мясник – о мясе»; *Йа деве рекъиза*, *йа девеччи* «Или верблюд умрет, или погонщик верблюдов»; *Чекhmeчизал чекhme жезаиш* «На сапожнике сапог не бывает»; соотв. «Сапожник без сапог».

Суффиксы *-ба^h*, *хъа^h*, *-дар*, *-баз*, *-кIар* служат для образования имен существительных, обозначающих людей по роду их занятий, по профессии, положению в обществе, по характерному для них образу жизни: *келер* «ягнята» > *келерба^h* «пастух ягнят» (лит. *кIелерба^h*), *нетIер* «вши» > *нетIерхъа^h* «вшивец» (лит. *нетIечh*), *вакар* «свиньи» > *вакарба^h* «свинарь» (лит. *вакарба^h*), *тапар* «ложь» > *тапархъа^h* «лгун» (лит. *тапархъа^h*), *хвалар* «канавки» > *хваларба^h* «поливальщик» (лит. *хваларба^h*), *хIылла* «хитрость, уловка» > *хIыллабаз* «хитрый человек» (лит. *гьиллебаз*), *фитIне* «кляуза» > *фитIнекIар* «кляузник», *ГIаьмел* «поступок, деяние» > *ГIаьмелдар* «хитрец» (лит. *амалдар*); *Гъирчехъа^h* *тIебиатIзи^h* гьалзиз *килигзаиш* «Охотника не волнует состояние природы».

Посредством суффиксов оценки [Гайдаров 1988: 304] *-акh*, *-екh*, *-ацIh*, *-ецIh* в основном от имен прилагательных образуются двусложные имена существительные: *пIиркъи* «слепой» > *пIиркъецIh* (лит. *буьркъвецIh*), *ругъу* «серый, бурый» > *ругъвацIh* «рагвац (кличка собаки серой, бурой масти)» (лит. *рагъвацIh*), *кIецIу* «хромой» > *кIецIекh* «хромой (человек)» (лит. *къецIекh*), *кыл анат*. «лопатка» > *кылацIh* «горбун» (лит. *кIулацIh*), *цIары* «пестрый» > *цIаракh* «царак (кличка собаки пестрой масти)» (лит. *цIаракh*), *бицIу* «маленький» > *бицIекh* «малыш» (лит.

бицлех), *йацлы* «толстый» > *йацлак* «толстяк» (лит. *йацлак*).

Продуктивный суффикс **-ви** образует от имен существительных другие имена существительные, обозначающие людей по месту жительства и национальной принадлежности: *Эхцегь* «Ахты» > *эхцегьви* «ахтынец», *Мацар* «Маза» > *мацуви* «мазинец», *Игьир* «Игир» > *игьирви* «игирец», *йахулар* «лакцы» > *йахулви* «лакец, лачка», *агьулар* «агульцы» > *агьулви* «агулец, агулка»; *Ахцегьви рыша чхаз ичхер гъана* «Ахтынка принесла нам яблоки»; *Йалцугьвизи* *квал йаргъал ала* «Дом ялцугца находится далеко».

В говоре зафиксированы и непродуктивные суффиксы, образующие имена существительные с различными значениями: *хыры-га* «передник, фартук» < *хыр* «грудь» (лит. *хуруга*), *нленле-гла* «мятая и посыпанная солью крапива» (лит. *хъикъиф*), *члыр-ых* «тонкие корни» < *члар* > *члыр* «волос» (лит. *дувул*), *кьар-ыдж* < *кьар* «грязь» (лит. *кьуруи*), *кьаьфе-да* «кофейник» < *кьаьгьве* «кофе» (лит. *кьаьгьведа*), *кап-ач* «кисть руки» < *кап* «середина ладони» (лит. *капаш*), *кьурагь* «засуха» < *кьуру* «сухой» (лит. *кьурагь*), *тхьлал* «кольцо» < *тлыб* «палец» (лит. *тхьлал*), *кьер-кь* «кусочек овчины» < *кьер* «овчина».

В курушском говоре наблюдаются и случаи обособления, сущность которого «состоит в том, что производное слово мотивируется не другим словом как таковым, а только одной из его словоформ или же одним из его семантических и фонетических вариантов. Словообразовательным формантом при этом является флексия мотивирующей словоформы + система флексий нового слова, если последнее образовано от словоформы, или же только система флексий мотивированного слова, если мотивирующим является вариант слова» [Гайдаров 1988: 305]. Обратимся к примерам: *аку* «видеть» > *акунар* «приятная внешность» (лит. *акунар*), *акъазы* «растянуть» > *акъазнар* «состязания» (лит. *акъажунар*), *тлакьатхар* «возможно-

сти» (лит. *тлакьатхар*), *цил* «веревка» > *цилер* «бахрома» (лит. *цилер*), *ракь* «железо» > *ракьар* «капкан» (лит. *ракьар*).

Доминирующим способом образования имен существительных в лезгинском языке является слово- или основосложение. Этот способ образования имен существительных является продуктивным и в исследуемом говоре.

Словосложение в исследуемом говоре заключается в том, что два или несколько слов-основ объединяются в одну лексическую единицу и начинают выражать единое, цельное значение. Слова, возникшие в результате такого объединения, называются сложными, а сам способ образования подобных слов – основосложением или, по выражению В.В. Лопатина, «нулевой аффиксацией» [Лопатин 1966: 76].

Словосложение является продуктивным способом образования слов не только в лезгинском языке и диалектах, но и в других дагестанских языках. Новые слова, образованные путем сложения двух или более слов играют большую роль в деле обогащения и пополнения словарного состава языка. Как отмечает К.З. Чокаев, «на материале сложных слов раскрывается образ мышления и культура народа. Сравнительно-историческое исследование сложных слов дает возможность проследить эволюцию народной жизни, историю народа и его языка» [Чокаев 1968: 16].

Сложные слова в исследуемом говоре, как и в литературном языке, подразделяются на две большие группы: 1. сложные слова, образованные из разных основ; 2. сложные слова, образованные повторением основ.

Образование сложных слов из разных основ в лезгинском языке является одним из древних и распространенных путей развития словарного состава [Гайдаров 1988: 306]. Этот способ остается продуктивным и в курушском говоре.

1. Сложные слова первой группы делятся на следующие типы:

Композиты, в которых первый компонент – существительное сочетается со вторым компонентом – существительным в виде чистой основы (в форме именит. падежа) и оба компонента сохранили свое значение: *мез-гъвел* «умасливание, заговаривание» < *мез* «язык» и *гъвел* «кроха, крошка»; *дерди-бала* «забота» < *дерди* «забота» и *бала* «беда», «бедствие»; *дерд-хлал* «печаль; забота; горе» < *дерди* «забота» и *хлал* (лит. *гьал*) «состояние, положение»; *кIа"-пу"* «подноготная» < *кIа"* «дно» и *пу"* «корень»; *кIвачхар-кьилер* «голье» (внутренности и конечности мясной туши)» < *кIвачхар* (лит. *кIвачхер*) «ноги» и *кьилер* «головы»; *тхай-тхуьш* «ровесник, сверстник» < *тхай* «ровесник» и *тхуьш* «напротив», *кIа"пад* «изнанка» < *кIа"* «дно» и *пад* «сторона».

Композиты, образованные сочетанием двух неформленных компонентов, свидетельствуют о древности данного способа образования слов.

Композиты, в которых второй компонент утратил свое лексическое значение: *бый-быхах* «наружность»; «красивая, видная фигура» < *бый* (лит. *буй*) «рост», *мес-кьуьдж* (лит. *мес-кьуьж*) «постель» < *мес* «матрас»; *кьаб-кьаджах* (лит. *кьаб-кьажах*) «посуда, кухонные принадлежности».

Композиты, в функции первых компонентов которых выступают имена существительные, оформленные в родительном падеже: *тIыпIы"кIвал* «наперсток» < *тIыпIы"* < *тIыб* «палец» и *кIвал* «дом»; *кьыла"тар* «позвоночник» < *кьыла"* «средний» < *йукь* «середина» и *тар* «дерево»; *тыма"чем* «курдючное масло» < *тыма"* < *тым* «курдюк; хвост» и *чем* «масло, жир»; *кьеле"кьаб* «солонка» < *кьеле"* < *кьел* «соль» и *кьаб* «посуда».

Сложные слова, в которых первый компонент – имя прилагательное, а второй компонент является именем существительным: *бышкьаб* (лит. *бушкьаб*) «блюдец» <

быш «пустой» и *кьаб* «посуда», *кхурбазар* «торговля вслепую» < азерб. *кхур* «слепой» и *базар* «базар», *тума"* *кьачI* (лит. *дунбужьул*) анат. «копчик» < *туму"* < *тум* «курдюк, хвост» и *кьачI* «стебель; кочерыжка», *чыры ары* «оса» (лит. *хуз*) < *чыры* «дикий» и *ары* «пчела», *кьарадалах* «болезнь селезенки» < азерб. *кьара* «черный» и *далах* «селезенка», *лацы лекь* анат. «легкое» < *лацы* «белый» и *лекь* «печень»; *чылав лекь* «печень» < *чылав* «черный» и *лекь* «печень».

Композиты, в которых первый компонент утратил свое значение: *крамаст* (лит. *дугьрамаж*) «окрошка» < *кра* и *мастh* «простокваша»; *кхыскафтар* (лит. *кхускафтар*) 1) «гиена» 2) «ведьма» < *кхыс* и *кафтар* «старая, дряхлая, обессилевшая старушка».

2. Вторым способом образования сложных слов является редупликация основы; во-первых, в результате удвоения основ самостоятельных (преимущественно знаменательных) слов и во-вторых, посредством редупликации подражательного комплекса, не имеющего в языке самостоятельного употребления [Гайдаров 1966: 125].

В курушском говоре обнаружены следующие типы повторов:

а) имена существительные, образованные повторением звуковых комплексов, не имеющих самостоятельного значения: *кыркыр* «волдырь» (лит. *кхуркур*), *тыхтых* «щекотка» (лит. *хьиткьитI*), *кIачIкIачI* «затируха» (лит. *качIкачI*), *лагьлагь* «болтовня», *кIашкIым* «жевательная резинка» (лит. *кендирагь*), *чахчах* «перила» (лит. *чахчах*), *цIанIранI* «блеск» (лит. *цIанIранI*), *хьалхьам* «дупло», *хвешхвеш* «мак», *тхуртур* «перепелка», *назнази* «женский головной платок из тонкого шелка» (лит. *назнази*), *дудьдудь* дет. «цыпка».

б) Повторы, образованные путем замены начального согласного второго компонента другим согласным: *пекh-лекh* «тряпье», *шитIи-битIи* «мелочь, дело, недостойное внимания», *салам-кхалам* «взаимное приветствие»,

шелех-фелех «суета», *минетн-синетн* «просьба, мольба», *гьакь-нагьакь* «напрасно» (лит. *гьахь-нагьахь*).

в) Повторы, при образовании которых в начале второго компонента появляется согласный: *арам-шарам* «грызня», *эсыл-несил* «род, родословное», *дад-бидад* мольба».

А.Н. Кононов отмечает, что в подобного рода повторах «самостоятельным значением обладает только первый компонент, второй же является своеобразным фонетическим отзвуком, «словом-эхом» [Кононов 1960: 135]. О том, что второй элемент в таких повторах не имеет самостоятельного значения и не встречается отдельно, утверждают исследователи не только дагестанских языков [Гарипов 1959: 165; Бозиев 1965: 73; Соттаев 1968: 47 и др.].

г) Повторы, при образовании которых начальный согласный второго компонента заменяется сонорным *м*: *затI-матI* «нечто, что-либо», *тнар-мар* «разгром, развал», *тIах-мач* «кислый напиток (из проросших семян пшеницы) и тому подобное», *ракь-макь* «железо и тому подобное», *кIарас-марас* «дрова и тому подобное».

д) Повторы, при образовании которых в основе меняются гласные звуки: *шалтIа-шултIа* «принадлежности», *дарам-дурум* «тарарам, шум», *шеь-шуйь* «всякая всячина», *гада-гуьди* «подростки, мальчишки».

Повторы, образованные из звукоподражательных комплексов: *кьакьа* «звукоподражание кудахтанью курицы», *мыр-мыр* «звукоподражание мурлыканью кошки», *луьхI-луьхI* «звукоподражание учащенному кашлю», *цIив-цIив* «звукоподражание шепетанию птиц», *шарпI-шарпI* «звукоподражание шлепанью», *хур-хур* «звукоподражание храпу», *вицI-вицI* «щебетание».

Прилагательное

«Категория имени прилагательного более или менее отчетливо выделяется практически во всех лезгинских языках. Вместе с тем некоторые явления позволяют су-

дить о сравнительно позднем формировании данной части речи» [Алексеев 1985: 62].

Прилагательные лезгинского языка делятся на качественные и относительные. В предложении они выступают в качестве определения при определяемом слове и в качестве именной части составного сказуемого: *Мез кангурзилаа хци йа* (лит. *хци йа*) «Язык острее кинжала»; *Чарада^h шиврелагъ жыван лем хьса^h йа* «Свой осел лучше чужого сказочного коня» (букв. «Чем чужой красочный конь свой осел хороший есть»); *Чарадахъ ишей уьлер фаз пIиркьи жеза* «Глаза, плачущие по чужому (горю), рано слепнут»; *Михьи кьилел фикир айа* «Подумай на свежую голову».

Качественные прилагательные в большинстве своем являются двусложными, состоящими из основы и аффиксов прилагательных: *-и, -у, -уь, -р, -ан, -ун* (в говоре: *и, уь, -ы, -ай, -р, -ун*):

Говор	Лит. яз.		
<i>кьур-у</i>	<i>кьур-у</i>	«сухой»	< <i>кьур, кьур</i> «сухость»
<i>кьецI-и</i>	<i>кьецI-и</i>	«хромой»	< <i>кьецI</i> «хромота»
<i>цыр-ы</i>	<i>цур-у</i>	«кислый»	< <i>цыр</i> «кислая патока»
<i>кьац-ы</i>	<i>кьац-у</i>	«зеленый»	< <i>кьаз</i> «зазеленевший посев»
<i>неш-и</i>	<i>биш-и</i>	«глухой»	< <i>неш, беш</i> «глухота»
<i>экI-уь</i>	<i>экI-уь</i>	«светлый»	< <i>экIв</i> «свет»
<i>мекь-и</i>	<i>мекь-и</i>	«холодный»	< <i>мекь</i> «холод»
<i>кьез-ей</i>	<i>кьезей</i>	«мокрый»	< <i>кьез</i> «влага»
<i>йацI-ы</i>	<i>йацI-у</i>	«толстый»	< <i>йацI</i> «толщина»
<i>цIар-ы</i>	<i>цIар-у</i>	«пестрый»	< <i>цIар</i> «линия»
<i>лац-ы</i>	<i>лац-у</i>	«белый»	< <i>лаз</i> «белок»
<i>кIем-и</i>	<i>ким-и</i>	«глупый»	< <i>кIем</i> «недостаток»

Однако в курушском говоре, как в литературном языке и других диалектных единицах лезгинского языка, обнаруживаются случаи, образования прилагательных от таких основ, которые самостоятельно не употребляются:

къакъаа «высокий» (лит. къакъ-а^н), аскаа «низкий» (лит. аскI-а^н), шк-и «узкий» (лит. шуькI-уь), йах-у^н «худой» (лит. йах-у^н), мил-и «пресный, свежий» (лит. мил-и), айар «красивый» (лит. иер), къатн-и «сильный» (лит. къатни), къацыл «голый» (лит. къецI-ил), рыс-ы «рыжий» (лит. рас-у), пиркъ-и «слепой» (лит. буьркъуь), чьри «короткий» (лит. куьруь), чI-уь «соленый» (лит. уькI-уь).

Продуктивными суффиксами образования прилагательных в исследуемом говоре, как и в языке в целом, являются заимствованные из азербайджанского языка маркеры **-лу**, **-суз**: *кхамал-лы* «рассудительный» (лит. *кхамаллу*), *бахтн-сыз* «несчастный» (лит. *бахтн-суз*), *шартI-лы* «условный» (лит. *шартI-лу*), *хатна-сыз* «безопасный» (лит. *хатна-суз*), *лазым-лы* «нужный, необходимый» (лит. *лазым-лу*); **Вафалы** *дишегьлини намыслы этем са тхерезза ава* «Верная жена и честный муж ценится одинаково» (букв. «Верная жена и честный муж на одних весах есть»); **Глакьиллы** *гафар гьар къыз хьизаш* «Умные слова не каждый день услышишь»; **Къиметнлы** *гаф къизлизилаа багьа йа* «Умное слово дороже золота».

В атрибутивной функции качественные прилагательные не изменяются по числам и падежам: *цыры ичн* «кислое яблоко», эрг. *цыры ични*, мн.ч. *цыры ичнер* «кислые яблоки».

Фразовые примеры: *Чехида лагьайвал тавурны, чIехи балазикн акхатнзы* «Когда не слушаешься старшего, в большую беду попадешь»; *Гьар са экнуь ыкъахь мичли йиф, гьар са мичли ифехь экнуь йигь гала* «За каждым светлым, радостным днем следует черная ночь, (а) за каждой черной ночью – светлый, радостный день»; *Хьсан къилих инса^нзи^н бахтн йа* «Хороший характер – это счастье для человека».

По падежам и числам прилагательные изменяются лишь субстантивируясь. В единственном числе аффиксом субстантивации прилагательных в курушском говоре выступает **-зи** (лит. **-ди**), а во множественном числе **-быр**

(лит. **-бур**): *чними-зи* род. *чними-да-н*, мн.ч. *чними-быр* (лит. *чними-бур*), эрг. *чними-быр-ы* (лит. *чними-бур-у*), род. *чними-быр-ы-н* (лит. *чними-бур-у-н*).

Фразы: *Чехидаз хIуьрметн тавурны, вазни сецини хIуьрметн изаш* «Когда не уважаешь старших, и тебя никто не станет уважать»; *Са экнв такуна пиркъизини рекъизаш* «Не увидев света (т.е. что-нибудь хорошее) и слепец не умрет»; *Гьурбатнза инса^нзыз виридалаани багьазы ватна^н йа* «На чужбине самым дорогим для человека является родина».

Отличия в склонении имен прилагательных курушского говора от литературного языка те же, что и в именах существительных: замена аффикса местного I **-в** литературного языка аффиксом **-г** говора, замена аффикса эргатива множественного числа **-у** литературного языка аффиксом **-ы** говора: *йары* «красный» → мест. I *йарыдаг* (лит. *йарудаг*), мест. II *йарыдахь* (лит. *йарудахь*), эрг. мн.ч. *йарыбыры* (лит. *йарубуру*). Обратимся к фразовым примерам: *Чарадахь* (лит. *чарадахь*) *умуд аваш* «Не надеюсь на чужих»; *Йаргьидаг* (лит. *йаргьидаг*) *дамах гаваш* «Высокий не гордится»; *Гьвечибыры* (лит. *гьвечибуру*) *кIелзаваш* «Младшие не учатся».

Субстантивированные прилагательные в единственном числе склоняются по II типу (эргатив и местный IV совпадают), а во множественном числе – по I типу склонения (эргатив и местный IV различаются):

Говор	Лит. Яз.		Мн.ч.	
Им.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Им.	<i>аскаади</i> «низкий»	<i>аскаабыр</i> «низкие»	<i>аскIа^нди</i>	<i>аскIа^нбур</i>
Эрг.	<i>аскаада</i>	<i>аскаабыры</i>	<i>аскIа^нда</i>	<i>аскIа^нбуру</i>
Род.	<i>аскаада^н</i>	<i>аскаабыры^н</i>	<i>аскIа^нда^н</i>	<i>аскIанбуру^н</i>
Дат.	<i>аскаадаз</i>	<i>аскаабырыз</i>	<i>аскIа^ндаз</i>	<i>аскIа^нбуруз</i>
Мест. I	<i>аскаадал</i>	<i>аскаабырызг</i>	<i>аскIандав</i>	<i>аскIанбурув</i>
Мест. II	<i>аскаадахь</i>	<i>аскаабырыхь</i>	<i>аскIа^ндахь</i>	<i>аскIа^нбурухь</i>
Мест. III	<i>аскаадакн</i>	<i>аскаабырыкн</i>	<i>аскIа^ндакн</i>	<i>аскIа^нбурукн</i>
Мест. IV	<i>аскаада</i>	<i>аскаабыра</i>	<i>аскIа^нда</i>	<i>аскIа^нбура</i>
Мест. V	<i>аскаадал</i>	<i>аскаабырал</i>	<i>аскIа^ндал</i>	<i>аскIа^нбурал</i>

Исх. I	<i>аскаадаваа</i>	<i>аскаабырываа</i>	<i>аскIа"да-вай</i>	<i>аскIа"бурувай</i>
Исх. II	<i>аскаадахъаа</i>	<i>аскаабырыхъаа</i>	<i>аскIа"дахъай</i>	<i>аскIанбурухъай</i>
Исх. III	<i>аскаадакхаа</i>	<i>аскаабырыкхаа</i>	<i>аскIа"дакхай</i>	<i>аскIа"бурукхай</i>
Исх. IV	<i>аскаадаа</i>	<i>аскаабыраа</i>	<i>аскIа"дай</i>	<i>аскIа"бурай</i>
Исх. V	<i>аскаадалаа</i>	<i>аскаабырал</i>	<i>аскIа"далай</i>	<i>аскIа"дбурулай</i>
Напр. I	<i>аскаадыгзи</i>	<i>аскаабырыгзи</i>	<i>аскIа"дивди</i>	<i>аскIа"бурувди</i>
Напр. II	<i>аскаадыхъзи</i>	<i>аскаабырыхъзи</i>	<i>аскIа"дихъди</i>	<i>аскIа"бурухъди</i>
Напр. III	<i>аскаадыкхзи</i>	<i>аскаабырыкхзи</i>	<i>аскIа"дикхди</i>	<i>аскIа"бурукхди</i>
Напр. V	<i>аскаадалзи</i>	<i>аскаабыра-ази</i>	<i>аскIа"даи-ди</i>	<i>аскIа"буралди</i>

Относительные прилагательные в исследуемом говоре и в литературном языке образуются двумя способами:

1) функцию относительных прилагательных выполняет форма родительного падежа имени существительного: *кьид* «зима» > *хъитIи" йигъ* «зимний день», *ракъ* «железо» > *ракъы" чхыкIыл* «железный нож», *чил* «земля» > *чили" квалахар* «земляные работы»; *А"да" кIвачхи" кIеникх цхинIицIзи"* (лит. *цхиницIди"*) *тварни эзмиш жезваш* «Под его ногой даже виноградинка (букв. «зернышко винограда») не лопнет»; *ЙацIра" дамах кIрчар йа* «Достоинство быка – это его рога» (букв. «бычья гордость»); *КхицIи кхицIи" йакI незах* «Собака не есть собачье мясо»; *Бубази"* (лит. *бубади"*) *кIвеле неъ, халузы"* (лит. *халуди"*) *кIвеле къатыкI* «В отцовском доме кушай, в дядином доме спи»; «*Девези"* (лит. *деведи"*) *суърсетI далызал ала* «Запас для верблюда (букв. «верблюжье довольствие») (у него) на спине находится».

2) Относительные прилагательные образуются от наречий при помощи аффиксов **-н, -ан, -нин**: *гъила* (лит. *гила*) «теперь» > *гъила-н* «теперешний», *шаз* «в прошлом году» > *шыз-ан* (лит. *шаз-ан*) «прошлогодний», *ци* (лит. *ци*) «в этом году году» > *ци-нин* (лит. *ци-нин*) «нынешний», *накъ* «вчера» > *накъ-ан* «вчерашний».

Имя числительное

Имя числительное в лезгинском языке монографически не исследовано. Однако эта часть речи рассматривается в различных исследованиях по лезгинскому языку П.К.

Услара [1896], Л.И. Жиркова [1941], Р.И. Гайдарова [1987] и др. В сравнительно-историческом аспекте имена числительные исследованы в трудах М.Б. Алипулатова [1964а, 1964б, 1965] и М.Е. Алексеева (1985). Особенности имен числительных и их расхождения в литературном языке и лезгинских диалектах рассматриваются в диалектологических исследованиях Р.И. Гайдарова [1961], У.А. Мейлановой [1964, 1970], М.М. Гаджиева [1997], А.Г. Гюльмагомедова [1966], Н.А. Абдулжамалова [1966], Ф.А. Ганиевой [2007] и др.

По своему значению и структурно-грамматическим признакам числительные курушского говора, как и лезгинского литературного языка, подразделяются на следующие разряды: количественные, порядковые, дробные, кратные и дистрибутивные (разделительные).

Количественные числительные курушского говора и литературного языка обнаруживают некоторые отличия, которые в основном сводятся к различиям в огласовке корня. Приведем для наглядности список числительных:

Говор	Лит. яз.	
<i>сад</i>	<i>сад</i>	«один»
<i>къвед</i>	<i>къвед</i>	«два»
<i>пыд</i>	<i>пуд</i>	«три»
<i>къуд</i>	<i>къуд</i>	«четыре»
<i>вад</i>	<i>вад</i>	«пять»
<i>рыгыд</i>	<i>ругуд</i>	«шесть»
<i>эрид</i>	<i>ирид</i>	«семь»
<i>мижид</i>	<i>муъжуъд</i>	«восемь»
<i>чIуъд</i>	<i>кIуъд</i>	«девять»
<i>цIыд</i>	<i>цIуд</i>	«десять»
<i>цIысад</i>	<i>цIусад</i>	«одиннадцать»
<i>цIыкъвед</i>	<i>цIикъвед</i>	«двенадцать»
<i>цIыпыд</i>	<i>цIипуд</i>	«тринадцать»
<i>цIыкъуд</i>	<i>цIукъуд</i>	«четырнадцать»
<i>цIывад</i>	<i>цIувад</i>	«пятнадцать»
<i>цIырыгыд</i>	<i>цIуругуд</i>	«шестнадцать»

<i>цѣрид</i>	<i>цѣрид</i>	«семнадцать»
<i>цѣымжид</i>	<i>цѣумьжубд</i>	«восемнадцать»
<i>цѣычуьд</i>	<i>цѣкчуьд</i>	«девятнадцать»
<i>къад</i>	<i>къад</i>	«двадцать»
<i>къанни сад</i>	<i>къанни сад</i>	«двадцать один»
<i>къанницѣыд</i>	<i>къанницѣуд</i>	«тридцать»
<i>ѣахѣыр</i>	<i>ѣахѣур</i>	«сорок»
<i>ѣахѣырни цѣыд</i>	<i>ѣахѣурни цѣуд</i>	«пятьдесят»
<i>нѣытѣкъад</i>	<i>пудкъад</i>	«шестьдесят»
<i>виш</i>	<i>виш</i>	«сто»
<i>пыд виш</i>	<i>пуд виш</i>	«триста»
<i>аагъзыр</i>	<i>агъзур</i>	«тысяча»

Как видно из приведенного списка количественных числительных исследуемого говора и литературного языка, система счета здесь вигезимальная (двадцатеричная): *нѣытѣкъад* (лит. *пудкъад*) «шестьдесят» < *пыд* «три» + *къад* «двадцать» букв. «три двадцать». Исключение в этом списке составляет числительное *ѣахѣыр* «сорок», образованное по способу десятеричного, образованного от числительного *ѣикъуд* «четыре» и *цѣур* «десять». На это числительное обратил внимание еще А.Н. Генко [1929]. А Р.М. Шаумян анализу числительного *ѣахѣур* «сорок» посвятил специальную статью [Шаумян 1939].

Первая десятка количественных числительных представляет собой простые основы, сохранившие в ауслауте окаменелый классный показатель *д*. А числительные *рыгыд* (лит. *ругуд*) «шесть», *мижид* (лит. *муьжубд*) и *ѣахѣыр* (лит. *ѣахѣур*) «сорок» и *виш* «сто», как отмечает У.А. Мейланова, «сохранили в своем составе префиксальные классные показатели в виде элементов *р, м, ѣ, в*» [Мейланова 1970: 120].

Простые числительные от 1 до 10, 20, 100, 1000 (которое заимствовано из персидского языка, ср. перс. *һэзар*, о чем см. Селимов 2001: 33) являются стержневыми для образования всех остальных разрядов числительных и об-

наруживают общие корни в других дагестанских языках [Микайлов 1969: 149 – 155; Алексеев 1985: 67 – 70; Абдуллаев 1990: 114].

Отличия приведенных в списке числительных курушского говора и литературного языка в основном сводятся к фонетическим. Так, например, в числительных «три», «шесть», «семь», «восемь», «десять», «одиннадцать», «тринадцать», «четырнадцать», «пятнадцать» и «восемнадцать» корневые гласные *у, уь, е, и* литературного языка в говоре заменяются гласными *и, ы, э*, характерными для диалектов самурского наречия, что подчеркивает близость курушского говора к самурскому наречию.

Сложные числительные, начиная с «двадцати» до «тридцати», образуются сложением «двадцати» и единиц при помощи союзной частицы *ни* «и». При присоединении союзной частицы *ни* «и» к «двадцати» исходный классный показатель *д* подвергается ассимиляции с последующим переходом его в *н*: *къанни сад* «двадцать один» < *къад* «двадцать» + *ни* + *сад* «один», *къанни къвед* «двадцать два» < *къад* «двадцать» + *ни* + *къвед* «два» и т.д.

В числительных *чуьд* «девять» и *цѣкчуьд* «девятнадцать» заднеязычный абруптив *кІ* литературного языка перед гласным переднего ряда *уь* в курушском говоре, как и в других диалектах самурского наречия, палатализуется и переходит в шипящую абруптивную аффрикату *чІ*. В кубинском наречии в данной позиции наблюдаем переход *кІ* в свистящую абруптивную аффрикату *цІ*: *цѣуьд* «девять».

Порядковые числительные в курушском говоре и литературном языке образуются присоединением к количественным числительным причастия *лагъаа* (лит. *лагъай*) «сказанный», «сказавший» от глагола *лугъу* «сказать»: *Къвед лагъаа класс фаз атана* «Второй класс рано пришел». Склонение порядковых числительных тождественно со склонением прилагательных. При склонении порядковых числительных изменяется только форма причастия:

Садлагъаада хъса^н квалахзава «Первый хорошо работает»; *Сад лагъаадаз ам герек хъанаиш* «Первому то не понадобилось».

Дробные числительные употребляются редко и образуются постановкой числителя в форме именительного падежа, а знаменатель в исходном III: *пыдакхаа сад* «одна пятая», *рыгыдакхаа кьвед* «два шестых». Дробные числительные, образованные таким способом, употребляет молодежь, а старшее поколение употребляет описательные формы, используя при этом слово *пай* «часть, доля, единица»: *цыда^н са пхаа* «одна десятая часть», *пыда^н са пхаа* «одна третья часть».

Кратные или распределительные числительные образуются от количественных числительных при помощи суффикса *-рахъ*. В литературном языке ему соответствует *-ра*, который, по мнению исследователей лезгинского языка, имеет генетическую связь со служебными словами *бара, бере* «раз» [Мейланова 1964: 96; Галибов 1966: 567]. Обратимся к примерам: *садрахъ* «один раз» (лит. *садра*), *кьверахъ* «два раза» (лит. *кьведра*), *пыдрахъ* «три раза» (лит. *пудра*); *Эридрахъ* (лит. *иридра*) *хъизадалаа садрахъ* (лит. *садра*) *аку^н хъса^н йа* «Чем семь раз услышать, лучше один раз увидеть»; *Ам пыдрахъ* (лит. *пудра*) *гуджлу хъана* «Он три раза сильнее оказался»; *Садрахъ* (лит. *садра*) *лагъаала бес тыини?* «Разве не достаточно сказать один раз?».

Дистрибутивные (разделительные) числительные в говоре, как и в литературном языке, образуются путем редупликации количественных числительных: *са-сад* «по одному», *кьве-кьвед* «по два», *пыд-пыд* «по три», *кьуд-кьуд* «по четыре» и т.д.

Склонение числительных

Числительное перед названием считааемых предметов не изменяется по падежам и числам. Числительные ку-

рушского говора, как и литературного языка, склоняются, когда они субстантивированы.

Числительные литературного языка и всех говоров лезгинского языка, за исключением курушского говора и ахтынского диалекта, склоняются по II типу. В курушском говоре числительные склоняются как по первому, так и по второму типам.

Простые числительные от «одного» до «двадцати» склоняются по первому типу (эргатив и местный IV различаются), а сложные числительные от «одиннадцати» до «девятнадцати» – по второму типу (эргатив и местный IV совпадают).

Следует отметить, что при склонении количественных числительных курушского говора и литературного языка в единственном числе особых различий нет.

Во множественном числе числительные курушского говора принимают аффикс *-быр*, которому в литературном языке соответствует *-бур*. Различия в склонении числительных говора и литературного языка во множественном числе заключается в том, что в говоре гласный аффикса эргатива –у литературного языка заменяется характерным для ахтынского диалекта аффиксом *-ы*: им. *садбыр* «одни» > эрг. *садбыры* (лит. *садбур*).

Для иллюстрации особенностей при словоизменении количественных числительных в курушском говоре и литературном языке приведем таблицу склонения числительных «один», «два» и «три»:

	Говор			Лит. яз.		
Им.	<i>сад</i>	<i>кьвед</i>	<i>пыд</i>	<i>сад</i>	<i>кьвед</i>	<i>пуд</i>
	«один»	«два»	«три»			
Эрг.	<i>сада</i>	<i>кьведа</i>	<i>пыда</i>	<i>сада</i>	<i>кьведа</i>	<i>пуда</i>
Род.	<i>садан</i>	<i>кьведан</i>	<i>пыдан</i>	<i>садан</i>	<i>кьведан</i>	<i>пудан</i>
Дат.	<i>садаз</i>	<i>кьведаз</i>	<i>пыдаз</i>	<i>садаз</i>	<i>кьведаз</i>	<i>пудаз</i>
Мест. I	<i>садаг</i>	<i>кьведаг</i>	<i>пыдаг</i>	<i>садав</i>	<i>кьведаг</i>	<i>пудаг</i>
Исх. I	<i>садаваа</i>	<i>кьведаваа</i>	<i>пыдаваа</i>	<i>садавай</i>	<i>кьведавай</i>	<i>пудавай</i>
Нап. I	<i>садагзи</i>	<i>кьведагзи</i>	<i>пыдагзи</i>	<i>садавди</i>	<i>кьведавди</i>	<i>пудавди</i>
Мест. II	<i>садахъ</i>	<i>кьведахъ</i>	<i>пыдахъ</i>	<i>садахъ</i>	<i>кьведахъ</i>	<i>пудахъ</i>

Исх. II	<i>садахъаа</i>	<i>къведахъаа</i>	<i>пыдахъаа</i>	<i>садахъай</i>	<i>къведахъай</i>	<i>пудыхъай</i>
Нап. II	<i>садахъзи</i>	<i>къведахъзи</i>	<i>пыдахъзи</i>	<i>садахъди</i>	<i>къведахъди</i>	<i>пудыхъди</i>
Мест. III	<i>садахъ</i>	<i>къведахъ</i>	<i>пыдахъ</i>	<i>садахъ</i>	<i>къведахъ</i>	<i>пудакъ</i>
Исх. III	<i>садахъаа</i>	<i>къведахъаа</i>	<i>пыдахъаа</i>	<i>садахъай</i>	<i>къведахъай</i>	<i>пудакъай</i>
Нап. III	<i>садахъзи</i>	<i>къведахъзи</i>	<i>пыдахъзи</i>	<i>садахъди</i>	<i>къведахъди</i>	<i>пудакъди</i>
Мест. IV	<i>сада</i>	<i>къведа</i>	<i>пыда</i>	<i>сада</i>	<i>къведа</i>	<i>пуда</i>
Исх. IV	<i>садаа</i>	<i>къведаа</i>	<i>пыдаа</i>	<i>садай</i>	<i>къведай</i>	<i>пудай</i>
Мест. V	<i>садал</i>	<i>къведал</i>	<i>пыдал</i>	<i>садал</i>	<i>къведал</i>	<i>пудал</i>
Исх. V	<i>садалаа</i>	<i>къведалаа</i>	<i>пыдалаа</i>	<i>садалай</i>	<i>къведалай</i>	<i>пудалай</i>
Нап. V	<i>садалзи</i>	<i>къведалзи</i>	<i>пыдалзи</i>	<i>садалди</i>	<i>къведалди</i>	<i>пудалди</i>

Местоимение

В курушском говоре представлены все разряды местоимений, которые имеются в литературном языке: личные, возвратные, указательные, определительные, притяжательные, неопределенные, вопросительные и отрицательные.

Личные местоимения

К личным местоимениям курушского говора относятся:

	Говор		Лит. яз.	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
I-е л.	<i>зы^н</i> «я»	<i>чъы^н</i> «мы»	<i>зу^н</i>	<i>чху^н</i>
II-е л.	<i>ву^н</i>	<i>чхуъ^н</i>	<i>ву^н</i>	<i>чхуъ^н</i>
III-е л.	<i>ам</i>	<i>а^нбыр</i>	<i>ам</i>	<i>абур</i>

Местоимение *зы^н* «я» указывает на самого говорящего, а местоимение *ву^н* «ты» – на лицо, к которому обращается говорящий. В значении личного местоимения третьего лица используются указательные местоимения *ам* «он, она, оно» и *а^нбыр* (лит. *абур*), когда они употребляются самостоятельно – в неатрибутивной связи: *Ам заз чизайз тыш* «Я его не знаю»; *А^нбыр* (лит. *абур*) *гъанал алымкъна* «Они остались там». А когда местоимения *ам* и *а^нбыр* вступают в атрибутивную связь, то они выступают в качестве указательных местоимений.

Как отмечает У.А. Мейланова, в лезгинском языке в роли личного местоимения третьего лица может выступать не только указательное местоимение *ам*, но и другие указательные местоимения, противопоставляющиеся местоимению *ам* по расстоянию или степени удаленности в одну сторону или в разных направлениях. Иными словами, в качестве указательного местоимения третьего лица в лезгинском языке могут выступать: *ам* «он» («тот»), *атIам* «он» («тот, дальний»), *виним* «он» («тот, верхний»), *агъам* «он» («тот нижний»), *гъам* «он» («тот вышеупомянутый») [Мейланова 1983: 6]. В курушском говоре такими являются: *ам* «он» («тот»), *гъотIаз* «он» («тот дальний»), *венеиз* // *венеизи* «он» («тот верхний»), *гъогъаз* «он» («тот нижний»), *гъам* «он» («тот вышеупомянутый»).

Личные местоимения курушского говора, как и литературного языка, в именительном и эргативном падежах имеют разные формы. Расхождение форм эргатива и именительного падежа А.С. Чикобава считает вторичным явлением [Чикобава 1948: 14 – 15]. Обратимся к примерам: *Зы^н* (им.п.) *валагъ чIехи йа* «Я старше тебя»; *За* (эрг.) *цIыд лагъаа класс кхуьтагънава* «Я закончила десять классов»; *Заз ву^н* (им.п.) *чизаш* «Я тебя не знаю»; *Буна* (эрг.) *ву^н* (им.п.) *тхуьмир* «Ты сильно не горюй» (букв. «Ты сам себя не кушай»); *Ам* (п.п.) *ахварыкх кхыва* «Он спит»; *А^нда* (эрг.) *хъса^н кIелзава* «Она хорошо учится».

Личное местоимение первого лица единственного числа в именительном и родительном падежах имеет формы *зы^н* «я», *зы* (род.п.), характерные для диалектных единиц самурского и кубинского наречий. В литературном языке им соответствуют *зу^н* и *зи*: *Зы^н шегъерзиз накх тана* «Я вчера вернулся в город»; *Зы къил чIехи хъанва* «У меня голова кругом идет (от забот)» (букв. «Моя голова большая стала»).

Известно, что в лезгинском языке нет специальных форм для обозначения притяжательных местоимений. Функции притяжательных местоимений в литературном

языке и диалектах выполняют формы родительного падежа личных местоимений. В курушском говоре функции притяжательных местоимений выполняют следующие личные местоимения: *зы* «мой» < *зы*^н «я», *ви* «твой» < *ву*^н «ты», *жи* «наш» < *чы*^н «мы», *жуй* «ваш» < *чхуй*^н «вы», *а^нда^н* «его» < *ам* «он, она, оно», срв. лит. *зи* «мой» < *зу*^н «я», *ви* «твой» < *ву*^н «ты», *чи* «наш» < *чхуй*^н «мы», *кхуй* «ваш» < *кхуй*^н «вы», *ада^н* «его» < *ам* «он, она, оно». Следует отметить, что местоимения первого и второго лица множественного числа в родительном падеже в курушском говоре имеют отличные от форм других падежей формы *жи* «наш», *жуй* «ваш», зафиксированные также в диалектах самурского и кубинского наречий, которые являются результатом фонетического процесса палатализации заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда, срв. лит. *кхуйн* «вы», *кхуй* «ваш». По мнению У.А. Мейлановой, диалектные формы *жи* «наш», *жуй* «ваш» — не что иное, как форма зарождения самостоятельных притяжательных местоимений [Мейланова 1983: 8].

Интересную форму, свойственную только курушскому говору, принимает местоимение первого лица множественного числа *чхуй*^н (лит. *кхуй*^н) в косвенных падежах: *чхоез* (дат. п.), *чхоехъ* (мест. П), *чхоекх* (мест. III); **Чхоехъ** (лит. *кхвехъ*) *шимид айал ава?* «У вас сколько детей (есть)?»; **Чхоез** (лит. *кхвез*) *вуи ка^нзава завагъ?* «Что вам надо от меня». Появление гласного *оь* связано с делабиализацией корневого согласного и перехода лабиализации на гласный звук основы.

Как и все склоняемые имена, личные местоимения курушского говора имеют восемнадцать падежей, как и в литературном языке.

Местоимения первого (*зы*^н «я») и третьего лица единственного числа (*ам* «он, она, оно») склоняются по второму типу (форма эргатива и местного IV совпадают), а местоимения первого и третьего лица множественного числа (*чы*^н «мы», *а^нбыр* «они»), а также второго лица единст-

венного (*ву*^н «ты») и множественного числа (*чхуй*^н «вы») — по первому типу (формы эргатива и местного IV падежа совпадают).

	Говор		Лит.яз.	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Им.	<i>зы</i> ^н «я»	<i>чы</i> ^н «мы»	<i>зу</i> ^н «я»	<i>чхуй</i> ^н «мы»
Эрг.	<i>за</i>	<i>чнна</i>	<i>за</i>	<i>чнна</i>
Род.	<i>зы</i>	<i>жи</i>	<i>зи</i>	<i>чи</i>
Дат.	<i>заз</i>	<i>чназ</i>	<i>заз</i>	<i>чназ</i>
Мест. IV	<i>за</i>	<i>чна</i>	<i>за</i>	<i>чна</i>
Им.	<i>ву</i> ^н «ты»	<i>чхуй</i> ^н «вы»	<i>ву</i> ^н «ты»	<i>кхуй</i> ^н «вы»
Эрг.	<i>вуна</i>	<i>чхуйне</i>	<i>вуна</i>	<i>кхуйне</i>
Род.	<i>ви</i>	<i>вичи^н//вичи</i>	<i>ви</i>	<i>кхуй</i>
Дат.	<i>ваз</i>	<i>чхоез</i>	<i>ваз</i>	<i>кхвез</i>
Мест. IV	<i>ва</i>	<i>чхоь</i>	<i>ва</i>	<i>кхве</i>
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Им.	<i>ам</i> «он»	<i>а^нбыр</i> «они»	<i>ам</i> «он»	<i>абур</i>
Эрг.	<i>а^нда</i>	<i>а^нб(ы)ры</i>	<i>ада</i>	<i>абуру</i>
Род.	<i>а^нда^н</i>	<i>а^нб(ы)ры^н</i>	<i>ада^н</i>	<i>абуру^н</i>
Дат.	<i>а^ндаз</i>	<i>а^нб(ы)рыз</i>	<i>адаз</i>	<i>абуруз</i>
Мест. IV	<i>а^нда</i>	<i>а^нб(ы)ра</i>	<i>ада</i>	<i>абура</i>

Местоимения первого и второго лица не образуют формы множественного числа. В этом случае в качестве форм множественного числа употребляются слова иного происхождения:

Ед.ч.	Мн.ч.
<i>зы</i> ^н «я»	<i>чы</i> ^н «мы»
<i>ву</i> ^н «ты»	<i>чхуй</i> ^н «вы»

А местоимения третьего лица, наоборот, формы множественного числа образуют регулярно от формы единственного числа:

Ед.ч.	Мн.ч.
<i>ам</i> «он, она, оно»	<i>а^нбыр</i> «они»

Отметим еще одну особенность курушского говора, заключающуюся в том, что местоимения первого и второго лица имеют по одной форме, а местоимения третьего лица – несколько (*ам* «тот», *гьа* «тот вышеупомянутый» и др.).

При склонении в местоимении третьего лица единственного и множественного числа во всех падежах, кроме именительного единственного числа, в отличие от литературных форм, появляется сонорный *н*, который, по мнению Э.М. Шейхова, на определенных этапах исторического развития данной категории местоимений был представлен как элемент их основы [Шейхов 1983: 110]: им. *ам* «он», эрг. *а^нда*, род.п. *а^нда^н*, дат. *а^ндаз* и т.д. Фразы: *Девезик^н лывар к^нываат^{ла}*, *а^нда* (лит. *ада*) *к^нве^н к^нве^нзел т^назаший* «Если бы у верблюда были крылья, то он камня на камне не оставил бы»; *Киц^{ли}^н г^няк^ны^ндаг^н лаг^нваат^{ла}*, *а^ндаз* (лит. *адаз*) *у^нч^ну^н* *иеси чиза* «Что касается собаки, то она ценит (букв. «знает») своего хозяина»; *А^ндаз* (лит. *адаз*) *дуст^нни дышма^н чизайз тыш* «Он неблагодарный» (букв. «Он друга и врага не знает»).

Так же, как и при склонении других имен, в личных местоимениях в местном I падеже вместо форманта *-в* литературного языка в говоре выступает аффикс *-з*, который восстанавливается в исходном I падеже: мест. I *заг* (лит. *зав*) – исх. I *заваа* (лит. *завай*): *Ви заг* (лит. *зав*) *вуш гава?* «Что тебе надо от меня»; *Заваа* (лит. *завай*) *рахаз х^нанаш* «Я не смог говорить».

Личное местоимение второго лица единственного числа *ву^н* «ты» курушского говора в эргативном падеже всегда имеет форму *вуна*, тогда как в литературной разговорной речи первый слог часто выпадает и местоимение принимает форму *на*.

Характерной особенностью курушского говора, как и докузпаринского [Мейланова 1964: 214] и джабинского [Ганиева 1983: 55] диалектов самурского наречия, а также диалектных единиц кубинского наречия [Гаджиев 1997,

Гюльмагомедов 1966] лезгинского языка, является наличие в аффиксах исходных падежей *-гь* наряду с долгой гласной *-аа*: *Вавагь // ваваа* (лит. *вавай*) *лугьуз х^нанашни?* «Ты не смог что ли говорить?»; *Заваа // завагь* (лит. *завай*) *к^ныл ак^нудаз х^нанаш а^ндагь // а^ндаа* (лит. *адай*) «Я не смог разобраться в том».

В предложении личные местоимения, за исключением форм родительного падежа, употребляются в функции субъекта или объекта. В функции реального субъекта, в зависимости от значения глагола, личные местоимения оформляются в именительном, эргативном, дательном падежах, а в остальных падежах они выступают в функции косвенного объекта. Обратимся к примерам: *А^ндаз* (дат.п.) *зы^н* (им.п.) *чизаш* «Он меня не знает»; *Ву^н* (им.п.) *атана – рагь* (им.п.) *атана* «Ты пришел – солнце взошло»; *Ч^нна* (эрг.) *йакы^н афарар пара г^неъизы* «Мы часто печем мясной чуду», *Ч^ны^н* (им.п.) *вич^н* (род.п.) *к^нвелиз вахъ галаз физа* «Мы в ваш дом с тобой пойдем»; *Заз* (дат.п.) *х^нфиз ка^нзава* «Я хочу уходить».

Указательные местоимения

Указательные местоимения, – как отмечает Э.М. Шейхов, – вместе с местоимениями личными и вопросительными исследователи относят к важнейшим разрядам местоименных слов, поскольку они по многим своим особенностям занимают центральное место среди всех типов дейктических (указательных) слов. Немаловажным при этом считается то обстоятельство, что перечисленные разряды местоимений имеют в языках свои самостоятельные лексические обособленные формы, уже получившие статус местоимений (Шейхов 1983: 108).

П.К. Услар (1896: 69) и последующие исследователи лезгинского языка Л.И. Жирков [1941: 101], Б.Б. Талибов [1966: 563], У.А. Мейланова [1967: 534] и др. насчитывают в лезгинском языке шесть указательных местоимения: *и* «этот», *а* «тот», *атла* «то дальше», *вини* «то верхнее»,

агъа «то нижнее», *гъа* «то упомянутое». В курушском говоре представлены следующие местоимения:

И^и «этот», расположенный вблизи говорящего, рядом с говорящим.

А^а «тот», находящийся на некотором расстоянии дальше, чем *и^и* «этот».

Гласные *и*, *а* в местоимениях *и^и* «этот», *а^а* «тот» несут смысловозначительную функцию: *и* указывает на нахождение вблизи от говорящего, а *а* – на нахождение чуть дальше от говорящего: *И^и* (лит. *и*) *кһар за гъеъиза // иза*, *а^а* *кһар – вуна* «Эту работу я выполню, (а) ту работу – ты»; *И^и* *рыш зы рыш йа* «Эта девочка – моя дочь»; *А^а* *къавал алайзи фим йа?* «Кто на той крыше?» (букв. «На той крыше находящийся кто (есть)?»).

Гъа^а «тот известный, упомянутый раньше»: с данным местоимением иногда употребляется и усилительная частица: *Гъа гъа^а* *кһас тий заз акурзи* «Вон (именно) того человека я видел»; *За гъа^а* *рыш гъиза* «Именно ту (о которой раньше шла речь) девушку я возьму замуж».

Гъагъва «тот нижний» указывает на предмет, находящийся внизу по отношению к говорящему: *Гъагъва хирагъ хтана жи ба* «Из того нижнего села вернулся наш отец»; *Гъагъва рехъ пара тикһ йа* «Та (нижняя) дорога очень крутая (есть)».

Гъогъа «тот нижний» указывает на предмет, находящийся немного ниже, чем *агъа* «тот нижний»: *Гъогъа айал ненз йа?* «Тот ребенок чей (есть)?»

Гъоогъа указывает на предмет, находящийся еще ниже, чем *гъогъа* «тот нижний»: *Гъоогъа рекъааъ хкъвезва жи маши^и* «По той (нижней) дороге едет наша машина».

Гъоътле указывает на предмет, находящийся дальше говорящего по горизонтали: *Гъоътле китаб заг геце* «Ту книгу подай мне».

Гъооътле указывает на предмет, находящийся дальше, чем *гъоътле* «тот еще дальше от говорящего»: *Гъооътле цһлал квалахзавайзи зи хва йа* «На той стене

работает мой сын» (букв. «На той стене работающий – это мой сын есть»).

Вене // мене указывает на предмет, находящийся выше говорящего: *Вене* (лит. *вини*) *къуб^иши къамыны къын-ва* «Верхний сосед горюет»; *Вене // мене* *квал кылзи кьилихъ ваз хьый* «Тот верхний дом пусть отдельно тебе будет».

Гъемне указывает на предмет, находящийся выше, чем *вене // мене*. Местоимения *вене // мене* и *гъемне* являются принадлежностью только курушского говора.

Субстантивированные формы от *вене // мене* и *гъемне* будут: *венеиз // менеиз* и *гъемнеиз*.

Структура указательных местоимений курушского говора такова: гласный + согласный (*и^и* «этот», *а^а* «тот»), согласный + гласный + согласный (*гъа^а* «тот, упомянутый раньше»), гласный + согласный + гласный (*агъа* «нижний»), согласный + гласный + согласный + гласный (*гъогъа* «тот нижний»), согласный + гласный + согласный + согласный + гласный (*гъоогъа* «тот верхний дальний»).

Как видно из приведенных примеров, в курушском говоре нахождение денотата выражено тремя ступенями: 1) удаление от говорящего на небольшое расстояние (*агъа*, *гъотла*, *вене*) 2) удаление от говорящего немного дальше, чем первый (*гъогъа*, *гъоътле*) 3) удаление от говорящего еще дальше, чем второй (*гъоогъа*, *гъооътле*). В литературном языке наблюдается всего две ступени отдаленности от говорящего [Талибов 1966: 563].

Близость и отдаленность предмета в курушском говоре выражена: 1) противопоставлением гласных *и*, *а* (*и^и* «этот», *а^а* «тот») 2) согласным *гъ* (*агъа* «нижний», *гъогъа* «тот немного ниже») 3) долготой гласного (*гъогъа* «тот нижний», *гъоогъа* «тот еще более нижний»).

Указательные местоимения курушского говора могут субстантивироваться. В единственном числе аффиксом субстантивации в именительном падеже указательных местоимений *и* «этот», *а* «тот» выступает *м*, как и в литера-

турном языке: *им* «этот»; *ам* «тот». Аффиксом субстантивации в абсолютиве всех остальных местоимений в курушском говоре, в отличие от литературного языка, выступает *-зи (-з)*: *венез // менез* «верхний», *агъаз* «нижний». В литературном языке все местоимения в именительном падеже единственного числа принимают аффикс *-м*: *им* «этот», *ам* «тот», *гъам* «тот упомянутый», *агъам* «нижний», *виним* «верхний», *амIам* «тот по горизонтали».

В косвенных падежах в единственном числе у всех указательных местоимений в литературном языке и в исследуемом говоре восстанавливается аффикс субстантивации всех субстантивирующихся слов *-ди*.

«Что же касается морфемы *-м*, – пишет Э.М. Шейхов, – которая появляется в качестве аффикса субстантивации в анализируемых указательных местоимениях литературного языка и некоторых диалектов, то она является, по-видимому, субститутом сонорного *н*, который на определенных этапах исторического развития данной категории местоимений был представлен как элемент их основы» [Шейхов 1983: 110]. Такие древние формы действительных слов *и^н* «этот», *а^н* «тот», *гъа^н* «тот упомянутый», *а^нда^н* (род.п.) сохранились в исследуемом говоре, а также в диалектных единицах самурского и кубинского наречий. В литературном языке и диалектах кюринского наречия ауслатный *н* под действием характерного для лезгинской фонетики звукового процесса редукции ауслатных согласных в лезгинском языке [Талибов 1976] отпал.

Для образования множественного числа местоимений используется аффикс *-быр* (лит. *-бур*), присоединяемый к основе несубстантивированных указательных местоимений: *и^н* «этот» > *и^нбыр* «эти» (лит. *ибур*), *а^н* «тот» > *а^нбыр* «те» (лит. *абур*), *гъа^н* «тот, известный» > *гъа^нбыр* «те известные раньше», *вене* «верхний» (лит. *вини*) > *венебыр* «те верхние» и т.д.

Возвратные местоимения

Возвратных местоимений в курушском говоре три: *жыв* (лит. *жув*) «я сам», «ты сам», *вуч^н* (лит. *вич^н*) «он сам», *ч^ниб* «они сами».

Местоимение *жыв* относится к первому и второму лицам единственного числа, *вуч^н* // *вич^н* относится к третьему лицу единственного числа, а *ч^ниб* – к третьему лицу множественного числа: *Жыв жыва^н духтур йа* «Сам свой врач (есть)»; *Ици вич^низ са рехъ акъудза* «Вода себе выход найдет»; *Вечхрени вич^ни^н кыл хиза* «И курица найдет себе средство к существованию»; *А^нбыр ч^неб ч^нни^н айасийар йа* «Они сами свои хозяева (есть)»; *Палка^нзиз лиз^н йаглазаала, лемре вич^ни^н к^нвач^нни хкъажза* «Когда подбивают подкову лошади, осел тоже поднимает ногу».

Возвратное местоимение *жыв* «я сам», «ты сам» склоняется по второму типу, а *вич^н* и *ч^ниб* – по первому типу склонения:

	Говор			Лит.яз.		
Им.	<i>жыв</i>	<i>вич^н</i>	<i>ч^ниб</i>	<i>жув</i>	<i>вич^н</i>	<i>ч^неб</i>
Эрг.	<i>жыва</i>	<i>вич^ни</i>	<i>ч^нни</i>	<i>жува</i>	<i>вич^ни</i>	<i>ч^нни</i>
Род.	<i>жыва^н</i>	<i>вич^ни^н</i>	<i>ч^нни^н</i>	<i>жува^н</i>	<i>вич^ни^н</i>	<i>ч^нни^н</i>
Дат	<i>жываз</i>	<i>вич^низ</i>	<i>ч^нниз</i>	<i>жуваз</i>	<i>вич^низ</i>	<i>ч^нниз</i>
Мест. IV	<i>жыва</i>	<i>вич^не</i>	<i>ч^нне</i>	<i>жува</i>	<i>вич^не</i>	<i>ч^нне</i>

Определительные местоимения

Определительными местоимениями в курушском говоре являются *вири* «весь, все», *гъарса* «каждый, всякий», которые имеют и формы множественного числа: *вирибыр* «все», *гъарсадбыр* «каждые, всякие».

Местоимения *вири* и *гъарсад* перед определяемым словом имеют форму только единственного числа, независимо от числа определяемого слова: *Са тым къацIаа данази вири нехир къацIырза* «Один теленок с грязным хвостом пачкает все стадо»; *Вири и^нсанар к^нхуьчезал*

кIватI хъана «Весь народ (букв. «все люди») собрался на улице».

После определяемого слова местоимения *вири* // *выры* и *гъарса* могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе: *Тарсыныз вири айалар атана* «На урок все дети пришли»; *Жи хир вириб(ы)рыз бегемши хъана* «Наше село всем понравилось»; *Гъарса эхъуь ыкъ-ахъ мичли йиф гала* «За каждым светлым днем следует темная ночь».

Притяжательные местоимения

В роли притяжательных местоимений курушского говора выступают личные местоимения в форме родительного падежа: *зы*^н «я» > род.п. *зы* (лит. *зи*) «мой», *ву*^н «ты» > род.п. *ви* (лит. *ви*), «твой», *чһы*^н «мы» > род.п. *жи* (лит. *чи*), *чъу*^н «вы» > род.п. *вичһ* // *в́ичһи*^н (лит. *кһуь*), *ам* «он» > род.п. *а^нда^н* (лит. *ада^н*) «его», *а^нбыр* «они» > род.п. *а^нбыры^н* (лит. *абуру^н*) «их». Как видно из приведенного материала, в родительном падеже личные местоимения первого и второго лица множественного числа имеют отличающиеся от других падежей формы *вичһ* // *в́ичһи*^н, которые, видимо, являются специальными формами притяжательных местоимений, не представленных в других лезгинских диалектах, за исключением ахтынского и джабинского диалектов лезгинского языка [Гайдаров 1961: 70; Ганиева 2007].

В курушском говоре встречается еще специальное притяжательное местоимение *в́ичһи*^н «ваш», представленное также в храхском говоре [Мейланова 1964: 299] и джабинском диалекте [Ганиева 1983: 63] лезгинского языка. Фразы: *В́ичһи^н кIвелиз зы^н къвезаш* «В твой дом я не пойду»; *Зы^н в́ичһи^н кIвелихъ вадрахъ фена* «К твоему дому я подходил пять раз».

По структуре местоимение *в́ичһи*^н «ваш» является сложным, образованным сложением двух простых *ви* «ваш» и *чһи*^н «наш». Как было отмечено выше, личные

местоимения второго лица единственного и множественного числа, выступающие в роли притяжательных местоимений, в курушском говоре употребляются в формах *зы* (вместо литературных *зи* и *зи*^н) «мой», *ви* (вместо литературных *ви* и *ви*^н) «твой», *жи* (вместо литературных *чһи* и *чһи*^н) «наш», *вичһ* // *в́ичһи*^н (вместо литературных *куь* и *куь*^н) «ваш». Значит литературная форма *чһи*^н «наш» в курушском говоре употребительна лишь во второй части сложного притяжательного местоимения *в́ичһи*^н «ваш».

Мы полагаем, что сложное притяжательное местоимение *в́ичһи*^н своеобразно выражает категорию принадлежности, обладания, ибо сама принадлежность выражена несколько шире, чем при местоимениях *чһи* «наш», *кһуь* «ваш».

Все притяжательные местоимения, включая сложное *в́ичһи*^н «ваш», имеют формы единственного и множественного числа: *зы* (лит. *зи*) «мой» > *зыбыр* (лит. *зибур*) «мои», *ви* «твой» > *вибыр* (лит. *вибур*) «твой», *а^нда^н* (лит. *ада^н*) «его» > *а^нда^нбыр* (лит. *ада^нбыр*) «их», *жи* (лит. *чһи*) «наш» > *жибыр* (лит. *чһибур*) «наши», *вичһ* // *в́ичһи*^н (лит. *кһуь*) «ваш» > *в́ичһи*^нбыр (лит. *кһуьбыр*) «ваши».

При самостоятельном употреблении притяжательные местоимения единственного числа склоняются как имена второго типа склонения, а множественного числа – по первому типу склонения:

	Говор			Лит.яз.		
Им.	<i>зызи</i>	<i>визи</i>	<i>жизи</i>	<i>зиди</i>	<i>види</i>	<i>чһиди</i>
	«мой»	«твой»	«наш»			
Эрг.	<i>зыда</i>	<i>вида</i>	<i>жида</i>	<i>зида</i>	<i>вида</i>	<i>чһида</i>
Род.	<i>зыда^н</i>	<i>вида^н</i>	<i>жида^н</i>	<i>зида^н</i>	<i>вида^н</i>	<i>чһида^н</i>
Дат.	<i>зыдаз</i>	<i>видаз</i>	<i>жидаз</i>	<i>зидаз</i>	<i>видаз</i>	<i>чһидаз</i>
Мест. V	<i>зыда</i>	<i>вида</i>	<i>жида</i>	<i>зида</i>	<i>вида</i>	<i>чһида</i>

	Говор			Лит.яз.		
Им.	зыбыр	вибыр	жибыр	зибур	вибур	чибур
	«мои»	«твои»	«наши»			
Эрг.	зыбыры	вибыры	жибыры	зибуру	вибура	чибуру
Род.	зыбыры ^н	вибыры ^н	жибыры ^н	зибуру ^н	вибуру ^н	чибуру ^н
Дат.	зыбырыз	вибырыз	жибырыз	зибуруз	вибуруз	чибуруз
Мест. V	зыбыра	вибыра	жибыра	зибура	вибура	чибура

Вопросительные местоимения

Вопросительными местоимениями в курушском говоре являются *фим?* «кто?», *вуш?* (лит. *вучн?*) «что?», *фим?* (лит. *гым?*) «который», *фихъти^н* (лит. (лит. *гыхъти^н*), «какой?». Фразы: *Чхуь^н вуш хГалар йа?* «Как вы себя чувствуете?»; *Чуьз* (лит. *куьз*) *маьхГтаж йа ву^н?* «В чем ты нуждаешься?»; *Вах фи^нбыр ава?* «Кто у тебя есть?»; *Фим* (лит. *гым*) *ваз ка^нзаватГа, гьам хкъудур* «Выбирай, какой тебе нравится»; *Фихъти^н* (лит. *гыхъти^н*) *ыкъар акуна заз?* «Какие дни я пережила?».

Аффиксом множественности местоимения *вуш?* выступает **-ар**: *вуш* «что?» > *вуш-ар*, а местоимений *фим* и *фихъти^н* – **-быр**: *фим* «который?» > мн.ч. *фи^н-быр*, *фихъти^н* «какой» > мн.ч. *фихъти^н-быр*.

При склонении вопросительное местоимение *вуш* «что?» в косвенных падежах принимают супплетивные формы, отличающиеся от литературных заменой заднеязычного **к** литературного языка шипящей аффрикатой **ч**:

	Говор	Лит.яз.
Им.	<i>вуш</i> «что?»	<i>вучн</i>
Эрг.	<i>чуь</i>	<i>куь</i>
Род.	<i>чуь^н</i>	<i>куь^н</i>
Дат.	<i>чуьз</i>	<i>куьз</i>
Мест. V	<i>чоь</i>	<i>кве</i>

Склонение местоимений *фим* и *фихъти^н* совпадает с изменением указательных местоимений: *фим* «какой?» –

эрг. *фи^нда*, род. *фи^нда^н*, дат. *фи^ндаз*, *фихъти^нзи* «какой?» – эрг. *фихъти^нда*, род. *фихъти^нда^н*, дат. *фихъти^ндаз* и т.д.

Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения курушского говора подразделяются на две группы: простые и составные.

К простым неопределенным местоимениям относятся: *маса* «другой», *баьгЛзи* «некоторый, некий», *фла^н* «какой-то», *сад* «кто-то».

К составным неопределенным местоимениям относятся: *са баьгЛзи* «некоторый», *са маса* «другой», *са вуж йатЛани* «кто-то», *са вуч йатЛани* «что-то», *са не^нз йатЛани* «чей-то», *са фла^н* «какой-то».

Простые неопределенные местоимения образуют множественное число посредством аффикса **-быр** (лит. **-бур**): *масабыр*, *баьгЛзибыр*, *фла^нбыр*, *садбыр*.

Аффиксом субстантивации местоимения *фла^н* выступает **-зи**, которому в литературном языке соответствует **-ди**: *фла^нзи* (лит. *фла^нди*). Местоимения *сад*, *маса* склоняются как количественное числительное *са* «один». Простые неопределенные местоимения *фла^н*, *баьгЛзи* склоняются как указательные местоимения по второму типу, а *маса* и *сад* – по первому типу:

Им.	<i>маса</i>	<i>фла^н</i>	<i>баьгЛзи</i>	<i>сад</i>
Эрг.	<i>масады</i>	<i>фла^нда</i>	<i>баьгЛзида</i>	<i>сада</i>
Род.	<i>масада^н</i>	<i>фла^нда^н</i>	<i>баьгЛзида^н</i>	<i>сада^н</i>
Дат.	<i>масадаз</i>	<i>фла^ндаз</i>	<i>баьгЛзидаз</i>	<i>садаз</i>
Мест. V	<i>масада</i>	<i>фла^нда</i>	<i>баьгЛзида</i>	<i>сада</i>

В составных местоимениях *са баьгЛзи*, *маса*, *са фим йатЛани*, *са вуш йатЛани*, *са фла^н*, *са не^нз йатЛани*, *са чуь^нз йатЛани* при склонении изменяются компоненты *баьгЛзи*, *маса*, *фим*, *вуш*, *не^нз*, *чуь^нз*.

Отрицательные местоимения

Отрицательными местоимениями в курушском говоре являются *садни* «ни один, никто, ничто», *затЛни* «ни-

что», *касни* «никто». Образованы они прибавлением к именам существительным *кас* «человек», *затI* «вещь», а также к количественному числительному *сад* «один» отрицательной частицы *ни* (*садни*).

Склоняется у этих числительных только именная часть, а отрицательная частица присоединяется механически.

Таким образом, исследование дейктической системы курушского говора показывает, что в исследуемом говоре прослеживаются особенности, характерные как для литературного языка и других диалектов лезгинского языка, так и свои специфические. К примеру, можно отметить интересные формы указательных местоимений *вене* // *мене*, *венеизи*, *гьемнейз*, бытующие только в исследуемом говоре.

Глагол

Глагол курушского говора, как и литературного языка, отличается отсутствием категории грамматического класса, числа и лица и не знает деления на залогов. Зато глагол лезгинского языка имеет категории переходности и непереходности, наклонения и сложную систему временных форм.

По составу глаголы курушского говора, как и других говоров лезгинского языка, делятся на 1) простые вспомогательные глаголы, участвующие в образовании сложных глаголов 2) простые знаменательные глаголы 3) сложные глаголы, образованные с помощью вспомогательных глаголов 4) простой глагол-связка.

Простыми вспомогательными глаголами в курушском говоре и в других диалектных единицах лезгинского языка являются *гъаъу*^н (лит. *аву*^н) «делать», *ава* «есть, имеется», *ама* «есть еще, остается», *хъы*^н (лит. *хъу*^н) «стать, быть»: *Инсанар гъар джурьре ава* «Разные есть люди»; *А"даз къве айал хъана* «У нее родились двое детей»; *Ам квалахал фенваи, къеле ама* «Он не вышел на работу,

остался дома»; *За жыва" квалах гъаъуна* «Я сделал свою работу».

Простые (непроизводные) глаголы состоят из одного и реже из двух слогов и аффикса масдара: *фи*^н «идти», *тIуь*^н «кушать», *хуь*^н «беречь», *хъы*^н «слышать», *къы*^н «умереть», *аты*^н «прийти», *аку*^н «видеть», *агъы*^н «верить». Фразы: *КхицIни нIси санал къиле физаш* (лит. *фидачI*) «Собака и кошка не ладят»; *Буй гана, гIакъыл ганаш* (лит. *ганачI*) «Рост есть, а ума нет»; *Масадал цаз алаз акваза* (лит. *аквада*) «Другой кажется колючим».

Простые производные глаголы образуются от тех же простых непроизводных при помощи превербов, префиксов и инфиксов.

Превербам лезгинского языка посвящены специальные статьи Б.Б. Талибова [1958; 1960] и дана подробная характеристика, поэтому здесь ограничимся приведением нескольких превербов в составе глаголов курушского говора:

ав-амъы^н «выпасть из чего-либо»

ал-амъы^н «отпасть от, свалиться с чего-либо, сползть с кого-чего-либо»

акъ-амъы^н «вывалиться, выскочить, появиться, выстрелить из чего-либо»

аг-аты^н «приблизиться к чему-либо»

агал-ты^н «прислониться к чему-либо»

акъ-ал-тIъы^н «оказаться на чем-либо»

кIъыв-амъы^н «заходить (о разговоре)», «сползти с вертикальной поверхности»

гал-амъы^н «отпасть от чего-либо», «отстать», «устать»

къакъ-амъы^н «разойтись в разные стороны»

х(ы)къ-амъы^н «оторваться от кого-чего-либо»

гъал-тIъы^н «встретиться, пристать, навалиться на кого-что-либо» и др.

Как отмечает Б.Б. Талибов, употребление в ограниченном количестве превербов в глаголах свидетельствует

о постепенной деградации категории провербов в лезгинском языке, в результате чего структура лезгинского глагольного корня все более упрощается при сравнении глаголов лезгинского языка с аналогичными глаголами табасаранского и агульского языков, где широко представлены разнообразные сочетания провербов с одним и тем же глагольным корнем [Талибов, 1960: 176].

Продуктивными способами образования глаголов в курушском говоре являются префиксация и инфиксация. Префиксация и инфиксация характерны для всех диалектов лезгинского языка, кроме аныхского говора, описанного М.М. Гаджиевым [1957: 217].

Производные глаголы курушского говора, выражающие повторяемость действия или обратное действие, образуются при помощи префиксов *x-* и *xъ-*, присоединяемых к началу глагола: *гы*^h «дать» > *xгы*^h «еще дать», *аты*^h «прийти» > *xты*^h «возвращаться», *фи*^h «идти» > *xъфи*^h «уходить», *тлуть*^h «кушать» > *хътлуть*^h «еще кушать», *лугь-у*^h «сказать» > *хъулгьу*^h «повторить».

Часто префиксы инфигируются. В основном это прослеживается в тех случаях, когда структура глагола включает локальные провербы или какие-либо значимые элементы: *кхихы*^h «писать» > *кхиххы*^h «еще писать», *къарагъы*^h «вставать» > *къахрагъы*^h «еще раз вставать», *экъуьчы*^h «выходить» > *эхкъуьчы*^h «еще раз выходить», *кхилигу*^h «смотреть» > *кхихлигу*^h «еще раз смотреть».

В литературном языке и гюнейском диалекте, легшем в основу лезгинского литературного языка, наряду с префиксальным способом выражения повторяемости действия, больше употребляется аналитический способ образования глаголов со значением повторяемости действия, в курушском же говоре, как и в других диалектных единицах самурского наречия, синтетический способ образования глаголов со значением повторяемости действия превалирует над аналитическим способом: *кхуту*^h «подложить» > *кхухту*^h «подкладывать еще раз», срв. лит. *кхуту*^h

хъуву^h < *кхуту*^h «подложить» + *хъуву*^h «делать еще раз»; *гы*^h «варить» > *xгы*^h «снова варить», срв. лит. *ругу*^h *хъуву*^h; *алагъзы*^h «сдирать» > *ахлагъзы*^h «снова сдирать», срв. лит. *алаж хъуву*^h и т.д.

Сложные глаголы в курушском говоре, как и в языке в целом, образуются от именных и глагольных основ при помощи вспомогательных глаголов *гъаъу*^h (*-ун* – стяженная форма) «делать» и *хъы*^h «быть, становиться»: *келу*^h < *келъ гъаъу*^h «учиться», *квалаху*^h < *квалах гъаъу*^h «работать», *къеџли хъы*^h «хромать», *хабар хъы*^h «становиться известным».

Сложными являются и глаголы, которые выражают многократность действия, образованные сочетанием аффикса множественности имен существительных *-ар* с формой масдара: *къугъу*^h «играть» *къугъунару*^h «много играть», *рахы*^h «говорить» > *рахынары*^h «много говорить», *тлуть*^h «кушать» > *тлутьнару*^h «много кушать».

К сложным относятся и каузативные глаголы, образованные посредством аффиксов *-ар* (*-ыр*), *-д* (в лит. *-ар* (*-ур*, *-урь*), присоединенных к корню глагола: *къарагъы*^h «вставать» > *къарагъары*^h «поднимать», *къатхкы*^h «ложиться» > *къатхкыры*^h «уложить спать» (лит. *кхсуру*^h), *кхытхкы*^h «зажечься» > *кхытхкыры*^h «зажигать» (лит. *кхуькльуру*^h), *кхивирху*^h «висеть» > *кхивирхару*^h «повесить» (лит. *кхуьрсару*^h).

Простыми глаголами-связками в литературном языке являются *йа*, *да* «есть», функция которых заключается в установлении связи между подлежащим и сказуемым. Связка *да*, которая превратилась в предикативный аффикс, постпозитивно присоединяющийся к имени. В курушском говоре, в отличие от литературного языка, представлен один глагол-связка *йа*. Глагол-связка литературного языка *да* заменяется глаголом-связкой *йа*: *Ам гъа^hда^h хъисмет^h йа* «Он ее судьба (есть)»; *Йаџран дамах кърчар йа* «Гордостью быка являются (его) рога»; *Хъса^h къылих и^hса^hзи^h бахт^h йа* «Хороший характер – это сча-

стье для человека»; *Ви кһрар хьса^нйамла* (лит. *хьсандатла*), *ву^н иныз ша* «Если твои дела хороши, ты приходи сюда».

Основные формы глагола

Основами для образования многих временных форм глагола курушского говора, как и литературного языка, являются масдар, целевая форма и причастие.

Основная форма глагола

Масдар в лезгинском языке оканчивается на **-н**, которому предшествуют гласные **у, и, уь** (**-ун, -ин, -уьн**). В курушском говоре к этим гласным примыкает и **ы** (**-ын**). Из всех окончаний масдара **-ун, -ин, -уьн** в том числе и курушского **-ын** исходным Л.И. Жирков считает **-ун**, восходящим к вспомогательному глаголу *аву^н* «делать» [Жирков 1941: 88].

В говоре, как и в ахтынском диалекте, окончанию **-ун** литературного языка, соответствуют **-ун** и **-ын**. Кроме того, некоторые глаголы, оканчивающиеся в литературном языке на **-ун**, в курушском говоре принимают окончания **-ин** и **-уьн**. Обратимся к примерам: *цһиклу^н* «рассыпаться» (лит. *чһуклу^н*), *хьигьы^н* «доливать» (лит. *хьивегьы^н*), *цӀидгьы^н* «скользить» (лит. *цӀуьдгьуьну^н*), *кьекьуьчлуь^н* «отходить» (лит. *кьекьечлу^н*), *акьалзы^н* «натягивать что-либо на что-либо» (лит. *акьалжу^н*), *кьаткһыры^н* «уложить спать» (лит. *кһсуру^н*), *акьазы^н* «растягивать» (лит. *акьажу^н*), *чызы^н* «спрашивать» (лит. *жузу^н*), *чһихи^н* «мыть»; «стирать» (лит. *чһуьхуь^н*).

В литературном языке некоторые глаголы употребляются с удвоенным окончанием **-ун** (**ун-ун, ин-ун**). В курушском говоре такие глаголы имеют одно окончание:

Говор	Лит.яз.	
<i>эгьуь^н</i>	<i>эгьуьну^н</i>	«копать, рыть»
<i>цӀидгьы^н</i>	<i>цӀуьдгьуьну^н</i>	«скользить»

<i>кһыхы^н</i>	<i>кһухуну^н</i>	«вздрагивать (от испуга)»
<i>кһытлы^н</i>	<i>кһутлуьну^н</i>	«завязать, привязать»
<i>фитлу^н</i>	<i>фитлину^н</i>	«сосать»
<i>хты^н</i>	<i>хутлуьну^н</i>	«раздеваться»
<i>кһуьткьуь^н</i>	<i>кһуьтһкьуьну^н</i>	«крошить»
<i>тлышы^н</i>	<i>тлуьшуну^н</i>	«мять»

В отличие от литературного языка и диалектов кюринского наречия, в курушском говоре, как и в диалектах самурского наречия, в некоторых глаголах редуцируется корневой согласный:

Говор	Лит.яз.	
<i>гыргы^н</i>	<i>ругу^н</i>	«варить»
<i>чырчы^н</i>	<i>чуру^н</i>	«печь»
<i>кһытһкы^н</i>	<i>кһуьклуь^н</i>	«зажечься (о свете)»
<i>хьуркьу^н</i>	<i>кьуру^н</i>	«сохнуть»
<i>хырхы^н</i>	<i>хуру^н</i>	«вязать»
<i>хьиркы^н</i>	<i>хьуьруь^н</i>	«смеяться»

Следует отметить, что конечный **н** в глаголах в говоре ослабевает и назализует предшествующий гласный: *ацукьу^н* «сидеть», *авадару^н* «бросать» (лит. *гадару^н*), *экһуьчлы^н* «вступать куда-либо» (лит. *экечлу^н*), *члуь^н* «разрушиться» (лит. *уьцлуь^н*).

Масдар курушского говора, как и других говоров лезгинского языка, изменяется по числам и падежам.

Аффиксом множественности масдара в говоре является **-ар**: *тлуь^н* «кушать» > *тлуьнар* «кушания», *ху^н* «пить» > *хунар* «выпивания», *чһихи^н* «мыть» > *чһихинар* «умывания».

При склонении основной формы глагола в единственном и множественном числах аффиксом эргативного падежа и производных от него формах других падежей выступает **ы** вместо литературного **и**:

	Говор		Лит.яз.	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Эрг.	<i>рахыны</i>	<i>рахынры</i>	<i>рахуни</i>	<i>рахунри</i>
Род.	<i>рахынын</i>	<i>рахынрын</i>	<i>рахунин</i>	<i>рахунрин</i>
Дат.	<i>рахыныз</i>	<i>рахынрыз</i>	<i>рахуниз</i>	<i>рахунриз</i>
Мест. I	<i>рахыныг</i>	<i>рахынрыг</i>	<i>рахунив</i>	<i>рахунрив</i>

Целевая форма глагола

Целевая форма глагола образуется при помощи аффикса *-з*, присоединяемого к основе глагола: *кIамIы*^н «преть» > *кIамIыз*, *гыргы*^н «варить» > *гыргаз*, *амIу*^н «резать» > *амIуз*, *фи*^н «идти» > *физ*, *гу*^н «дать» > *гуз*, *кхиxьи*^н «писать» > *кхиxьиз*.

В литературном языке окончанию абсолютива предшествуют гласные *у*, *а*, *и*, *уь*, *е*. В курушском говоре перед аффиксом абсолютива употребляется также гласная *ы*, как и в ахтынском говоре: *къатhkьы*^н «ложиться спать» > *къатhkьыз*, *кьытIы*^н «гнить» > *кьытIыз*, *кы*^н «гореть» > *кыз*.

В целом ряде случаев показатель абсолютива литературного языка *-из* в курушском говоре заменяется показателем *-аз*, т.е. в говоре мы имеем дело с уподоблением показателя целевой формы гласным основы:

Говор	Лит.яз.	
<i>хъуцаз</i>	<i>акъвазиз</i>	«остановиться»
<i>къарагъаз</i>	<i>къарагъиз</i>	«вставать»
<i>акъалгаз</i>	<i>акъалжиз</i>	«надевать, натягивать»
<i>акъудаз</i>	<i>акъудиз</i>	«вытаскивать, выносить»
<i>гаватъаз</i>	<i>гватъиз</i>	«расколоться, треснуть (вдоль, по продольной линии)»
<i>калтадаз</i>	<i>галтадиз</i>	«качать, шатать, колыхать»

Как и в других диалектных единицах лезгинского языка, в курушском говоре от глаголов *хьы*^н «быть, стать, становиться», *тIуь*^н «кушать», *аты*^н «приходить» целевая

форма образуется суплетивно: *хьы*^н «стать», «быть» > *жез*, *тIуь*^н «кушать» > *нез*, *аты*^н «приходить» > *къез*.

Целевая форма глагола курушского говора, как и остальных диалектов лезгинского языка обозначает цель действия: *Зын кIелиз шегъерзиз физа* «Учиться я поеду в город», *СтIхха заз кхимекъиз атана* «Брат пришел помочь мне».

Причастие

Причастие подобно масдару и целевой форме глагола служит основой для образования ряда глагольных форм.

Причастие в курушском говоре, как и в литературном языке, образуется от основы глагола при помощи аффиксов *р* и *й(и)*: *тIуь*^н «кушать» > *тIуьр*, *гъаьу*^н «делать» > *гъаьур*, *кьы*^н «держать» > *кьыр*, *къацы*^н «брать» > *къацыр*; *фин* «идти» > *фей*, *гьын* «принести» > *гъаа*, *атын* «приходить» > *атаа*, *амIы*^н «резать» > *амIаа*.

В курушском говоре, в отличие от литературного языка, причастия общего времени образуются посредством форманта *~р*, которого М.М. Гаджиев возводит к элементам грамматических классов [Гаджиев 1958: 226]. В литературном языке в роли причастий со значением общего времени выступают глаголы в форме прошедшего не совершенного III времени: *фин* «идти» *фир* «который пойдет, который ходит» (лит. *фидай*), *ху*^н «пить» > *хвар* «питьевой, которого пьют» (лит. *хъвадай*), *раху*^н «говорить» > *рахар* «говорящий» (лит. *рахатай*), *гъаьу*^н «делать» > *гъеьур* «делающий» (лит. *ийидай*), *къацы*^н «купить» > *къацар* «которого купят» (лит. *къачудай*).

Особенностью курушского говора, сближающей его с ахтынским диалектом [Гайдаров 1961: 86] и отличающей от литературного языка и диалектов кюринского наречия, является редукция ауслатного гласного *и* в аффиксе причастий прошедшего времени на *-йи*: *фи*^н «идти» > *фей* «ушедший» ср. лит. *фейи*, *кы*^н «умереть» > *кьей* «умерший» ср. лит. *кьейи*, *гы*^н «дать» > *гий* «давший» ср. лит.

гайи, *хьы*" «стать, быть» > *хьей* «ставший» ср. лит. *хьайи*, *гьы*" «принести» > *гьаа* «принесший» ср. лит. *гьайи* и т.д.

При субстантивации причастия курушского говора, как и ахтынского диалекта, в единственном числе принимают аффикс **-зи** вместо литературного **-ди**, а во множественном числе – **-быр** (лит. **-бур**). Субстантивированные причастия склоняются по типу прилагательных. Следует указать, что при склонении причастия в единственном числе в говоре согласный *з* аффикса именительного падежа (**-зи**) в косвенных падежах переходит в *д*:

	Ед.ч.	Мн.ч.
Им.	<i>тлурзи</i> «съевший»	<i>тлурбыр</i>
Эрг.	<i>тлурда</i>	<i>тлурбыры</i>
Род.	<i>тлурда"</i>	<i>тлурбыры"</i>
Дат.	<i>тлурдаз</i>	<i>тлурбырыз</i>
Мест. IV	<i>тлурда</i>	<i>тлурбыра</i>

Времена и наклонения глагола

Вопрос о категории наклонения в лезгинском языке является спорным. Исследователи лезгинского языка выделяют различное число наклонений. Так, например, Л.И. Жирков при описании лезгинского глаголоизменения вообще не употребляет термина «наклонение» и отмечает функционирование в языке особых форм глагола: повелительной, условной, отрицательной, запретительной, вопросительной и уступительной [Жирков 1941]. Г.В. Топуриа в специальной работе, посвященной исследованию глагола лезгинского языка, выделяет только одно наклонение – повелительное [Топуриа 1959].

Г.И. Гайдаров в лезгинском языке выделяет три наклонения: изъявительное, вопросительное, повелительное [Гайдаров 1964]. М.М. Гаджиев в учебнике для школ перечисляет шесть наклонений: целевое, сослагательное, условное, повелительное, вопросительное, уступительное [Гаджиев 1955]. У.А. Мейланова и Н.А. Абдулжамалов насчитывают семь наклонений: изъявительное, неопреде-

ленное, повелительное, вопросительное, условное, уступительное и отрицательное [Мейланова 1964, 1970; Абдулжамалов 1965: 36]. Б.Б. Талибов в «Кратком грамматическом очерке лезгинского языка» называет два наклонения: изъявительное и повелительное и констатирует существование в лезгинском языке условных форм глагола, а также выделяет запретительные, противительные, отрицательные и вопросительные формы [Талибов, Гаджиев 1966].

Мы считаем более правильным термин «наклонение», а «форма» же менее конкретна и может быть применена не только к наклонению, но и к временам.

В курушском говоре обнаруживается шесть наклонений: изъявительное, повелительное, условное, уступительное, отрицательное, вопросительное. В работе подробно остановимся на описании только изъявительного, повелительного, отрицательного и вопросительного наклонений, ибо остальные не обнаруживают сколько-нибудь расхождений с литературным языком.

Форма условного наклонения в курушском говоре образуется при посредстве аффикса **-тла**, который присоединяется к различным формам глагола:

Прошедшее I	<i>фена+тла</i> «если пошел»
Причастие	<i>фей+тла</i> «если пойдет»
Будущее	<i>физа-тла</i> «если пойдет»
Давнопрошедшее	<i>фенаа-тла</i> «если бы пошел»
Прошедшее несов.	<i>физай-тла</i> «если бы ходил» и т.д.

Фразовые примеры: *Йацхра цаази йацхра тлурнайтла*, *кал кешила амузьзаа* «Если бы бык съедал то, что (сам) сажал, (то) корова оставалась бы голодной»; *Йацх кьейтла – йакх, гьелерар хаатла – цлай* «Если издохнет бык – мясо будет, (а) если сломается арба – дрова»; *Рикли фагьум тавуртла, уьлерыз аквазаи* «Если сердце не хочет, глаза не увидят».

Формы уступительного наклонения образуются от форм условного наклонения присоединением аффикса –

ни: *тӀуьнатӀа+ни* «хотя покушал», *тӀуьнаатӀа+ни* «если бы даже съел», *рахазвайтӀа+ни* «если бы даже разговаривал».

Фразы: *Ка^азатӀани*, *а^абыры^а* *кӀвелегъ вуна фу немер* «Если даже и хочется, ты в их доме не ешь хлеб»; *Зы патат атаатӀани*, *заз ам акунани канзаваши* «Если даже придет (он) ко мне, я его и видеть не хочу»; *Вири фейтӀани*, *ву^а мефир* «Если даже все пойдут, ты не ходи».

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение в курушском говоре представлено тремя временными формами: настоящее, будущее, прошедшее.

Настоящее время имеет две формы: настоящее I и настоящее II.

Настоящее I образуется от целевой формы при помощи вспомогательного глагола *ава* «есть, имеется»: *физ + ава > физва* «идет», *рахаз + ава > рахазва* «разговаривает». Здесь следует отметить особенность говора, заключающаяся в том, что начальный гласный *а* вспомогательного глагола *ава* часто выпадает: *А^ада^а чинагъ мыр авахъзава* «У него лицо хмурое»; *Пара кӀел гъаӀурны, зы уьлер тар жезва* «Когда много читаю, у меня глаза болят»; *Вуна анал вуш ийизва?* «Что ты там делаешь?»

Настоящее II образуется так же, как и настоящее I от целевой формы прибавлением вспомогательного глагола *ама* «есть еще»: *рахаз + ама > рахазама* «все еще разговаривает, продолжает разговаривать», *кӀацуз + ама > кӀацузама* «все еще покупает», «продолжает покупать», *гагъатӀкӀхаз + ама > гагъӀкӀхызама* «убегает, продолжает убегать». Различие настоящего II от настоящего I в значениях заключается в том, что настоящее II обозначает действие, которое было начато до момента речи и продолжается к моменту речи и на русский язык переводится словами «все еще»: *Зы айалзи школаза кӀелзама* «Мой ребенок все еще учится в школе»; *Баа кимел ацӀукънама*

«Отец все еще сидит на годекане»; *Гада къатӀкӀханама* «Мальчик все еще спит».

К настоящему II в говоре иногда добавляется и наречное слово *гъилани* «и сейчас, все еще»: *Гъвечизи гъилани ишезама* «Малыш и сейчас плачет»; *Ам гъилани кӀвеле амазама* «Он все еще дома».

Будущее время в литературном языке имеет две формы. В отличие от литературного языка в говоре встречается только одна форма – форма будущего общего времени. Эта форма в литературном языке образуется заменой аффикса целевой формы *-з* аффиксом *-да*. В курушском говоре вместо аффикса *-да* литературного языка употребляется морфема *-за*, как и в ахтынском диалекте самурского наречия: *къатӀкӀхыз* «спать» > *къатӀкӀхыза* (лит. *къатӀкӀхыда*), *хырхаз* «вязать» > *хырхаза* (лит. *храрда*), *хъуцаз* «стоять» > *хъуцаза* (лит. *акъвазда*), *хъулгъуз* «повторить, сказать еще раз» > *хъулгъуза* (лит. *хълагъда*).

Специальной формы для будущего предположительного II в говоре нет. В таких случаях в курушском говоре употребляется форма будущего общего времени: *Вуна хъса^а квалах тавуртӀа, жи вири кӀрар чӀыр жеза* (лит. *жеди*) «Если ты не будешь хорошо трудиться, то все наши дела расстроятся»; *А^адакӀнаа хъса^а и^аса^а жеза* (лит. *жеди*) «Из него хороший человек получится».

Прошедшее время. В курушском говоре, как и в литературном языке, употребляются три прошедших времени: прошедшее совершенное, прошедшее несовершенное и давнопрошедшее. Каждое из этих времен имеет по несколько форм. Прошедшее совершенное имеет четыре формы: прошедшее совершенное I, прошедшее совершенное II, прошедшее совершенное III и прошедшее совершенное IV. Прошедшее несовершенное имеет три формы: прошедшее несовершенное I, прошедшее несовершенное II, прошедшее несовершенное III. Давнопрошедшее время также имеет три формы: давнопрошедшее I, давнопрошедшее II, давнопрошедшее III.

Прошедшее совершенное I образуется от основной формы глагола присоединением аффикса **-а**. Здесь следует заметить, что при образовании форм прошедшего совершенного I предшествующий аффиксу основной формы глагола **-н** гласный звук меняется. Если перед **-н** обнаруживаются гласные **у** или **ы**, то в прошедшем совершенном I они переходят в **а**, а если же перед **н** гласные **и**, **уь**, то в прошедшем совершенном мы имеем гласные **оь**, **е**:

<i>лугьу^н</i>	«сказать»	>	<i>лагьана</i>	«сказал»
<i>гьаьу^н</i>	«делать»	>	<i>гьаьуна</i>	«сделал»
<i>чхуху^н</i>	«чесать»	>	<i>чхухвана</i>	«почесал»
<i>рахы^н</i>	«говорить»	>	<i>рахана</i>	«поговорил»
<i>чуьн</i>	«рушиться»	>	<i>чоьна</i>	«разрушился»
<i>чхихи^н</i>	«стирать; мыть»	>	<i>чхихена</i>	«помыл; постирал»
<i>хьфи^н</i>	«уходить»	>	<i>хьфена</i>	«ушел»

Имеет место и такой факт, когда гласный звук перед окончанием основной формы глагола **-н** не изменяется:

<i>цызы^н</i>	«спрашивать»	>	<i>цызына</i>	«спросил»
<i>хырхы^н</i>	«вязать»	>	<i>хырхына</i>	«связал»
<i>хкьы^н</i>	«трогать»	>	<i>хкьына</i>	«тронул»
<i>цывы^н</i>	«тащить»	>	<i>цывына</i>	«потянул»
<i>гыргы^н</i>	«варить»	>	<i>гыргына</i>	«сварил»
<i>чырчы^н</i>	«печь»	>	<i>чырчына</i>	«испек»
<i>чызы^н</i>	«спросить»	>	<i>чызына</i>	«спросил»

В целом ряде случаев при образовании прошедшего совершенного I времени от основной формы двусложных и многосложных глаголов предшествующий окончанию масдара **-н** гласный звук выпадает бесследно:

<i>акьалзы^н</i>	«натягивать»	>	<i>акьалзна</i>	«натянул»
<i>кхьиткхьыры^н</i>	«зажигать»	>	<i>кыткырна</i>	«зажег»
<i>кивирхару^н</i>	«вешать»	>	<i>кивирхарна</i>	«повесил»
<i>гагьатһы^н</i>	«бежать»	>	<i>гагьатһна</i>	«убежал»
<i>аватһы^н</i>	«падать»	>	<i>аватһна</i>	«упал»

<i>галымкьы^н</i>	«оставаться за кем-чем- либо»	>	<i>галымкьна</i>	«остался за кем- чем-либо»
<i>хуькьуьчуь^н</i>	«вылезать из- под чего-либо»	>	<i>хуькьуьчІна</i>	«выполз, вышел из- под чего-либо»

Глаголы прошедшего совершенного I времени выражают законченность действия: *За зы квалах кһуьтаьгьна* «Я закончил свою работу»; *Баа кьена кьад йис хьанва* «Двадцать лет прошло после смерти отца»; *Зы стха даьгІвеза гел галашиз кһывахьна* «Мой брат на фронте бесследно пропал»; *ГІаьмыр сел хьти гагьатһкһна* «Жизнь прошла быстро» (букв. «Жизнь прошла как ливень»); *Па^нбагзал кІвачһ кьеци хьана* «На вате сломал ногу» (букв. «На вате нога хромой стала»); *Дертһ гана, дарма^н ганаи* «Горе дал, а средства от него нет».

Глаголы прошедшего совершенного I времени выступают и в роли деепричастия прошедшего времени: *Усттар фу тІуьна вичһи^н кІвелиз хьфена* «Мастер, покушав, ушел к себе домой»; *Ам йаваидаказ кьарагьна пһе^нджерзи^н патаг фена* «Встав потихоньку, он подошел к окну».

Прошедшее совершенное II выражает прошедшее действие, наступившее неожиданно для говорящего. Оно образуется от причастия прошедшего времени посредством аффикса **-а**: *фи^н* «идти» > *фей* «ушедший» > *фейа*, *тІуь^н* «кушать» > *тІуьр* «съевший» > *тІуьра*. В современном литературном языке и диалектах прошедшее совершенное II употребляется довольно редко. Редким оно является и в курушском говоре. В настоящее время форма прошедшего совершенного II времени выходит из употребления. Это констатирует также У.А. Мейланова и отмечает, что эта форма является редкой и в других диалектах, она встречается лишь в гюнейском и яркинском диалектах [Мейланова 1964: 98].

Прошедшее совершенное III и IV образуются от прошедшего совершенного I времени при помощи вспомогательных глаголов *ава* и *ама* «есть, имеется еще» и «выражает такое прошедшее действие, результат которого продолжает оставаться в момент разговора [Гайдаров 1961: 90]. Приведем примеры:

Прош.сов. I	<i>экъуьчIна</i>	<i>ацукъйна</i>	<i>кхъена</i>	<i>хъана</i>
Прош.сов. III	<i>экъуьчIнава</i>	<i>ацукъйнава</i>	<i>кхъенава</i>	<i>хъанава</i>
Прош.сов. IV	<i>экъуьчIнама</i>	<i>ацукъйнама</i>	<i>кхъенама</i>	<i>хъанама</i>

Фразы: *Зы твар списокъза кхъенама* «Мое имя записано в списке»; *А^нда ана цъид усуз квалахнама* «Он еще десять лет проработал там»; *Рыша гъайванрыз тIуьн ганва* «Дочь дала корм животным»; *Гадазы^н цъычIуьд йис хъанава* «Сыну девятнадцать исполнилось».

В курушском говоре при образовании форм прошедшего совершенного III и IV от простых глаголов конечный гласный звук аффикса прошедшего совершенного I -*a* и начальный гласный вспомогательных глаголов *ава* и *ама* иногда выпадают:

Прош.сов. I	<i>атIана</i>	«отрезал»	<i>акана</i>	«застрял»
Прош.сов. III	<i>атIанва</i>		<i>аканва</i>	
Прош.сов.	<i>атIанма</i>		<i>аканма</i>	

Наиболее употребительными из рассмотренных прошедших времен являются прошедшее совершенное I и прошедшее совершенное III.

Прошедшее несовершенное I и II образуются прибавлением к формам настоящего I и II аффикса -*й*: *куьцукъхъзава* (лит. *кхучудзава*) «хоронит» > *куьцукъхъзавай* «хоронил», *кхитигъзава* (лит. *кхитугъзава*) «идет кому-либо – об одежде» > *кхитигъзавай* «шел, подходил – об одежде», *угъуръзава* (лит. *йзурун*) «трясет» > *угъуръзавай* «тряс», *кхывыдъзавай* «заводил (разговор)», *рахазма* (лит. *рахазма*) «разговаривает» > *рахазмай* «разговаривал», *йигъи-*

зама (лит. *вигъизама*) «бросает» > *йигъизамаа* (лит. *вигъизамай*) «бросал».

В говоре часто окончание -*й* прошедшего несовершенного I и II выпадает, в результате чего гласный аффикса настоящего времени -*a* становится долгим: *акхадаръзава* (лит. *кхакхадаръзава*) «смешивает» > *акхадаръзаваа* «смешивал», *кхывахъзава* (лит. *кхвахъзава*) «теряет» > *кхывахъзаваа* «терял», *кIукIваръзама* (лит. *кхукIваръзама*) «рубит» > *кIукIваръзамаа* «рубил».

Глаголы прошедшего несовершенного I в предложении могут выступать и в роли причастия: *Айалзи кIвеле тарсар кIелъзавай* «Ребенок в доме учил уроки» и *КIвеле тарсар кIелъзавай айал секхиндакхаз ацукъйнава* «Ребенок, который учит уроки дома, сидит спокойно».

Прошедшее несовершенное III в курушском говоре образуется от формы будущего времени присоединением к нему аффикса -*й*: *кхывыдъза* (лит. *кхудда*) «заводить (разговор)» > *кхывыдъзай* «заводил (разговор)», *къуркъваза* (лит. *къурада*) «высохнуть» > *къуркъвазай* «сох, сохло, сохла», *хкъажъза* (лит. *хкажда*) «поднимет» > *хкъажъзай* «поднимал», *атIыза* (лит. *атIуда*) «порежет» > *атIызай* «резал».

Различия между исследуемым говором и литературным языком сводятся к замене согласного *д* в аффиксе будущего времени согласным *з*, что является характерной особенностью ахтынского диалекта.

Прошедшее несовершенное III говора также характеризуется удлинением гласного аффикса *a*: *элкъведа* (лит. *элкъведа*) «закружится» > *элкъведаа* «кружился», *къведа* (лит. *къведа*) «пойдет» > *къведаа* «ходил», *чIырза* (лит. *чIурда*) «разрушит» > *чIырзаа* «разрушал».

Прошедшее несовершенное III обозначает часто и многократно совершающееся действие: *Буба гъар усуз хириз хтизаа* (лит. *хкведай*) «Отец каждый год приезжал в селение»; *Анда анагъ хъсан ниси къыгъизаа* (лит. *хкидай*) «Он оттуда привозил хороший сыр»; *ХъитIиз къызыбыры*

кавалар *алыкIзаа* (лит. *алукIдай*) «Зимой старики надевали тулупы».

Глаголы в форме прошедшего несовершенного III могут употребляться в значении причастия, указывающего на какое-то постоянное качество: *Заз ам жи кIвелиз къвезааз чизаа* «Я знал, что он придет в наш дом»; *Ам нара чизаа инса" йа* «Он очень эрудированный человек (есть)» (букв. «много знающий»).

Давнопрошедшее время в курушском говоре, как и в литературном языке, имеет три формы: давнопрошедшее I, давнопрошедшее II, давнопрошедшее III.

Давнопрошедшее I образуется от прошедшего совершенного I прибавлением аффикса *-й* и обозначает давно совершившееся действие: *Жибыр аагъзырни чIуьдвизиши йахцIырни цIикъвед лагъаа усуз ХасавюртIхъзыз кIуьчI хъанаа* «Наши (т.е. курушцы) в тысяча девятьсот пятьдесят втором году переселились в Хасавюрт»; *А"да" гъеьир-теьир кывахънаа* «Он растерялся»; *Ам гел галашиз кывахънаа* «Он бесследно исчез»; *ВучI кIицIини гъилегъ фу къацIы" тийизаа хIаллиз атанваа* «Сам дошел до того состояния, что даже собака из его рук хлеб не брала».

Форма давнопрошедшего I времени может употребляться и для выражения недавно прошедшего действия: *Ам и" ви уьлукI кIываз атанаа* «Он только что (перед твоим приходом) пришел».

Давнопрошедшее II и III в курушском говоре образуются от прошедшего совершенного III и IV при помощи аффикса *-й*: *къацынва > къацынвай* «взял», *фенва > фенвай* «ушел», *тIуьнва > тIуьнвай*, *ацIукънама – ацIукънамай* «сидел еще», *къатIкIханама > къатIкIханамай* «спал еще». Фразы: *Де кIвелиз нисеныз хтана ахкъатнавай* «Мать вернулась домой в обед»; *Хва базлаа уьлукI атана ацакънаваа* «Сын раньше отца пришел и сидел»; *Гада рыша" базыхъ галаз рахазамай* «Юноша с отцом девушки разговаривал (еще)».

Повелительное наклонение

Как было отмечено выше, в отличие от многих дагестанских языков, глагол лезгинского языка не изменяется по грамматическим классам, не имеет числового обозначения, не знает деления на залоги и лишен личного спряжения. Исключением в этом отношении являются глаголы повелительного наклонения. Категория лица в глаголах повелительного наклонения выражается различными формами и способами их образования. Поэтому этот вопрос привлек внимание известных лезгиноведов. Данному вопросу посвятили специальные работы У.А. Мейланова [1954], Г.В. Топуриа [1957] и Б.Б. Талибов [1986].

Как и во многих языках мира, повелительное наклонение лезгинского языка выражает волеизъявление, принуждение к действию, приказ, просьбу, желание, предложение говорящего о совершении действия [Талибов 1986: 192].

Глаголы повелительного наклонения имеют различные формы для трех лиц. Формы повелительного наклонения в курушском говоре, как и в литературном языке, в единственном и множественном числе не различаются, т.е. число здесь никакой роли не играет:

	Ед.ч.	Мн.ч.	
1-е лицо	<i>хва</i>	<i>хва</i>	«давай выпью, выпьем»
2-е лицо	<i>хух</i>	<i>хух</i>	«пей, пейте»
3-е лицо	<i>хурый</i>	<i>хурый</i>	«пусть пьет, пьют»

Исследователи лезгинского языка высказывают различные мнения по вопросу образования форм первого лица повелительного наклонения. Лезгиноведы Л.И. Жирков [1941: 83], М.М. Гаджиев [1948: 143-144], Г.В. Топуриа [1959: 116], Р.И. Гайдаров [1964: 109-110] отмечают, что глаголы первого лица повелительного наклонения в лезгинском языке образуются от основы абсолютива усечением аффикса *-з* и заменой его аффиксом *-н*. А У.А. Мей-

ланова в специальной статье, посвященной способам образования повелительного наклонения в лезгинском языке, утверждает, что глаголы первого лица повелительного наклонения образуются заменой гласного -у в окончании масдара (-ун) гласным *и* или *а*, а у некоторых глаголов они образуются от основной формы глагола [Мейланова 1954].

Мы придерживаемся мнения первой группы авторов, утверждающих образование форм первого лица повелительного наклонения от абсолютива, так как материалы говора подтверждают их мнение о том, что первое лицо повелительного наклонения образуется от абсолютива, а не от основной формы глагола. Различие между говором и литературным языком заключается в том, что в курушском говоре к глаголам первого лица повелительного наклонения к основе абсолютива аффикс *-н* не прибавляется, а используется основа абсолютива без его маркера:

масдар		абсолютив	1-е лицо	повели-
			тель.наклонения	
			Говор	Лит.яз.
<i>аты^н</i>	«приходить»	<i>къвез</i>	<i>къве</i>	<i>къве^н</i>
<i>аку^н</i>	«видеть»	<i>акваз</i>	<i>аква</i>	<i>аква^н</i>
<i>цызы^н</i>	«спросить»	<i>цызаз</i>	<i>цыза</i>	<i>жуза^н</i>
<i>рахы^н</i>	«разговаривать»	<i>рахаз</i>	<i>раха</i>	<i>раха^н</i>
<i>геваьхы^н</i>	«мазать»	<i>геваьгIаз</i>	<i>геваьгIа</i>	<i>гваьгъи^н</i>
<i>элкъуб^н</i>	«кружиться»	<i>элкъвез</i>	<i>элкъве</i>	<i>элкъуб^н</i>

Глаголы первого лица повелительного наклонения выражают повелительно-желательный оттенок: давай-ка поддержи, давай пойду и т.д.

Глаголы второго лица повелительного наклонения образуются различными способами:

1) образование форм повелительного наклонения репликацией корневого согласного:

Говор		повелит.накл.	Лит.яз.
<i>кы^н</i>	«гореть»	<i>кыг</i>	<i>куг</i>
<i>ху^н</i>	«пить»	<i>хух</i>	<i>хъухъ</i>
<i>хы^н</i>	«разбить»	<i>хых</i>	<i>хух</i>
<i>хуь^н</i>	«беречь»	<i>хуьх</i>	<i>хуьх</i>
<i>гуь^н</i>	«жать»	<i>гуьг</i>	<i>гуьг</i>
<i>цы^н</i>	«лить»	<i>цыз</i>	<i>цуз</i>
<i>хъы^н</i>	«быть»	<i>хъыхъ</i>	<i>хъухъ</i>

2) Образование форм повелительного наклонения су-
плетивно:

Говор		повелит.накл.	Лит.яз.
<i>тIуь^н</i>	«есть, кушать»	<i>неь</i>	<i>не</i>
<i>гы^н</i>	«дать»	<i>цIе</i>	<i>цIе</i>
<i>фи^н</i>	«идти»	<i>вачI</i> (от говорящего)	<i>вачI</i>
		<i>ша</i> «приходи»	<i>ша</i>

3) Образование форм повелительного наклонения по-
средством аффикса *-ур*:

		Говор	Лит.яз.
<i>тIы^н</i>	«оставлять»	> <i>тIыр</i>	<i>тIур</i>
<i>ту^н</i>	«вложить»	> <i>тур</i>	<i>тур</i>
<i>хту^н</i>	«снимать (одежду)»	> <i>хтур</i>	<i>хтIу^н</i>

4) Образование форм повелительного наклонения пу-
тем наращивания префиксального слога:

		Говор	Лит.яз.
<i>ци^н</i>	«лить, наливать»	> <i>йез</i>	<i>цуз</i>
<i>атIы^н</i>	«резать»	> <i>йатI</i>	<i>атIумI</i>
<i>къы^н</i>	«держатъ»	> <i>йахъ</i>	<i>йахъ</i>
<i>къи^н</i>	«умереть»	> <i>йикъ</i>	<i>йикъ</i>

Предполагаем, что начальный *й* в данных глаголах, возможно, является окаменелым классным показателем.

5) Образование форм повелительного наклонения редупликацией согласного основы в двусложных глаголах, имеющих ударение на втором слоге:

		Говор	Лит.яз.
<i>рахы</i> ^н	«разговаривать»	> <i>рахых</i>	<i>рахух</i>
<i>кһытIы</i> ^н	«привязать»	> <i>кһытIытI</i>	<i>кһытIумI</i>
<i>кһихы</i> ^н	«писать»	> <i>кһихыхь</i>	<i>кһихыхь</i>
<i>чһукъу</i> ^н	«чесать»	> <i>чһукъукъ</i>	<i>чһухух</i>
<i>амIу</i> ^н	«резать»	> <i>амIумI</i>	<i>амIумI</i>
<i>цһикIи</i> ^н	«рассыпаться»	> <i>цһикIикI</i>	<i>цһикIикI</i>
<i>чIакъу</i> ^н	«жевать»	> <i>чIакъукъ</i>	<i>жакъукъ</i>
<i>катһу</i> ^н	«бить, колотить»	> <i>катһытһ</i>	<i>гатһумтһ</i>

6) Образование форм повелительного наклонения отбрасыванием аффикса масдара:

		Говор	Лит.яз.
<i>элису</i> ^н	«надавить»	> <i>элис</i>	<i>элиса</i>
<i>алукIу</i> ^н	«одеваться»	> <i>алукI</i>	<i>алукI</i>
<i>геваьIы</i> ^н	«намазывать»	> <i>геваьI</i>	<i>гваьгь/a</i>
<i>галымкы</i> ^н	«оставаться»	> <i>галымкь</i>	<i>галамыкь/a</i>
<i>килигу</i> ^н	«смотреть»	> <i>килиг</i>	<i>кһилиг/a</i>
<i>келтигы</i> ^н	«гнаться»	> <i>келтиг</i>	<i>галтуг/a</i>
<i>хкъатIы</i> ^н	«кроить»	> <i>хкъатI</i>	<i>хкатI/a</i>

7) Образование форм повелительного наклонения аналитическим способом взамен синтетических форм литературного языка:

		Говор	Лит.яз.
<i>кIеви аву</i> ^н	«закрывать»	> <i>кIеви айа</i>	<i>кIева//акъала</i>
<i>фагъум аву</i> ^н	«думать»	> <i>фагъум айа</i>	<i>фагъума</i>
<i>авадару</i> ^н	«опустить»	> <i>авадар айа</i>	<i>авадра</i>
<i>гавадару</i> ^н	«выбросить»	> <i>гавадар айа</i>	<i>гвадра</i>
<i>хабару</i> ^н	«извещать»	> <i>хабар айа</i>	<i>хабара</i>
<i>михъиву</i> ^н	«чистить»	> <i>михъи айа</i>	<i>михъа</i>

8) Образование форм повелительного наклонения третьего лица повелительного наклонения в говоре и в литературном языке происходит единообразно заменой аффикса масдара аффиксом **-й** или **-рай (-раа)**: *фи*^н «идти» > *фий*, *фираа*, *кьи*^н «умереть» > *кый* // *кыраа*, *хы*^н «быть, становиться» > *хый* // *хыраа*, *гы*^н «дать» > *гый* // *гыраа*.

Запретительная форма

Запретительная форма глагола в курушском говоре, как и в литературном языке, образуется от абсолютива отсечением его аффикса и присоединением зафиксированного только в исследуемом говоре аффикса запретительной формы **-мер**. В литературном языке и других диалектах лезгинского языка употребляется аффикс **-мур**. Аффикс запретительной формы курушского говора **-мер** образован от формы причастия будущего времени вспомогательного глагола *аву*^н «делать» и аффикса отрицания **-м**: *кыхъиз* «писать» > *кыхъимер*, *лугъуз* «говорить» > *лугъумер*, *къуз* «посылать» > *къумер*, *гъиз* «принести» > *гъимер*, *хвас* «пить» > *хумер*, *аквас* «видеть» > *акумер*, *физ* «идти» > *фимер*, *гуз* «дать» > *гумер*, *эчигъаз* «качать» > *эчигъмер*, *нез* «кушать» > *немер*.

В образовании запретительной формы посредством аффикса **-мур** между курушским говором и литературным языком прослеживаются расхождения. В литературном языке аффикс запретительной формы **-мур** всегда следует за основой глагола. В отличие от литературного языка в курушском говоре, как и в ахтынском диалекте лезгинского языка [Гайдаров 1961: 96; Мейланова 1964: 302], аффикс запретительной формы **-мур** может занимать место в абсолютном начале, середине, перед корнем и в конце слова. В том случае, когда аффикс **-мур** стоит в начале и середине слова, он расщепляется на две части: **ма** (*ми*, *ме*) и **р**, при этом характер гласного первой части аффикса зависит от характера гласного основы: *гъеъиз* «делать» > *меъир*, *жес* «быть, стать» > *межер*, *къвез* «идти» > *мекъ-*

вер, гъиз «принести» > мегъир, гуз «дать» > магур, гахгун «отдать» > гахмагур, къуз «посылать» > макъур.

Отрицательное наклонение

Глаголы отрицательного наклонения в литературном языке и курушском говоре образуются посредством префиксов и суффиксов. В литературном языке префиксами отрицания являются *m-*, *d-*, а в курушском говоре – *m-* (*ml-*) (если основа глагола начинается с гласного звука): *ату*^h «приходить» > *тату*^h «не приходить», *атлу*^h «резать» > *мламлу*^h «не резать», *ацхукъу*^h «сидеть» > *тацхукъу*^h «не сидеть», *аку*^h «видеть» > *таку*^h «не видеть», *аву*^h «делать» > *таву*^h «не делать».

Если же основа глагола начинается с согласного звука, то на префикс отрицания наращивается гласный звук, характер которого зависит от корневого гласного: *ху*^h «пить» > *таху*^h «не пить», *раху*^h «говорить» > *тараху*^h «не говорить», *хъу*^h «быть, стать» > *тахъу*^h «не быть», *къин* «умереть» > *млехъи*^h «не умирать», *фи*^h «идти» > *тефи*^h «не идти», *тлуъ*^h «кушать» > *туътлуъ*^h «не кушать».

Как видно из приведенного материала, при образовании отрицания от глаголов с согласным началом префикс принимает опорный гласный, находящийся в прямой зависимости от гласного основы.

Приведем фразовые примеры: *Уъчхуъ*^h *диде-бубазы*^h *къедир чир тахъаадаз чырада*^h *къадирни чир жезаш* «Кто не ценит родителей, тот и чужого не оценит»; *Сад такунмаз масада*^h *къадирни чир жезаш* «Пока не увидишь другого, не оценишь этого»; *Тхъурдани гъарайза, тхъутлуърдани* «Все кричат: кто ел и кто не ел»; *Инса*^h *кесиб хъана, гъайва*^h *йаху*^h *хъана къи*^h *таъураа* «Пусть не умирает человек будучи бедным, а животное будучи худым»; *Дышма*^h *текъенмаз алатъзааш* «Враг не отстает, пока (его) не убьешь».

Суффиксом для образования отрицательного наклонения литературного языка выступает глухая придыха-

тельная аффриката **-ch**. В отличие от литературного языка в курушском говоре выступает глухой шипящий спирант **-ш**, который характерен для многих говоров самурского наречия. Суффикс **-ш** в говоре присоединяется ко всем временным формам, включая и целевую форму глагола: *хкъуъчлу*^h «выползть» > *хкъуъчлзаш* «не выползет», *хкъигъна* «выбрал» > *хкъигънаш* «не выбрал», *хкъазыва* «поднимает» > *хкъазываш* «не поднимает», *тлуънва* «съел» > *тлуънваш* «не съел», *къвез* «идти» > *къвеш* «не пойдет».

Фразовые примеры: *Ца*^h *цызваа магъ муърхъуъ къазаш* (лит. *къадачh*) «Пашущий плуг не ржавеет»; *ШакIуртвал тавурдаз устарвал чир жезаш* (лит. *жедачh*) «Кто не был подмастерьем, мастером не станет»; *Пазаб такурдаз рехIаьтхвели*^h *къедирни чир жезаш* (лит. *жедач*) «Кто не испытал трудности, тот не оценит удобства»; *Рахарда*^h *сив къаз жезаш* (лит. *жедач*) «Любителю много говорить рот не закроешь».

Особенностью говора, отличающей его от литературного языка, является то, что в глагольных формах, оканчивающихся на **-й**, аффиксом отрицания в литературном языке выступает **-chир**, а в говоре – **-ший**:

Говор		Лит.яз.
<i>къвезвай</i> «шел»	>	<i>къвезваший</i> «не шел» <i>къвезвачхир</i>
<i>фенай</i> «пошел»	>	<i>фенаший</i> «не пошел» <i>феначхир</i>
<i>физмай</i> «ходил»	>	<i>физмаший</i> «не ходил» <i>физмачхир</i>
<i>гамай</i> «оставалось»	>	<i>гамаший</i> «не оставалось» <i>гумачхир</i>
<i>гъеъизай</i> «делал»	>	<i>гъеъизаший</i> «не делал» <i>ийидачхир</i>

Замена сонорного **p** спирантом **й** отмечается и в глаголе-связке *тир* «был»: *тий* «был, являлся» (лит. *тир*), *т(ы)ший* «не был, не являлся» (лит. *тушир*).

Вопросительное наклонение

Глаголы вопросительного наклонения курушского говора, как и остальных лезгинских говоров, образуются

присоединением вопросительной частицы **ни** к любой форме глагола (положительной или отрицательной). Отличием говора от литературного языка является выпадение гласного **и** вопросительной частицы с последующей назализацией гласного звука перед частицей **ни**: *эвичІна* «спустился» > *эвичІна^и* «спустился ли?» (лит. *эвичІнани*), *экһуьчІна* «вступил» > *экһуьчІна^и* «вступил ли?» (лит. *экһечІнани*), *хьена* «услышал» > *хьена^и* «услышал ли?» (лит. *хьенани*), *хьрхына* «связал» > *хьрхына^и* «связал ли?» (лит. *хранани*).

Наречие

«Наречие, – как пишет У.А. Мейланова, – это любопытная категория речи, сохранившая в лезгинском языке живую связь с именами, от которых они произошли. Эту связь выражается в том, что многие наречия сохранили еще возможность изменяться по некоторым падежам» [Мейланова 1970: 138].

Наречия курушского говора, как и всех других говоров лезгинского языка, делятся на следующие группы: наречия образа действия, времени, места, причины и наречия меры и степени. Расхождения между соответствующими наречиями литературного языка и говора незначительны.

Наречия образа действия. Наречия образа действия курушского говора образуются от различных частей речи различными способами.

Аффиксами образования наречий образа действия являются **-дакһаз**, **-кІа**, **-ла**, **-ба**, **-на**, **-з**, **-зи**.

Аффикс **-дакһаз** является распространенным не только в исследуемом говоре, но и в литературном языке и в других лезгинских диалектах, за исключением гюнейского. Аффикс **-дакһаз** проник в литературный язык и в другие лезгинские диалекты из ахтынского диалекта. Посредством аффикса **-даказ** образуются наречия от имен прилагательных: *хьса^и* «хороший» > *хьса^идакһаз* «хорошо», *шад*

«радостный» > *шаддакһаз* «радостно», *пашма^и* «печальный» > *пашма^идакһаз* «печально», *клеви* «крепкий» > *клевидакһаз* «крепко», *викІегь* «смелый» > *викІегьдакһаз* «смело», *айар* «красивый» > *айардакһаз* «красиво».

В говоре в редких случаях наречия образа действия образуются от имен существительных и прилагательных при помощи суффикса **-зи**: *Рыш кьилзи* (лит. *кьилди*) *дулаамиш жезва* «Дочь живет отдельно»; *А^ида чьорелзи* (лит. *кверелди*) *лагьана вири // выры* «Он коротко объяснил всё»; *Айалар са гудж-балазалзи* (лит. *гуж-баладалди*) *хтана хириз* «Дети с трудом вернулись в село»; *Папа гуджуналзи* (лит. *гужуналди*) *чһувал тухузва* «Женщина с трудом тащит мешок».

При помощи аффикса **-кІа** образуются наречия образа действия от вопросительного и указательных местоимений и прилагательных: *фин* «какой?» > *фикІа* (лит. *гьикІа*) «как?», *и^и* «этот» > *икІа* «эдак», *а^и* «тот» > *акІа* (лит. *акІа*) «так», *гььомІе* «тот» > *гььомІе^икІа* (лит. *амІакІа*) «вон так», *цІийи* «новый» > *цІийикІа* (лит. *цІийикІа*), «по-новому», *чІыры* «неправильный» > *чІырыкІа* (лит. *чІурукІа*) «неправильно».

Посредством аффикса **-ла** образуются наречия образа действия от целого ряда имен прилагательных: *чһими* «теплый, жаркий» > *чһимла* «жарко», *мекьы* «холодный» > *мекьыла* «холодно», *кьацІыл* «голый» > *кІацІыла* (лит. *кьецІыла*) «голышом», *кеши^и* «голодный» > *кешила* (лит. *гишила*) «голодно».

При помощи непродуктивного аффикса **-ба**, от имен прилагательных образуются наречия образа действия: *чһни* «таинственный, тайный» > *чһнеба* «тайно, тайком», *экһуь* «светлый» > *экһвеба* «открыто», *пІиркьы* «слепой» > *пІиркьеба* (лит. *буьркьеба*) «слепо».

В курушском говоре прослеживаются случаи, когда прилагательные не оформлены аффиксами и выступают в роли наречий образа действия: *Ву^и ви чһаказал диндж ацһакь* «Ты на своем месте сиди спокойно»; *Буна ву^и дуьз*

тһухузваш «Ты нехорошо ведешь себя»; *Али сабранизал хьса^н рахана* «Али хорошо выступил на собрании». Возможно, данные формы являются недифференцированными формами наречий и прилагательных.

Ряд наречий образа действия образуется от некоторых имен существительных и прилагательных при помощи непродуктивных аффиксов *-на* и *-з*: *тһерс* «строптивый, упрямый» > *терсина* «наоборот», *кһеф* «наслаждение, удовольствие» > *кһефина* «в удовольствии», *клевиз* «крепкий» > *клевиз* «крепко, прочно», *зырба* «огромный» > *зырбаз* «здорово», *тһаьгди* «спешный, безотлагательный» > *тһаьгдиз* «срочно, безотлагательно»; *Ахгакьнамазни тһаьгдиз чһаз хабар айа* «Как только приедешь, срочно сообщи нам»; *Вуна куьлуйтһар терсина алукинава* «Ты чулки надела неправильно»; *Клевеле клевиз гьараа мььир* «Не кричи в доме громко».

В функции наречий образа действия выступают некоторые падежные формы имен существительных: *квачһы-квачһы* (лит. *квачһи-квачһи*) «пешком», *рикливагь* (лит. *рикливай*) «от души, от всего сердца», *сиве-сивзи* (лит. *сиве-сивди*) «доверху», *гуджа-гудж* (лит. *гужа-гуж*) «с трудом, через силу», *кьилзи-кьилихь* (лит. *кьилди-кьилихь*) «отдельно, одиноко», *цлейи-кьилелагь* (лит. *цлийи-кьилелай*) «заново», *бахтынаа* (лит. *бахтунай*) «к счастью», *худза* (лит. *худда*) «хорошо, быстро».

Обратимся к фразам: *За ваз рикливаа клевелиз аты^н тһекһлифзава* «Я от души приглашаю тебя домой»; *Истикһа^н сиве-сивзи ацлырна* «Стакан доверху наполнил»; *Зы^н кьилзи-кьилихь дулаамии жезва* «Я живу отдельно»; *Зы бахтынаа армизаваа стха хтана* «К моему счастью, брат вернулся из армии».

В курушском говоре целый ряд различных по составу идиоматических сочетаний слов также выполняют синтаксические функции наречий образа действия: *Ам гахкьазваш, гел-галамашиз* (лит. *гел галамачһиз*) *кһывахьнава* «Его невозможно найти, (он) пропал бесследно»; *А^ндал*

пара цаз алаз акваза «Он кажется очень колючим»; *Вун захь галаз кьаб алаз рахазва* «Ты со мной говоришь двусмысленно, обиняками»; *Устарзи рикл гэгана квалахзава* «Мастер старательно, от души работает».

Наречие времени

Наречий времени в курушском говоре довольно много и многие из них являются самостоятельными словами. По своей структуре наречия времени курушского говора подразделяются на простые, производные и сложные.

В качестве простых наречий выступают: *фаз* «рано», *кье* «сегодня», *пака* «завтра», *накь* «вчера», *сифте* «вначале», *аһна* «потом», *эвел* «в начале», *шаз* «в прошлом году», *ци* «в этом году», *гедж* «поздно», *гьала* «пока что», *гьила* «теперь». Фразы: *Кье чһна пара квалахна* «Сегодня мы много работали»; *Шаз за хциз мехьерарна* «Я в прошлом году женил сына»; *Ваха гьала квалахзама* «Сестра пока что работает»; *Чһын гедж хтана шегьерзаа* «Мы поздно вернулись из города»; *Сифте гьилер чһихих, аһна чһай хух* «Сначала вымой руки, а затем пей чай».

Следует отметить, что приведенные выше наречия времени в курушском говоре являются наиболее употребительными.

Основная масса производных наречий времени курушского говора представляют собой падежные формы имен существительных и самих же наречий с лексическим значением времени: *вахтһ* «время» > *вахтынзы* (лит. *вахту^нда*) «вовремя»; *нисе^н* «утро» > *нисе^нлаа* (лит. *нисинлай*) «с обеда», «с полудня», *нисеныз* (лит. *нисиниз*) «в обед», *нисеналзи* (лит. *нисиналди*) «до полудня»; *йис* «год» > *йисзи* (лит. *йисди*) «в течение года»; *экһуь^н* «утро» > *экуьныхь* (лит. *пакамахь*) «утром», *экуь^нлаа* (лит. *пакамлай*) «с утра»; *кьид* «зима» > *хьитлиз* (лит. *хьуйтлуьз*) «зимой»; *йиф* «ночь» > *ифиз* (лит. *йифиз*) «ночью»; *эвел* (лит. *эвел*) «начало» > *эвелзаа* (лит. *эвелдай*) «сначала»; *фаз* (лит. *фад*) «рано» > *фазлаа* (лит. *фадлай*) «издавна, дав-

ненько». Фразы: *Са гьафтеза квалахна за ваз* «Одну неделю я работал на тебя»; *Эрид усалаа* (лит. *йисалай*) *хьей айал* «Дорогой ребенок» (букв. «Через семь лет родившийся ребенок»); *Ыкъя* (лит. *йикъя*) *са хабар хьизва йапарыз* «Каждый день уши слышат новости».

В роли наречий времени в курушском говоре выступают и сложные слова: *ульуькһа^асуз* (лит. *вилика^а йисуз*) «в прошлом году», *ульуькамаз* (лит. *виликамаз*) «заранее», *вахты^азамаз* (лит. *вахту^адамаз*) «вовремя», *гыламаз* (лит. *гиламаз*) «с этих пор», *фазамаз* (лит. *фадамаз*) «рано, пораньше», *гылани* (лит. *гилани*) «до сих пор». Фразы: *Буба гылани кимел ацукьнама* (лит. *ацукьнама*) «Отец до сих пор сидит на годекане»; *Кьуллугьчи ульуькамаз* (лит. *виликамаз*) *атана ацхукьнава* «Служащий заранее пришел и сидит»; *Негьеныз* (лит. *рагьданрихь*) *квалах меьир* «В сумерках не работай»; *Экуьнхъаа* (лит. *накамхъай*) *фаз* (лит. *фад*) *къарагъайзни, фаз эвлемши хьейзи пашма^а жезаи* «Кто рано встал и рано женился жалеть не будет».

В исследуемом говоре представлены и редуцированные наречия, образованные:

а) простым повторением основы: *фаз-фаз* (лит. *фад-фад*) «часто», *кагь-кагь* (лит. *гагь-гагь*) «иногда», *мыкьал-мыкьал* (лит. *мукьал-мукьал*) «часто»;

б) посторением противоположных по смыслу основ: *фаз-гедж* (лит. *фад-гегж*) «рано или поздно»; *къе-нака* (лит. *къе-нака*) «на днях», *йигь-йиф* (лит. *йугь-йиф*) «день и ночь», *гыла-мад* (лит. *гила-мад*) «вот-вот», «сейчас»;

в) повторы, в которых один или оба компонента осложнены аффиксами: *йифзи-йигьзи* (лит. *йифди-йугьди*) «день и ночь»; «сутками», *кьидзи-гадзи* (лит. *кьуьдди-гадди*) «зимой и летом», *сифтени-сифте* (лит. *сифтени-сифте*) «сначала, вначале». Фразы: *Жи заводры йигьзи-йифзи квалахзава* «Наши заводы день и ночь работают»; *Гыла-мад армизаа стӀха хкьеза* «Скоро брат демобилизуется»; *Къе-нака гьавайар чӀими жеза* «Вот-вот скоро потеплеет».

Наречия места

В курушском говоре, как и в других лезгинских говорах, собственно наречий места представлено мало. К таковым относятся: *мыкьал* (лит. *мукьал*) «близко» и *йаргьал* (лит. *йаргьал*) «далеко». Наречие *йаргьал* восходит к существительному *йаргь* «длина, даль», а наречие *мыкьал*, возможно, образовано от *мыкь*, *мукь*, которое в настоящее время утратило лексическое значение.

В основном в функции наречий места выступают падежные формы ряда имен и указательных местоимений со значением места: *венейз // менейз* «вверх» (*вини*) «тот верхний», *вененаа* «сверху», *венелай* «сверху»; *гьаныз* «туда» (*гьа^а* «тот упомянутый»), *гьана* «там», *гьаныз* «туда»; *гьина* «здесь» (*гьин* «этот»), *кленикагь* «снизу» (*кӀа^а* «дно»); *фина* «где» (*фи^а* «какой?, который?»), *финаа* «откуда?», *финыз* «куда?», *финал* «где?»; *гьагьуз* «вниз» (*агьа* «тот нижний»), *агьазаа* «снизу»; *сана* «где-то» (*са* «один»), *пата* «в стороне» (*пад* «сторона»). Фразы: *Палка^а финал кӀытӀа^азы?* «Где привязать лошадь?»; *Аныз вун вачӀ, иныз зы^а хтиза* «Туда ты иди, сюда я пойду»; *Чхуьне мехьерар фина уна?* «Вы где сыграли свадьбу?»; *Жина хъса^а гьава ава* «У нас хороший климат».

Наречия меры и степени

Как и в других говорах лезгинского языка наречия меры и степени представлены в ограниченном количестве: *джизви* «чуть-чуть» (лит. *жизви*), *са хейлах* «много, порядочно» (лит. *са хейли^а*), *са къадар* (лит. *са къадар*) «определенное количество», *стӀы^а* «совсем», пара «много» (лит. *заф*), *тӀехк-тӀуькӀ* «редко» (лит. *тӀехк-тӀуькӀ*), *стӀынни* «ничуть, совсем» (лит. *биркхуьлли*).

Служебные слова

К служебным частям речи относятся союзы, послелогии, частицы и междометия, которые лишены самостоятельного значения и служат для соединения членов пред-

ложения или отдельных членов предложения в составе сложного предложения и придают различные оттенки словам и словосочетаниям.

Служебные слова в лезгинском литературном языке и некоторых диалектах нашли свое отражение в существующей литературе [Услар 1896; Жирков 1941; Гаджиев 1954, 1963; Гайдаров 1961, 1987; Мейланова 1964, 1970; Талибов 1966; Алексеев 1985 и др.].

Изучению служебных слов в лезгинском языке посвящена специальная работа А.Н. Юзбекова [1990]. По сопоставительному исследованию союзов и союзных слов в лезгинском и азербайджанском языках защищена кандидатская диссертация Г.З. Асланхановой [2007]. А в 1978 г. в г. Черкесске проходила VIII региональная сессия по изучению иберийско-кавказских языков, посвященная проверкам и послелогам, где с докладами о послелогах в лезгинском языке выступили У.А. Мейланова, П.В. Топурия и А.Г. Гюльмагомедов.

Союзы

В курушском говоре, как и в литературном языке, союзы представлены в небольшом количестве. Особенно мало представлены в говоре союзы, выполняющие подчинительные функции. Исследователи лезгинского языка это положение объясняют наличием в языке развитой падежной системы и многочисленных глагольных форм. Так, например, по этому поводу Л.И. Жирков пишет: «Широкое развитие в системе лезгинского спряжения различных деепричастных и причастных форм уже само по себе показывает, что мы не можем ожидать встретить в этом языке много союзов, так как предложения и члены предложения устанавливают связь между собой в основном посредством глагольных форм» [Жирков 1941: 114].

По синтаксическим функциям союзы подразделяются на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы соединяют части сложносочиненного предложения, а также словоформы, отношения между которыми характеризуются как равноправные, т.е. такие, какие бывают между независимыми друг от друга элементами [Гайдаров 1987: 146].

Сочинительные союзы подразделяются на соединительные, противительные и разделительные.

Отличительной особенностью курушского говора является отсутствие заимствованного из арабского языка соединительного союза *ва* «и» и замена его собственно лезгинским *ни* «и» и исторически восходящим к одной из падежных форм вопросительного местоимения *вуж* «кто?» [Гаджиев 1954: 19].

Союз *ни* «и» является наиболее употребительным в курушском говоре: *зынни ву* «я и ты», *вахни стха* «сестра и брат», *кхицІни нхси* «собака и кошка», *За ковровы артелза халичхайарни хырхынава* «В ковровой артели я и ковры ткала», *Ин истикһа* «заваа уьртһни хъине» «Съешь и мед, находящийся в этом стакане», *Авашийнагъ кепекни пыл йа* «Там, где ничего нет, и копейка – деньги», *Ву* «кьадар хъейны, зазни глакъыл этирвал йа» «Когда я вырасту, как ты, и я поумнею», *Зы ччужьгьвеналлаз вахни фена* «Вслед за мной и сестра пошла», *Зынни ву* «былахзал физы» «Я и ты пойдем к роднику», *Тхурдани гьарайза, тхурьтхурдани* «Кричит и тот, кто съел, и тот, кто не ел».

К разделительным союзам в говоре относятся *йа ... йа* «или ... или», *кагъ ... кагъ* «то ... то», которые употребляются «для обозначения смены событий, явлений или для взаимоисключающих событий, из которых фактически осуществляется одно из возможных» [Юзбеков 1990: 49]. Оба эти союза употребляются при каждом члене предложения, который он связывает с другим. В отрицательных предложениях союз *йа* «или» на русский язык переводится «ни ... ни». Обратимся к примерам: *Йа цанал йацһ хъанаш, йа нехирзыкһ джы* «га» «Не оказался ни быком при пахоте, ни быком в стаде», *Тхубкве* «зыз йа зы»

фенаш, йа ву «Ни ты, ни я не пошли в магазин», *Йа уьч*
фенаш, йа заз вач ланаи «Ни сам не пошел, ни мне не
сказал иди», *Кагь ву* *Квеле акваза, кагь кхуьчеза* «То ты
дома, то – на улице», *Кагь ваз мекьби хьаны, кагь чхими*
«То тебе холодно, то – жарко».

Из противительных союзов в говоре функционирует
амма «но, однако»: *За ваз пара лагьана, амма вуна йаб*
ганаи «Я тебе многократно говорила, однако ты не слу-
шался», *За кастумар къацуна, амма заз гьвечи хьана* «Я
купил костюм, но он оказался мал», *За са къазма эцигна,*
амма къав тегьена ама «Я построил домик (букв. землян-
ку), однако крыша еще не настелена».

Подчинительные союзы устанавливают связь прида-
точного с главным. Подчинительных союзов в говоре
очень мало: *эгер* «если», *вушиз лагьаатла* «так как, пото-
му что». Примеры: *Эгер къенеглат* *тавуртла, аразал са*
зат *Ини къвезаи* «Если не экономить, (то) ничего не вый-
дет», *Эгер а"да" риклиз ка" хьанаатла, физаа* «Если бы он
захотел, пошел бы», *Эгер ву" аныз хтаатла, кар дуьз жеза*
«Если ты туда приедешь, дело получится», *Эгер ваз зы"*
кка" йетла, кхар къилиз акьудур «Если ты меня любишь,
довеи дело до конца», *Эгер ваз хьса" аквазватла, вач*
жыва" рекъиз «Если тебе нравится, отправляйся в путь»,
Эгер къвал къваатла, векьер акьучиза «Если пойдет дождь,
вырастит трава», *Зы" шегьерзиз фена, вушиз лагьаатла*
басбарт *къахцуна ка"заваа* «Я поехал в город, потому
что паспорт надо было забрать», *За сывавар гыргына, ву-*
шиз лагьаатла газ аваши «Я поставила самовар, потому
что газа не было».

Как справедливо отмечает А.Н. Юзбеков, «в условном
придаточном предложении союзы *эгер, нагагь* существен-
ной роли не играют, так как сама форма сказуемого при-
даточного предложения на *-тла* выполняет роль союзной
частицы, а заимствованные союзы *-эгер, нагагь* носят пле-
онастический характер. Сочетание названных союзов с

союзной частицей *-тла* может лишь несколько усилить
значение условия» [Юзбеков 1990: 55].

В исследуемом говоре очень часто в таких случаях
опускается союз *эгер*, а сказуемое в форме глагола услов-
ного наклонения сохраняется: *Са физааз хьейтла* (лит.
хьайитла), *вач* «Если кто-нибудь идет (букв. «идуший
если есть»), иди», *Лан* *хьанаатла, зазни пара ка"заа* «Ес-
ли бы было, я бы тоже очень хотела», *А"даз ка"заатла, за*
аш ийизаа «Если бы ему нравилось, я плов приготовила
бы».

Союзное слово *гьавилляй* «поэтому, ввиду этого» в го-
воре имеет форму *гьа"вили*: *Заз дуьгуь ка"заш, гьа"вили за*
ашни тIуьнаи «Я не люблю рис, поэтому я не поел плов».

Подчинительная связь между главным и придаточным
предложением устанавливается путем присоединения к
глаголу-сказуемому аффикса временного подчинения *-ны*.
В литературном языке и других диалектных единицах ему
соответствует аффикс *-ла*: *Къуь"ши хьса" хьейны* (лит.
хьайила), *кач* *ал рышни гьуьлуьз физа* «Если сосед хоро-
ший, и плешивая девушка выйдет замуж», *Бес ву" татаны*
(лит. *татайла*), *фим къвеза* «Если ты не придешь, кто же
придет?»

Частицы

В курушском говоре по сравнению с союзами пред-
ставлена большая группа частиц. Как пишет У.А. Мейла-
нова, «Частицы не имеют своего значения и придают вы-
сказыванию или отдельному слову различные смысловые
оттенки» [Мейланова 1970: 145]. По своему значению
частицы в исследуемом говоре делятся на следующие раз-
ряды: указательные, вопросительные, утвердительные,
отрицательные, усилительные, определительные и срав-
нительные.

К указательным частицам относятся *и"гье* «вот», *а"гье*
«вон» (по отношению к отдаленному предмету),
гьотла"гье «вон (по отношению к более отдаленному
предмету): *И"гье, гьеч* *гьурни къигьизваи* «Вот, даже

муку не привозят», *А"гъе, гъоьтленал алатла аку* «Вон, там посмотри», *Гъотла"гъе, гъам зы гада йы* «Вон, он является моим сыном».

Вопросительными в говоре являются частицы: *жал* «неужели», «ли», *бес* «разве», «же», *тла* «ли», «неужели», *ма"* «ну», «значит», «стало быть», *йараб* «неужели»: *Ам фена жал кхуьчезыз?* «Неужели он вышел на улицу?», *Валагъ къейри садни гакъазашни заг?* «Неужели, кроме тебя, я никого не найду?», *А" гъей пыд кило къенфетхар бес вутл фена?* «Куда же делись привезенные три килограмма конфет?», *Ам жи квелиз къезатла?* «Придет ли он к нам?», *Хъана ма", диндж къваз* «Ну хватит, успокойтесь», *Йараб а"даз ка"зава жал?* «Неужели он любит?».

Усилительные: *гъа* «же», *мад* «уж», *гъеч* «хоть», «даже», *гъы"* «ну», *тлы"* «же», *ди* «ну», *ма"* «ну», *кхи* «ведь же». Примеры: *Вунни рахана гъа!* «Ну и выступил же ты!», *Гъинал алаз хъый ма"!* «Ну, пусть здесь будет!», *Гъеч са истикха" чхаани ганаиш* «Даже стакан чаю не дала», *Гъы", гъила ви ныбат* *йы, рахых* «Ну, теперь твоя очередь, говори», *Гъы", вач* *тлы" ульукъизи, ву" тла хъуцунава?* «Ну, иди же вперед, почему ты стоишь?», *Ди лагъ, ви риклукъ вуи кхыватла* «Ну скажи, что у тебя на душе?», *Ву" зы патаг са екхе пхайар гаваз атанваи кхи?* «Ты ведь с большими подарками не пришел же?».

Определительные: *къва"* «столько», *а"джах* «только», *йани* «именно», *сакхи* «почти»: *Вавагъ къва" завагъ рахаз жезаиш* «Я не смогу говорить столько, сколько ты», *А"джах са ву" хтана ка"зава заз* «Я хочу, чтобы только ты приехал», *Мене хир, йани куьгъне Къуруш виридалагъни къакъа чкъа йа* «Верхнее село, а именно: старый Куруш – самое высокогорное селение (букв. «самое высокое место есть»)».

Модальные: *къуй* «пусть», *ы"* «да», *ваъ* «нет», *къала* «давай, давай-ка», *кхилиг гъа* «смотри», *ма"* «пожалуйста», *ша* «давай», *тлы"* «ну, же»: *Чнай эцик ма" къарагъна* «Встань, поставь, пожалуйста, чай», *Им къе"д йа"?* – *Б!",*

йы «Это сахар?» – «Да», *Матыдазни цхе ма"* «Дай, пожалуйста, и другому», *Гъы", ву" мус физы?* «Ну, когда же ты пойдешь?», *Ша садрахъ, чхы" фи"* «Давай-ка, мы пойдем»; *Б!" зы" ви Глаьмелрал рази тыиш* «Да, я не доволен твоим поведением», *Къуй, вири ваз хъый* «Пусть все будет тебе», *Къала, зы" кхилига* «Давай-ка, я посмотрю», *Ваъ, ам зы уьлеризни такураа* «Нет, чтоб мои глаза не видели его», *Килиг гъа, гедж миъир, фаз хъша* «Смотри, не задерживайся, вернись вовремя».

Сравнительные: *хъти"* «как», *къадар* «столько»: *Лем тлуър джанавыр хъти" къатхкханвы* «Спит, как волк, который съел осла», *Ву" къадар зынны хъейны, зазни Глакъл этирвал йа* «Когда я проживу столько, сколько ты, то и я поумнею».

Послелог

Послелог – это служебное слово, выполняющее функцию предлога и занимающее место за именем, которым он управляет. По мнению Р.И. Гайдарова и Б.Б. Талибова собственно лезгинским послелогом в лезгинском языке является *тлуз*, который соответствует русскому предлогу «по» в его пространственном значении [Гайдаров 1961: 113; Талибов 1966: 586]. В лезгинском языке У.А. Мейланова и А.Н. Юзбеков отмечают и заимствованные из арабского и тюркских языков послелог: *гъакъиндай, барадай* «о, об, относительно», *эвез* «вместо», *гъейри* «кроме», *къарши* «против, напротив», *башкъа* «кроме», *акхси* «против» [Мейланова 1970: 145; Юзбеков 1990: 20].

Послелог в лезгинском языке подразделяются на именные и глагольные. Как отмечает У.А. Мейланова, «Именные послелог, как исконные, так и заимствованные, в обоих языках являются в преобладающем большинстве случаев грамматикализовавшимися падежными формами имен, будь то послелог, совершенно потерявшие свое лексическое значение или сохранившие связь со словами, от которых они образовались» [Мейланова 1976: 50].

Послелогам в говоре служат падежные формы имен существительных, а также формы некоторых глаголов: *кленикһ* (мест. III) «под» < *кIа* «дно», *кленикһагъ* (исх. III) «из-под» < *кIа* «дно», *кылал* (мест. V) «на» < *йукъ* «середина», *кылел* (мест. V) «на» < *кыл* «голова», *гъилегъ* (исх. IV) «из-за» < *гыл* «рука», *патаг* «у, около» (мест. I) < *пад* «сторона», *кылыхъагъ* (исх. II) «за». Это слово М.М. Гаджиев возводит к существительному *кIул* «лопатка (анат.)»^{*}.

Примеры во фразах: *Андаз уьчһуь" далдамзы" гъилегъ масада" ва" къезваи* «Из-за своей болтовни он других не слышит» (букв. «Он из-за своего барабана, другого голоса не слышит»), *Метир зы патаг* «Не подходи ко мне», *Хирин кленикһагъ авахъаваа вацI рагъулзи йа* «Река, которая течет под селом, мутная», *Цаву" кылаз къадар хкъаз хъана* «Поднялся высоко» (букв. «Поднялся до середины неба»), *Чанһарзы" патаг са этем хъуцунва* « У забора стоит мужчина », *Капһырни къацына пачагъ дидез патаг фена* «Взяв кинжал, царь направился к матери».

Как видно из приведенного материала, в большинстве случаев послелог управляют родительным падежом. Однако в говоре встречаются исключения, когда послелог управляет именительным, дательным и исходным падежами: *Чһуьне чһуь" (Им.п.) петел кIелзава, зы" (им.п.) петел ваь* «Вы для себя учитесь, а не для меня», *Шыза"лаа (исх.п.) иныхъзи зы рикI диндж тыи* «С прошлого года до сих пор нет покоя моему сердцу», *Гырар (им.п.) кылел къве айал хъуцунава* «Над лестницей (букв. «На голове лестницы») двое ребят стоят», *Хирегъ (исх.п.) тIуз трахтур фена* «Через село проехал трактор», *Эгер ан кһтаб (им.п.) тһарыхъкһагъ йатIа, за кIелзы* «Если эта книга об истории, то я прочту (ее)».

Имена, сочетаясь с вспомогательными глаголами в целевой или в других формах, передают значения отдельных

предлогов и предложных конструкций русского языка: *Мехъер пһайар чарчикһ кһываз* (< *кһыва* «есть под...») *гъана* «Завернутые в бумагу свадебные подарки принесли» (букв. «Свадебные подарки в бумаге имея принесли»), *Йад кһаф кыллелаз* (< *кылел алаз*) *физва* «Вода, пенясь, течет» (букв. «Вода, пену на голове имея, течет»), *Жи кIвелер вацIы" къырахзалла* (< *къырахзал ала*) «Наши дома расположены на берегу реки» (букв. «Наши дома над берегом реки есть»).

Междометия

Междометия – это особая группа слов, отличающихся от знаменательных и служебных слов и выражающих различные чувства и волеизъявления говорящего. «Будучи выражением эмоций и волевых побуждений, междометия, однако, не называют само чувство, волеизъявление, т.е. они не имеют номинативной функции. Этим они существенно отличаются от знаменательных частей речи» [Современный русский язык, ч. I, 1976: 342].

Междометия курушского говора отличаются от литературных незначительно, если не считать междометных слов, связанных с подзыванием, понуканием и проч. домашних животных.

Междометия, выражающие различные эмоции говорящего и волевые побуждения делятся на следующие группы:

1. Междометия, выражающие различные чувства говорящего:

а) удивление и разочарование: *Вуу, мад вуи хъижезатIа?* «Ну-у, что же еще будет?», *Вуу, кһераматһ, чIалаз кһилигъаваи* «Ой, не слушаются», *Айгъоо, бес чһуьнни йаман жез къу" (лит. къва")* «О-о, ну и вредные же вы!»; *Пһагъ, чһуьнни икъдар хIайасыз жеза!* «Ой, какие же вы бесстыжие?»,

б) радость: *Гьурраа, жибыр хтаны!* «Ура, наши приехали!», *Гьагъ, хъса" хъана вун атана* «Ах, хорошо, что ты пришла!»,

^{*} Гаджиев М.М. Примечание к § 97. См.: Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941, с. 112.

в) усталость: *Уф, галатһкһына зы" кье* «Ох, устала я сегодня»,

г) сожаление: *Гьей, бахтһ аваш ма"* «Эй, нет же счастья»,

д) боль: *Аман, зы" кһабаб хьана кһи* «Ой, я горю (букв. «Ох, я шашлыком стал ведь»»,

е) крик о помощи: *Эгь, зы рикI акъатһзава кһи ам акуна ка"з* «Ой, я хочу его видеть (букв. «Ой мое сердце выскакивает, чтоб его увидеть»», *Йа аллагь, бес за фикһи?"* «Ой, боже, как мне быть?».

2. Междометия, выражающие волеизъявления (императивные или повелительно-побудительные): *Ма, им ваз хьый* «На (возьми) это тебе!», *Кһывахь, зегьле тһухумир!* «Убирайся, не надоедай!», *чһавиш* «возглас, которым останавливают осла», *йахь-йахь* «возглас, которым натравливают собак», *пһиштһ* «возглас, которым прогоняют кошку», *воогьа* «возглас, которым останавливают быка», *иш* «возглас, которым погоняют корову», *тырр* «возглас, которым останавливают лошадь» и т.д.

3. Междометия призыва: *Гьей, инал ша!* «Эй, иди сюда!» *Йада, ди"дж ацһакь!* «Эй, парень, сиди спокойно!», *Йа рыш, ви де финава?* «Эй, девочка, где твоя мать?»

4. Междометия, обслуживающие сферу речевого этикета и происшедшие из знаменательных слов, многие из которых заимствованы из других языков: *баркалла!* «молодец!», «да благословит аллах!» < араб. *баракһа* «благословение» + *аллагь* > *лла* «аллах», *сагьхьый* «спасибо» < азерб. *сагь* «здоровый» + искон. вспом. гл. *хьы"* «быть, стать» > *хьый* «пусть будет», *сабагь хийир!* «Доброе утро!» < араб. *сабӕх* «утро; рассвет» + араб. *хайр* «хороший, добрый», азерб. *хвашкелди!* «с приездом!», «добро пожаловать!», *чһухсагьул!* «благодарю, спасибо» < *чһух* < азерб. *чһох* «много, большой» + азерб. *сагь ол(ун)* «будьте здоровы!»

Глава III ЛЕКСИКА

Язык и, прежде всего, его словарный состав являются наиболее достоверным источником, позволяющим судить об интеллектуальном, культурном и хозяйственном уровне той или иной эпохи, того или иного общества. «Привлекая язык в качестве источника для истории народа, можно решить этногенетические проблемы, восстановить по данным языка далекое прошлое народа, его культуру и его исторические связи с другими народами» [Абаев 1952].

В данной главе работы делается попытка выявить на конкретном словарном материале отличия курушского говора в области лексики не только от литературного языка, но в некоторой степени и от других диалектов, с которыми курушцы контактировали на протяжении многих лет. Изучение лексических особенностей курушского говора поможет историкам языка показать как складывались взаимоотношения (взаимовлияние) носителей данной языковой единицы с соседями, ибо на примере именно лексических заимствований и особенностей хорошо прослеживается характер внешних социально-экономических, политических и культурных связей между носителями тех или иных языков и диалектов.

Лексика любого языка связана с жизнью народа, с историей и культурой его развития. Она является чувствительной и гибкой частью языка, которая постоянно изменяется и обогащается новыми словами. Изменения в общественно-политической, экономической и культурной жизни общества, с одной стороны, приводят к обновлению лексической системы языка, а с другой – к исчезновению из ее состава некоторых устаревших слов и оборотов, к утрате некоторыми словами значений и т.д.

Первой работой, имеющей отношение к лексике лезгинского языка, является капитальный труд П.К. Услара

«Кюринский язык», в котором в качестве приложения приводится словарь (1457 лексических единиц с переводом на русский язык) описанного им говора лезгинского языка [Услар 1896].

Обстоятельные лексикологические исследования по лезгинскому языку начинаются с 60-х годов прошлого столетия, и связаны они с работами Р.И. Гайдарова. Наиболее фундаментальным исследованием лексики лезгинского языка до настоящего времени остается монография Р.И. Гайдарова [Гайдаров 1966], в которой основное внимание уделяется вопросам словообразования, а также анализу заимствованных слов, их группировки с точки зрения происхождения. Во второй его монографии по лезгинской лексикологии [Гайдаров 1977] основное внимание обращено на фонетические и семантические особенности словарных единиц и на некоторые другие аспекты исследования (омонимия, синонимия, антонимия; особенности словарного состава).

Вопросам омонимии и многозначности посвящены также кандидатские диссертации Р.А. Османовой [Османова 1962] и М.Б. Курбановой [Курбанова 2002].

Богатый и очень ценный материал содержится также в специальных монографических исследованиях языковедов-лезгиноведов по лезгинской диалектологии [Генко 1929; Гайдаров 1961; 1963; Мейланова 1964; 1970; Гаджиев 1997; Абдулжамалов 1965; Гюльмагомедов 1966; Ганиева 2007].

О лексическом богатстве лезгинского языка дают полное представление различного типа словари лезгинского языка, составленные известными лингвистами-лезгиноведами [Гаджиев 1950; Гаджиев, Гайдаров, Мейланова 2001; Талибов, Гаджиев 1966; Талибов 1992; Гайдаров, Мирзоев 1981; Гюльмагомедов 1982; 1991; 2003; 2005; Гаджимурадов 1994; Селимов 2001; Забитов, Эфендиев 2001].

Лексический материал по лезгинскому языку в том числе и по другим дагестанским языкам, относящийся к общедагестанскому лексическому фонду, приводится также в специальных сравнительно-исторических исследованиях [Бокарев 1961; СИЛДЯ 1971; Хайдаков 1973; Гигинейшвили 1978; Талибов 1980; Загиров 1987].

В последние годы в дагестанском языкознании возрос интерес к отраслевой лексике дагестанских языков. Автором этих строк впервые в дагестановедении опубликована специальная монография по отраслевой лексике лезгинского языка [Ганиева 2004], в которой научному анализу подвергаются животноводческая лексика, сельскохозяйственная лексика, соматические термины, бытовая лексика, термины, связанные с обработкой шерсти и ковроделием. Материал основных диалектных единиц лезгинского языка в данном исследовании подвергается анализу с точки зрения происхождения, структуры и семантики.

Отраслевая лексика лезгинского языка все чаще становится объектом диссертационных исследований [Эседов 2003; Алиджанов 2003; Гусейнова 2004].

Диалектная лексика лезгинского языка в том числе и курушского говора до настоящего времени в системно-монографическом и лексикографическом аспектах не исследовалась. Несмотря на то, что по лезгинскому языку имеются капитальные труды по изучению диалектов, диалектная лексика в них рассматривается частично. На это обстоятельство в лезгинском языке было обращено внимание Б.Б. Талибова, который отмечает: «За сравнительно короткий срок были собраны и обобщены богатейшие материалы по разным диалектам лезгинского языка с основным упором на выявление и описание фонетических и морфологических особенностей диалектных единиц. Что касается лексических особенностей конкретного диалекта, то они рассматривались во всех работах лишь в формально-семантическом плане. Так, по характеру расхождений с литературным языком диалектную лексику той или иной

диалектной единицы лезгинского языка У.А. Мейланова делит на: а) собственно диалектизмы; б) слова, отличающиеся фонетическими особенностями; в) слова, отличающиеся семантическими особенностями и т.д. Приблизительно в таком же аспекте рассматривается диалектная лексика и в других работах, посвященных описанию той или иной диалектной единицы лезгинского языка» [Талибов 1983: 62].

О важности системно-монографического изучения диалектной лексики Г.Б. Муркелинский пишет: «Исследование диалектной лексики, равно и диалектов в целом имеет очень важное значение для изучения языка и его истории. Диалектная лексика является источником пополнения лексики литературного языка. Она сохранила много терминов, выражений, первоначальных форм и значений слов, утраченных в литературном языке; дает ценнейший материал для усовершенствования и унификации терминологии и т.д.» [Муркелинский 1983: 24].

Курушский говор наряду с фонетическими и морфологическими особенностями характеризуется значительным лексическим своеобразием, отличающим его от литературного языка, а также от ряда лезгинских диалектов. В исследуемом говоре в основном используется основной словарный фонд лезгинского языка. Однако в нем наличествует целый ряд слов, отсутствующих как в литературном языке, так и в других диалектах и говорах лезгинского языка. Наличие таких слов в исследуемом говоре и является одной из особенностей, которая позволяет выделить его в самостоятельную диалектную единицу.

Лексика курушского говора по своему происхождению не однородна. Она состоит из двух пластов: исконный и заимствованный.

Наиболее древний слой, представляющий основной пласт словарного состава курушского говора, восходит к общелезгинскому, который тесно примыкает к общему основному словарному фонду родственных дагестанских

языков. Данный слой лексики наиболее богато представлен в словах, обозначающих древние понятия: названия животных и растений, названия частей тела человека и животных, названия одежды, явления природы и т.д. Исконный пласт лексики, по утверждению В.И. Абаева, «представляет своего рода исторический документ, свидетельствующий либо о происхождении народа, либо о его сношениях с другими народами» [Абаев 1949: 15].

Лексический материал курушского говора по характеру расхождений с литературным языком делится на следующие группы:

1) Слова одного с литературным языком корня, отличающиеся своим звучанием от соответствующих слов литературного языка, но сохраняющие общее значение т.е. фонетические диалектизмы.

2) Слова, по-разному называющие один и тот же предмет в курушском говоре и литературном языке, т.е. собственно-лексические диалектизмы.

3) Слова, одинаково звучащие в курушском говоре и литературном языке, но имеющие различные значения, т.е. лексико-семантические диалектизмы.

4) Слова, отсутствующие в литературном языке, т.н. областные диалектизмы, т.е. лексемы, составляющие диалектное своеобразие курушской лексики в плане семантическом.

Самой многочисленной является первая группа, в которую входят слова, отличающиеся от слов литературного языка только звучанием:

Говор	Лит. яз.	Перевод
<i>мырас</i>	<i>мирес</i>	«родня, родственник по отцовской линии»
<i>хир</i>	<i>хуър</i>	«село»
<i>айар</i>	<i>ийер</i>	«красивый»
<i>мекъсед</i>	<i>макъсад</i>	«цель, намерение»
<i>казар</i>	<i>газар</i>	«морковь»

<i>жеш гъа</i>	<i>жеч гъа</i>	«не может быть»
<i>миър</i>	<i>иймир</i>	«не делай»
<i>фихъти^н</i>	<i>гъихъти^н</i>	«какой?»
<i>мижид</i>	<i>муъжуйд</i>	«восемь»
<i>жибыр</i>	<i>чхибур</i>	«наши»
<i>чуйгъвена</i>	<i>гуйгъуьна</i>	«позади, сзади, следом, за»
<i>кIеникхагъ</i>	<i>кIаникхай</i>	«из-под»
<i>гъа^нвили</i>	<i>гъавиляй</i>	«потому, поэтому»
<i>гыргазва</i>	<i>ргазва</i>	«кипит»
<i>маты</i>	<i>муькуь</i>	«другой, иной»
<i>къизи</i>	<i>кьуйзуь</i>	«старый»
<i>пIеркъи</i>	<i>буьркьуь</i>	«слепой»
<i>пеши</i>	<i>биши</i>	«глухой»
<i>вилирга^н</i>	<i>вили</i>	«голубой»
<i>хъиркъин</i>	<i>хъуьруьн</i>	«смеяться»
<i>сывах</i>	<i>сувагъ</i>	«штукатурка»
<i>акъалхьы^н</i>	<i>акъаху^н</i>	«сесть на»
<i>авычIы^н</i>	<i>эвичIу^н</i>	«спуститься»
<i>къуру у^н</i>	<i>къуруру^н</i>	«сушить»
<i>уькънел</i>	<i>экхуьнахъ</i>	«утром, наутро»
<i>ккеши^н</i>	<i>гиши^н</i>	«голодный»
<i>ишимер</i>	<i>шехъмир</i>	«не плач»
<i>уьтIкхуь^н</i>	<i>тхуькIуь^н</i>	«ладить»
<i>хъиркъер</i>	<i>хъуьредай</i>	«смеющийся»
<i>шамбалыкI</i>	<i>шабалтI</i>	«каштан»

В данной группе слов мы ограничились приведением лишь указанных выше слов, так как эта группа является самой многочисленной, и она заняла бы много места в работе. Кроме того, многие слова, относящиеся к этой группе, были приведены в разделе «Фонетика» при описании звукосоответствий и фонетических процессов в системе вокализма и консонантизма курушского говора.

2) Второй по значимости и количеству является группа слов, по-разному называющие один и тот же предмет в курушском говоре и литературном языке, но имеющие

общие значения, т.е. собственно-лексические диалектизмы:

Говор	Лит. яз.	Перевод
<i>агъыр</i>	<i>зала^н</i>	«тяжелый»
<i>аджи</i>	<i>тхуькьуьл</i>	«горький»
<i>айры хьы^н</i>	<i>чара хьу^н</i>	«разлучиться»
<i>алатIу^н</i>	<i>ца^н цу^н</i>	«пахать землю»
<i>апай тIыб</i>	<i>чIехи тIуб</i>	«большой палец»
<i>ары</i>	<i>чIиж</i>	«пчела»
<i>баджа</i>	<i>гурмагъ</i>	«дымоход»
<i>белме</i>	<i>налбекхи</i>	«блюдец»
<i>вачI</i>	<i>алад</i>	«иди»
<i>велемир</i>	<i>гергер</i>	«овес»
<i>вечI</i>	<i>вили</i>	«синий»
<i>виъчи^н</i>	<i>кхуь</i>	«ваш»
<i>вутI</i>	<i>гьиниз</i>	«куда?»
<i>гагъаткхьы^н</i>	<i>катху^н</i>	«бежать»
<i>гакьы^н</i>	<i>жагъу^н</i>	«находить»
<i>гведе^н зи рад</i>	<i>дуьз рад</i>	«прямая кишка»
<i>ге^нгеш</i>	<i>пел</i>	«лоб»
<i>гирейз къапар</i>	<i>хъе^нчIи^н къапар</i>	«глиняная посуда»
<i>гуьгемз тар</i>	<i>гигин тар</i>	«осина»
<i>гуьдуь</i>	<i>нини</i>	«кукла»
<i>гъийиф</i>	<i>хемис</i>	«четверг»
<i>гъилегъшар</i>	<i>бегълейар</i>	«перчатки»
<i>гъиликъарар</i>	<i>тутажахар</i>	«матерчатые подушечки, (с помощью которых снимают с огня горячие предметы)»
<i>гъар къыны</i>	<i>гъар йукъуз</i>	«каждый день»
<i>гъеъиз</i>	<i>ийиз</i>	«делать»
<i>гIаъзим</i>	<i>гзаф, пара</i>	«много»
<i>далах</i>	<i>цуйлез</i>	«селезенка»
<i>даркIал</i>	<i>дегълиз</i>	«коридор»
<i>дизлиг</i>	<i>вахчаг</i>	«кальсоны»
	<i>(итимри^н)</i>	
<i>дилим</i>	<i>кIус</i>	«кусок»
<i>джыр</i>	<i>халис</i>	«настоящий»

<i>живези^h</i>	<i>живеди^h кIватI</i>	«снежок»
<i>кIумпн</i>		
<i>закIа^h</i>	<i>кIатI</i>	«большой деревянный ящик для хранения зерна, муки»
<i>закIатI</i>	<i>дегъре</i>	«секач»
<i>зег</i>	<i>цагъ</i>	«квасцы»
<i>зумруьд</i>	<i>тIавус къуш</i>	«павлин»
<i>къуш</i>		
<i>ишезаа тар</i>	<i>цIвели^h тар</i>	«ива»
<i>итизва</i>	<i>физва, къвезва</i>	«идет»
<i>иши^h</i>	<i>шехъу^h</i>	«плакать»
<i>йакъу^h</i>	<i>жагъу^h</i>	«находить»
<i>йап^h нхириш</i>	<i>йапу^h кIве^h кIв</i>	«мочка уха»
<i>йемиш</i>	<i>гату^h хали</i>	«дыня»
<i>кавчхайар</i>	<i>варварар</i>	«головастик»
<i>каркайар</i>	<i>хуьширека^h ди^h муг</i>	«паутина»
<i>кегъил</i>	<i>экъуьчуь^h</i>	«рвать, тошнить»
<i>акахъы^h</i>		
<i>кхиwirхар</i>	<i>куърсару^h</i>	«вешать»
<i>аву^h</i>		
<i>кинейзи^h кIар</i>	<i>тиниди^h кIар</i>	«скалка»
<i>кхсымир</i>	<i>илисмир</i>	«не дави»
<i>кхул кхудур</i>	<i>кIвач галкIу^h</i>	«споткнуться»
<i>хъы^h</i>		
<i>куру</i>	<i>тай</i>	«жеребенок»
<i>кхуьлер</i>	<i>кIвачни^h тхунIар</i>	«пальцы ног»
<i>кхуьцер</i>	<i>тхуькъуьл</i>	«желчь»
<i>кхыткыры^h</i>	<i>кхуькIуьру^h</i>	«зажечь (свет)»
<i>къабах</i>	<i>бура^h</i>	«тыква»
<i>къатнхын</i>	<i>кхсун</i>	«спать»
<i>къе^h дикна^h</i>	<i>шекхерда^h</i>	«сахарница»
<i>къенгъил</i>	<i>къеркъетI</i>	«испачканный навозом заскорюзлый клочок шерсти»
<i>къепечIул</i>	<i>йапатIул</i>	«уховертка»
<i>къидже</i>	<i>кIанхар</i>	«жмых,выжимки (винограда)»

<i>кърабийар</i>	<i>кхалушар</i>	«галоши»
<i>къыгъы^h</i>	<i>хку^h</i>	«привезти»
<i>къыр</i>	<i>къацI, реф</i>	«полка»
<i>къарытI</i>	<i>пхаркъул</i>	«лопух»
<i>къва^h</i>	<i>канна^h йукъ</i>	«ладонь»
<i>къваркъ</i>	<i>пекh</i>	«тряпка»
<i>къечни</i>	<i>къепhe</i>	«ночная шапка»
<i>къил-къанпIар</i>	<i>къили^h пацхар</i>	«кувыркаться»
<i>аву^h</i>	<i>аву^h</i>	
<i>кIалтIи</i>	<i>гада</i>	«мальчик»
<i>кIар</i>	<i>кхелеф</i>	«моток, намотка»
<i>кIаркIарар</i>	<i>къекъемар</i>	«ресницы»
<i>кIацI</i>	<i>буьтIруькh</i>	«куколка зеленой мухи»
<i>кIвачны^h лакI</i>	<i>кIвачни^h дегъв</i>	«выемка на ступне»
<i>кIийаб</i>	<i>кIегъеб</i>	«лодыжка»
<i>кIушкI</i>	<i>данайрин демекh</i>	«телятник»
<i>кIыр</i>	<i>кIвачh</i>	«нога»
<i>ла^h гватхар</i>	<i>кирпичхар</i>	«кирпичи»
<i>лешкъ</i>	<i>цуьлез</i>	«селезенка»
<i>лув пепе</i>	<i>шурва^h пепе</i>	«божья коровка»
<i>лукI-пIытI</i>	<i>лукъгълукъгъ</i>	«учащенный кашель»
<i>лыгъынар</i>	<i>манийар</i>	«песни»
<i>магъма^h хаи</i>	<i>хуьширека^h</i>	«паук»
<i>масмар</i>	<i>мих</i>	«гвоздь»
<i>матыз</i>	<i>муькуьд</i>	«другой, иной»
<i>менейзи</i>	<i>винихъ</i>	«наверх»
<i>мерчекh</i>	<i>ветI</i>	«комар»
<i>мете^h кIукI</i>	<i>метIи^h кIвалакI</i>	«коленная чашечка»
<i>метир</i>	<i>къвемир</i>	«не ходи»
<i>митIлакъ</i>	<i>чхарасыз</i>	«обязательно»
<i>миьир//меьир</i>	<i>ийимир</i>	«не делай»
<i>некез векъ</i>	<i>некIед хъачh</i>	«одуванчик»
<i>некъвез шар</i>	<i>шар</i>	«дождевой червь»
<i>нетива^h</i>	<i>тне^h пнел</i>	«ленивый»
<i>нехмер</i>	<i>тIуьмир</i>	«не ешь»
<i>пазу</i>	<i>къуьни^h кIараб</i>	«плечевая кость»
<i>пхарчh</i>	<i>афтафа</i>	«кумган»

<i>пһичекһар</i>	<i>гуьрзейар</i>	«пельмени»
<i>пһси</i>	<i>кацһ</i>	«кошка»
<i>пһти</i>	<i>къажгъа^н</i>	«кастрюля»
<i>пһыцар</i>	<i>цIанһар</i>	«конский навоз»
<i>пIацIар</i>	<i>цIегъер</i>	«оспа»
<i>пIенIегIа^н</i>	<i>хъикъиф</i>	«мятая и посыпанная солью крапива»
<i>пIоркI</i>	<i>кһвакһ</i>	«червь»
<i>раф</i>	<i>кар</i>	«околыш шапки»
<i>регъуь^н</i>	<i>цIагынар</i>	«мука, собирающаяся за жерновыми»
<i>рукһ</i>	<i>там</i>	«лес»
<i>сафайар</i>	<i>къугъунар</i>	«игры»
<i>сахсагъа^н</i>	<i>кһерекһул</i>	«сорока»
<i>севре пһта</i>	<i>севре шараг</i>	«медвежонок»
<i>серчһе</i>	<i>сигъирчһи^н</i>	«скворец»
<i>сефигъ гафар</i>	<i>кһими гафар</i>	«глупые слова»
<i>стух</i>	<i>никһ</i>	«поле»
<i>стIам</i>	<i>гъаргъалаг</i>	«металлический скре- бок (для очистки кваш- ни от теста)»
<i>сулаха</i>	<i>чһапһлахъа^н</i>	«левша»
<i>сутһчһекар</i>	<i>гару^н цIегъер</i>	«ветрянка»
<i>тепһ</i>	<i>варданаг</i>	«каток для утробовки плоской крыши»
<i>тһука</i>	<i>жикIи</i>	«шиповник»
<i>тһуькъуьру^н</i>	<i>хкадару^н</i>	«гасить»
<i>тһуькIвер</i>	<i>тIекһвенар</i>	«дырки»
<i>тһынIы^н</i>	<i>уймах</i>	«наперсток»
<i>кIвал</i>		
<i>тһыхтых</i>	<i>хъитһкъитI</i>	щекотка»
<i>тIа</i>	<i>вучһиз</i>	«почему?»
<i>тIакI</i>	<i>дакIар//пһенэжер</i>	«окно»
<i>тIейа</i>	<i>гъинава</i>	«где?»
<i>тIиш</i>	<i>нер</i>	«нос»
<i>тIиши^н тар</i>	<i>нери^н тахта</i>	«переносица»
<i>тIыс</i>	<i>кIуф// цIуцI</i>	«носик (чайника)»
<i>умадж</i>	<i>эршита</i>	«лапша»

<i>уьзуьг</i>	<i>закIал</i>	«обручальное кольцо»
<i>фим</i>	<i>вуж</i>	«кто?»
<i>хтиз</i>	<i>хквез</i>	«возвращаться»
<i>х(ы)чһхы^н</i>	<i>чһуьхуь^н</i>	«помыть, постирать еще раз»
<i>хъайагъ</i>	<i>рахкура</i>	«отправляя»
<i>хъеме</i>	<i>шуьшка, тһур</i>	«шашка»
<i>хъусмышы^н</i>	<i>экъуьчһу^н</i>	«рвать, тошнить»
<i>хъутһ</i>	<i>демекһ</i>	«курятник»
<i>хъута</i>	<i>демекһ</i>	«курятник»
<i>хъуцу^н</i>	<i>акъвазу^н</i>	«стоять»
<i>хъейны</i>	<i>хъайшла</i>	«когда случилось»
<i>хъти^н</i>	<i>хъиз</i>	«как»
<i>ци^нг</i>	<i>кур</i>	«миска»
<i>цукIу^н пешер</i>	<i>тIекIер</i>	«мать-и-мачеха»
<i>цIагынар</i>	<i>хъуьченар</i>	«мука, собирающаяся за жерновыми»
<i>цIанһар</i>	<i>пһалар</i>	«отруби»
<i>цIит</i>	<i>цIерцIел</i>	«гнида»
<i>цIым</i>	<i>гъили^н кһфил</i>	«предплечье»
<i>цIырар хъы^н</i>	<i>вили йагъу^н</i>	«сглазить»
<i>чһайгъу^н</i>	<i>пешенай</i>	«обряд по вызыванию дождя»
<i>ча^нгал</i>	<i>иши</i>	«вилка»
<i>чһерелтһма</i>	<i>цIигел хъу^н</i>	«соскучиться»
<i>хъы^н</i>		
<i>чи^н</i>	<i>мукал</i>	«серп»
<i>чIакIулар</i>	<i>башкIулар</i>	«кочья шерсти»
<i>чIимерукI</i>	<i>яргъируш</i>	«радуга»
<i>чIольдукһар</i>	<i>ярар</i>	«корь»
<i>чIуьдрийар</i>	<i>пһурни</i>	«мята»
<i>шумшатI</i>	<i>иер, гуьзел</i>	«красивый»
<i>экһне^н</i>	<i>пакамлай</i>	«с утра»
<i>элпһенаг</i>	<i>афни</i>	«огурец»
<i>эцуьтһкы^н</i>	<i>экъуьчһу^н</i>	«рвать, тошнить»
<i>эчихы^н</i>	<i>ахъайу^н</i>	«открывать»
<i>эчIигъаьу^н</i>	<i>ичIиру^н</i>	«высыпать»

3) Третью группу составляют слова, звучащие одинаково в говоре и литературном языке, но имеющие разные значения, т.е. лексико-семантические диалектизмы:

Слово	В говоре	В лит. яз.
<i>зилийар</i>	«земля для посадки риса»	«пиявки»
<i>йемши</i>	«дыня»	«фрукт»
<i>йикъ</i>	«талиа»	«умри»
<i>кхерематн</i>	«диво»	«правда, истина»
<i>кхсымир</i>	«не дави»	«не спи»
<i>къаралтху</i>	«приправа к пло-ву»	«тень»; «силуэт»
<i>къевер</i>	«земляные груши»	«бутень кавказский (Chaerophyllum caucasicum)»
<i>пхала^н</i>	«тряпка, детская пеленка»	«вьючное седло»
<i>рухул</i>	«название земли»	«квасцы»
<i>тхула</i>	«маленькая собачка»	«лягавая собака»
<i>ту^н</i>	«место для кувшинов»	«неровность, небольшая горка»
<i>тлши</i>	«нос»	«морда»
<i>хенекн</i>	«обжора»	«нездоровый, больной»
<i>цланхар</i>	«отруби»	«конский навоз»
<i>чхайгъу^н</i>	«обряд по вызыванию дождя»	«вьюга»

4) Четвертая группа – это слова отсутствующие в литературном языке, составляющие диалектное своеобразие курушской лексики, за счет которых может обогащаться и пополняться словарный состав литературного языка:

<i>ахтарма</i>	«название молочного продукта»
<i>буйу^нбах</i>	«нагрудное украшение»
<i>верхи кул</i>	«веник из прутьев»
<i>вилирга^н</i>	«голубой»
<i>гве^ндези рад</i>	«прямая кишка»

<i>гъавшей</i>	«вид паласа»
<i>дийесегъа^н</i>	«свинка» (мед.)
<i>дыбара</i>	«ягненок-самец»
<i>каштийар</i>	«подвижные ребята»
<i>кенкхе^нз кул</i>	«вид веника»
<i>ку^нзар</i>	«вид хлеба»
<i>къапхылых</i>	«плетеная занавеска у входа в палатку»
<i>къарнийар</i>	«суставы фаланг»
<i>къата фы</i>	«хлеб из дрожжевого теста, испеченный в тендире»
<i>къецихы мых</i>	«ячмень с шелухой»
<i>къуйукъ</i>	«большая игла»
<i>къваркъвар</i>	«тряпки»
<i>къери мых</i>	«ячмень без шелухи»
<i>къетица</i>	«шелковый головной платок небольшого размера»
<i>къилига^н</i>	«глиняный горшок»
<i>клерклетар</i>	«штанина»
<i>кгуркайар</i>	«мелкие камешки (отходы), которыми заполняют пустоты между уложенными на стене камнями»
<i>лабада</i>	«безрукавка»
<i>лобзу^н шал</i>	«переливающийся шелковый платок»
<i>лухъ</i>	«жидкая грязь»
<i>маскав ра^нг</i>	«розовый (цвет)»
<i>ми^ндар</i>	«подушка для сиденья»
<i>нетива^н</i>	«лентяй»
<i>пахутар</i>	«солдатские сапоги»
<i>пертицры^н</i>	«хинкал в виде ракушек»
<i>хы^нкТал</i>	
<i>пихъ</i>	«название горной травы»
<i>пхтрах</i>	«соцветие лопуха»
<i>пхыцлы</i>	«вид паласа, которым закрывают тендыр, затем под ним греют ноги»
<i>плацI</i>	«тонкий шелковый платок»
<i>саблагъа</i>	«горшок с двумя ручками»
<i>сакхыл</i>	«белоножка» (о лошади)
<i>сармызар</i>	«женская обувь без задников»

<i>си^hтараиш</i>	«маленькая коса»
<i>стул</i>	«пшеница молочно-восковой спелости»
<i>тһайар цӀил</i>	«длинная веревка»
<i>тарагу^h</i>	«стеганные мужские брюки»
<i>таркһалар</i>	«шпалера на виноградниках»
<i>тешенаг</i>	«воспаление матки»
<i>тилкһа</i>	«безрукавка»
<i>туьре^hчӀ</i>	«жеребенок-младенец»
<i>тымтӀас</i>	«медная кружка»
<i>тыракъ</i>	«коричневый (цвет)»
<i>тӀас</i>	«медная пиала на ножках»
<i>тӀиши^h шар-</i>	«хрящи в носу»
<i>фар</i>	
<i>тӀыкӀ</i>	«пятно на лбу (овцы)»
<i>уьгуьтһар</i>	«нравоучения»
<i>уьргоь</i>	«некастрированный конь»
<i>хверекһ</i>	«окошко, куда ставят квашню с хлебом»
<i>ци^hг</i>	«миска»
<i>цыхь</i>	«рассол для брынзы»
<i>цӀарцӀар</i>	«съедобная трава»
<i>чһехкьве</i>	«пошли»
<i>чһиглема</i>	«лаваш для приготовления лапши»
<i>чил</i>	«кушанье из сыра с добавлением муки при варке»
<i>чӀури</i>	«самые крайние два ряда узлов на конце ковра»
<i>чӀуьз</i>	«соленый творог»
<i>шергӀи^h</i>	«место проведения шариатского суда»
<i>эркһива^h</i>	«изнеженный, избалованный (ребенок)»

Как показывает приведенный выше материал, в курушском говоре, помимо слов, зафиксированных только в нем, встречаются и варианты слов литературного языка, которые претерпели фонетические, семантические и другие изменения. Следует отметить, что слова, которые не имеют эквивалентов в литературном языке, являются одним из богатых источников пополнения и обогащения ли-

тературного языка. Однако к такой лексике надо относиться с осторожностью и не все диалектизмы надо вводить в литературный язык. Литературный язык надо оберегать, защищать от засорения диалектизмами, о чем предупреждает акад. С.П. Обнорский, который пишет, что «наш литературный язык не скудеет и не обедняется, а, напротив, окрепнет и вырастет в более строгих и высоких формах, если мы с большой разборчивостью как в письменной, так и в живой речи будем относиться к использованию не только диалектных элементов, но и иных не чисто литературных пластов, каковы элементы профессионального языка, просторечие, да и известные элементы живой разговорной речи. Этим будет достигнута большая высота нашего литературного языка, о которой так же надо заботиться, как об его чистоте и правильности» [Обнорский: 1948: 31].

В словарном составе курушского говора наблюдается большое количество различных терминов, связанных с животноводством, названиями растений, терминов родства, продуктов питания, названиями одежды и т.д.

Следует отметить, что многие лексико-тематические группы, отражающие не только этнографическую физиономию жителей Куруша, но и лексические, фонетические и морфологические особенности их речи, до настоящего времени не подверглись специальному исследованию. Поэтому считаем необходимым остановиться хотя бы на некоторых основных группах отраслевой лексики, которая со временем может оказаться навсегда утраченной и невозполнимой в связи с уходом из жизни представителей старшего поколения.

1. Названия животных

Как было отмечено выше, доминирующей отраслью хозяйственной деятельности курушцев, как и всех других народностей Дагестана, является животноводство. Слова этой лексико-семантической группы в курушском говоре

в большинстве своем исконного происхождения и, бесспорно, входят в основной словарный фонд лезгинского языка. Многие из них восходят к общедагестанскому хронологическому уровню.

Выходец из селения куруш З.Д. Баглиев в своей монографии о Куруше и курущах пишет, что «преобладающим видом животноводства было овцеводство. Разведение крупного рогатого скота занимало второе место. Большое значение в хозяйстве курушцев имели лошади. Их использовали прежде всего для перевозки вьючных грузов, редко для верховой езды. В 1886 году в Куруше было лошадей – 1767, крупного рогатого скота – 2189, овец и коз – 71451 головы». В среднем на каждого жителя села приходилось, а их было 4750 человек, по 132 овцы» [Баглиев 2005: 72, 74, 77].

1.1. Названия домашних животных

Понятие «животное (домашнее или дикое)» в говоре передается заимствованным из арабского языка термином *хлайва*^h (лит. *гъайва*^h).

Для передачи понятия «мелкий рогатый скот» (МРС) в говоре употребляются специальные названия *хпер*, *лапагар*, которые образованы от самостоятельных слов *хеб* «овца», *лапаг* «баран, овца, козел, коза (в совокупности)» присоединением к ним аффиксов множественности *-ар*, *-ер*.

Крупный рогатый скот (КРС) обозначается термином *мал* «скотина» > *мал-ар*, усвоенным, по мнению А.А. Селимова, из тюркских языков [Селимов 2001: 311].

Самостоятельные названия *суьруь*, *нехир*, заимствованные из азербайджанского языка [Селимов 2001: 352, 409], передают понятия «отара», «стадо» соответственно, а персизм *рамаг* – «табун».

В говоре обнаруживаются дифференцированные названия для пастухов: *чъыба*^h (лит. *чхуба*^h) «чабан», *серкер* «старший чабан», *нехирхъа*^h (лит. *нехирба*^h) «пастух КРС»,

хпехъа^h «овцевод», *данарба*^h «пастух телят», *келерба*^h (лит. *келерба*^h) «пастух ягнят», *рамагба*^h «табунщик».

Среди животноводческой терминологии в курушском говоре имеет место градация животных по следующим признакам:

а) по полу и возрасту:

хеб «овца» - *гъер* «баран», *цегъ* «коза» - *къу*^h «козел», *кал* «корова» - *джы*^h*га* «бычок», *хвар* «кобыла» - *палка*^h «конь, лошадь», *къа*^h*джых* «ослица» - *лем* «осел», *карпа* «ягненок с момента рождения», *дыбара* «ягненок-самец 5-6 месяцев», *шекх* «ярка», *бацц* «козленок», *гъецц* «козленок до года», *дана* «теленек», *дуьгве* «телка», *куру* «жеребенок-младенец», *туьре*^h*чц* «жеребенок», *тай* «жеребец», *къула*^h «молодая нежеребившаяся кобыла», *къар* «барашек до года», *гамыш* «буйвол», *хоьтлех* «буйволенок», *къудух* // *спа* // *шуркц*^h*тц* «осленок», *къатхыр* «лошак», *вакх* «свинья», *ццурнуьгъ* «поросенок», *пхси* «кошка», *пхсиз шараг* «котенок»;

б) по масти:

къымрал «овца коричневой масти», *чцил* «овца белой масти», *пеле тцыкц авааз* «овца со звездочкой на лбу», *мили кал* «полосатая корова», *эбреш* «лошадь с белой отметиной на лбу», *гуьг* «серый (о масти лошади)», *кхийар* «гнедой», *сакхыл* «белоножка (о лошади)», *алабаиш* «собака с белой головой»; *ругъвацц* «животное бурой масти», *къарабаиш* «собака с черной головой»;

в) по форме рогов и ушей и хвоста:

кхабаиш «безрогое животное», *кхели*^h «овца с рогами», *кхуьре* «овца со средними ушами», *кхере* «овца с маленькими ушами», *тымакь* «безхвостое животное»;

г) по поведению, нраву и состоянию:

быгъаз хвар «жеребая кобыла», *хамы палка*^h «необъезженная лошадь», *ахта палка*^h «кастрированный конь», *тхуь*^h*т палка*^h «резвый конь», *йава хлайва*^h «блуждающее животное», *къыл баиш*^h*заази* «животное, уходящее из стада», *чцыры кал* «яловая корова», *ахта авунваа йацц*

«кастрированный бык», *кхуькх хлайва* «упитанное животное», *ургоь* «некастрированный конь»;

д) номенклатура конской сбруи:

пхырар «седло для лошади», *кьалтпах* «ленчик», *уьзе* «стремя», *кьаш* «лука», *йегьерчна* «коврик (служащий накидкой для седла)», *зарпа* «недоуздок», *жылавар* «вожжи», *алух* «седло (мягкое, как толстая попона, а также седло для осла); *кьенерар* «уздечка», *кьушкьу* «подхвостник», *ракьар* «удила», *кьырмадж* // *кьамчхи* «кнут; плеть, плетка», *кашу* «хозяйственная веревка (сплетенная из шерстяных ниток)», *кьегь* «крючок на конце веревки»;

е) помещения, постройки, пастбища:

цур «хлев», *кьушкь* «телятник», *демекх* «конура для собаки и ягнят», *тневле* «конюшня», *михцх* «сарай для хранения сена», *тлы* «кормушка (в хлеву)», *бере* «проход (из камня, через который пропускаются овцы для подсчета)», *йайлах* «летнее пастбище», *кьишлах* «зимнее пастбище»;

ж) названия болезней:

дабакь «ящур», *кьыздырма* «малярия», *бырцылыз* «бруцеллез», *каччал* «парша», *тхуьлекх хьы* «выпадение волос», *быгьма* «дифтерит», *кикер алатхы* «отпадение копыт».

з) названия частей тела и мясной туши:

кхарчх «рог», *йаб* «ухо», *регьуь* «вымя», *тлши* «морда», *йатхур* «ляжка», *тым* «хвост», *тлши* «морда», *клараб* «кость», *ичхалатхар* «требуха»;

и) названия молочных продуктов:

некх «молоко», *мастх* «простокваша», *мегь* «пресная простокваша», *чюьгь* «сыворожка, в которой хранится сыр», *суьзме* «процеженное кислое молоко», *цыхь* «жидкость (выделяющаяся после процеживания кислого молока)», *ахтарма* «смесь из обычной и пресной простокваши», *члюьз* «соленый творог», *нисси* «сыр», *чил* «молочный продукт из сыра с добавлением муки при варке», *доьдгьвер* «сливочное масло», *тугь* «пахта», *чем* «масло», *былама* «молозиво»;

й) названия, связанные с собакой:

кхицI «собака», *кхачх* «сука», *кхьырцIыл* «щенок», *хпe* «кхицI «волкодав» (букв. «овцы собака»), *кIвели* «кхицI «дворняжка», *петка* «маленькая собачка», *тхартна* «собака большого размера», *тхула* «собака (небольшого размера с неотрезанными ушами), *кьамба* «собака с большой головой», *гоьдекх* «собака без хвоста».

В названиях домашних животных привлекает внимание тот факт, что в курушском говоре для передачи понятия «кошка» используется исконное название *пси*, которое в литературном языке и других диалектах лезгинского языка является словом-подзвонком кошки. Из лезгинских диалектов данное название зафиксировано нами в джабинском диалекте лезгинского языка, что лишний раз подтверждает правильность высказанного нами раньше предположения о том, что вначале лексема *пси* выражала понятие «кошка», а впоследствии этот термин стал вытесняться заимствованным словом *кацх* в литературном языке и других диалектах и сохранился там только в подзвоне и в детской речи [Ганиева 2004: 73]. Как отмечено в специальной литературе, название кошки многими иберийско-кавказскими, семитскими, угро-финскими языками заимствовано из индо-европейских языков [СИЛДЯ 1971: 53].

1.2. Названия диких животных

Названия диких животных в количественном отношении уступают названиям домашних животных. В отличие от названий домашних животных, которые имеют два или несколько дифференцированных названий, дикие животные ограничиваются одним или двумя наименованиями. Как отмечает А.М. Щербак, «разнообразие, богатство или бедность лексики в пределах каждого конкретного вида животных предопределено его хозяйственной ценностью или той ролью, которую оно играло в религиозных представлениях народа» [Щербак 1961: 156-157].

Для обозначения понятия «дикое животное» в говоре используется составное название *ваьхлиши хлайва^н*, оба компонента которого представляют собой слова арабского происхождения.

Следует констатировать тот факт, что в большинстве своем названия диких животных в курушском говоре являются заимствованными, когда как названия домашних животных, в основном, являются исконными. Обратимся к примерам: тюрк. *асла^н* [Щербак 1961: 137; Селимов 2001: 56] «лев», перс. *джанавыр* [Селимов 2001: 179] «волк», тюрк. *джейра^н* [Хайдаков 1973: 11; Селимов 2001: 182] «газель», тюрк. *кьаба^н* [Селимов 2001: 248] «кабан», араб. *маймы^н* [Забитов, Эфендиев 2001: 81; Селимов 2001: 310] «обезьяна», тюрк. *марал* [Селимов 2001: 315] «лань; марал», перс. *перле^г* «тигр», араб. *фил* [Забитов, Эфендиев 2001: 128; Селимов 2001: 264] «слон», перс. *чакьал* [Селимов 2001: 493].

Среди наименований диких животных встречаются также названия исконного происхождения: *сев* «лиса», срв. карат. *син*, тинд. *син*, чамал. *сегьин*, багул. *син*, ботл. *си^н*, годоб. *сигьы^н*, анд. *сейи*, бежт. *си*, цез. *зей*, хварш. *зе^н*, гинух. *зе*, гунз. *сы*, дарг. *син-ка*, табас. *швеь*, рутул. *си*, цахур. *с'о*, хинал. *пъсы*, крыз. *сар*, будух. *сор*, удин. *шув* [СИЛДЯ 1971: 155]; *севре пьыта* «медвежонок»; *сик^л* «лиса», срв. авар. *цер*, ахвах. *шари*, карат. *саре*, тинд. *сари*, чамал. *саа* < * *сари*, багул. *сар*, ботл. *сари*, годоб. *сари*, анд. *сор*, бежт. *сара*, цез. *зиру*, хварш. *зор*, гинух. *зеру*, гунз. *сы* < * *сыр*, лак. *цул-ча*, арчин. *сол*, табас. *сул*, агул. *сул*, рут. *сик^л*, цахур. *сивал*, хинал. *пъишлаь*, крыз. *сакул*, будух. *сакхул*, удин. *шул* [СИЛДЯ 1971: 154]; *дагъзы^н* (тюрк.) *цегь* «дикая коза», срв. авар. *ццле*, ахвах. *ццин*, арчин. *цлей*, анд. *цццлийа*, цез. *ццекли* [Загиров 1981: 21]; *дагъзы^н* (тюрк.) *йац* «тур», срв. дарг. (акуш., урах., сирг., цуд.) *унц*, кайт. *уц*, кубачин. *ус*, лак. *ниц*, авар. *оц*, рутул. *яц*, табас. *иц*, арчин. *анс* [Мусаев 1978: 79]; *мирз* «олень»;

кьир «заяц»; *кьире^н шанла* «зайчонок», «медвежонок»; *ццыцыл* «куница», *цымыл кьиф* «крыса», *кьиф* «мышь».

1.3. Названия домашних и диких птиц

Основное ядро данной группы составляют слова, относящиеся к раннему и устойчивому пласту лексического состава языка, среди которых немало слов, относящихся к трем хронологическим уровням: общедагестанские, общелезгинские и собственно лезгинские. В структурном отношении они также неоднородны и делятся на простые (непроизводные, производные и сложно-составные).

К простым (непроизводным) названиям относятся: *нуц^л* «птица». «воробей», *тлыс* «клюв», *верч^л* «курица», *лиф* «голубь», *тлыб* «сова», *кьвед* «куропатка», *члагь* «галка», *кек^н* «петух», *пехь* «ворона», *лекь* «орел».

К производным можно отнести названия: *кукуп^л* «ку-кушка», *ццццлиб* «цыпленок», *чьыпарук^л*, *серч^е* // *сигьирч^а* «скворец», *лип^ллип^л* «ястреб».

К сложно-составным относятся: *хпе^н нуц^л* «белая трясогузка» (букв. «овцы птица»), *зуюмруьд кьуш* «павлин» (букв. «изумрудная птица»), *кьвед* // *чхуьлзи^н верч* «куропатка» (букв. «полевая курица»), *клек^е* «дятел», *бат^лбат^л* «утка», *члылав нуц^л* «синица», *кхурт^н верч* «наседка», *кхерекхуьл* «сорока», *тхуртур* «перепел».

В названиях птиц, наряду с собственно лезгинскими встречаются термины, восходящие к общедагестанскому хронологическому уровню и подробно рассмотренные в специальной литературе [СИЛДЯ 1971: 151, 154; Хайдаков 1973: 15-16; Мусаев 1978: 80-81; Загиров 1981: 20].

В курушском говоре зафиксирован целый ряд орнитонимов, заимствованных из неродственных языков: тюрк. *кьаргьа* «ворона», тюрк. *кьузгьы^н* «стервятник», перс. *члагь* «галка», тюрк. *дурна* «журавль», тюрк. *кьаз* «гусь», тюрк. *уьрдег*, араб. *билбил* «соловей», тюрк. *байкьуш* «сова», араб. *ничхир* «птица», тюрк. *чалагьа^н* «коршун», тюрк. *лачы^н* «сокол».

В некоторых случаях для передачи одного понятия параллельно с исконными названиями используются и заимствованные основы или же основы одного происхождения: *къвед* // *чхуьлзи* «верч» «куропатка», *серче* // *сигьирча* «скворец», *къаргъа* // *члагъ* «галка», *лекъ* // *къузгъун* «орел-стервятник», *сахсагъа* // *кхерекхул* «сорока», *кард* // *тхарла* // *лачхын* «сокол», *батIбатI* // *уьрдег* «утка».

С орнитонимами в исследуемом говоре наблюдается немало сравнений, проклятий, и устойчивых выражений и поговорок: *Хкъымир, ам са цыцуб хъти* «айал йа» «Не трогай, он маленький, как цыпленок, ребенок»; *Ча* «зы нуцI» «Милый мой воробышек»; *Са лиф хъти* «и са» «Спокойный, степенный человек» (букв. «как голубь человек»); *катра* «уьлер» «красивые глаза» (букв. «соколиные глаза»); *Къаргъаз хабар гаваз атана* «Пришла с печальной вестью» (букв. «Пришла с вороньей новостью»); *Ви кIвелел члагъ ауцкьрый* «Чтоб в твой дом пришла беда» (букв. «Пусть на твой дом сядет галка»); *Ам кака галаа верчх хъти ава* «Ему не терпится» (букв. «Он в состоянии курицы, которая хочет снести яйцо»); *А да заг кака рухуз гугуза* «Он стоит над моей душой» (букв. «Он заставляет меня снести яйцо»); *Кешу* «вечхрез ахварагъ чукI акваза» «Голодной курице во сне снится просо»; *Луварар къери къушравагъ пара вахты* «за цава лув гуз жезаш» «Птица со слабыми (букв. «с редкими») крыльями долго летать не может»; *Хъитлу* «тхаьгIди аку» «таур билбилыз гаты» «къадир чир жезаш» «Соловей, не испытывавший трудности зимы, не оценит и лета».

1.4. Названия насекомых, пресмыкающихся, рыб и т.д.

Ары «пчела», *чIыры ары* «оса», *балыгъ* «рыба», *бугъу-бугъу* «овод», *гене* «клещ», *гъуьлабгъ* «змея», *зели* «пиявка», *картышказ пене* «колорадский жук», *кавчхайар* «головастики», *кхвакх* «червь», *къепечул* «уховертка», *къиб* «лягушка», *КIвацI* «куколка червя в мясе», *кIузри* «мелкая

рыба», *лув пене* «божья коровка», *мерчхекх* «комар», *некъези* «шар» «дождевой червь», *нетх* «вошь», *палка* «зтIомI» «овод», *пене* «жук», *пIоркI* «червь», *тIомI* «муха», *хуьрлукI* «ящерица», *цовз* «муравей», *цIутх* «гнида», *цIуцI* «кузнечик, саранча», *чепелькъ* «бабочка», *чIутх* «блоха», *шатI* «клоп», *магъма* «шах» «паук», *каркайар* «паутины», *шкъи* «тх» «улитка», *къиф* «мышь».

2. Земледелие и названия растений

Термины флоры курушского говора, так же как и другие области отраслевой лексики, специально никем не исследовались. А между тем «широка и многообразна роль растительного мира у лезгин. С давних пор лезгины используют в хозяйстве, пище, народной медицине и др. разнообразные дикорастущие и культурные растения [Мейланова, Ганиева 1989: 5].

В исследуемом говоре также представлены названия как дикорастущих, так и культурных растений, которые играют немаловажную роль в жизни курушцев.

«Лезгинский язык богат и названиями хлебных растений. Почти все основные виды хлебных злаков имеют местные названия и являются древними культурами [Ганиева 2004: 114]. Земледелие, как и животноводство, служило одной из ведущих отраслей хозяйственной деятельности курушцев. Как отмечают археологи, «пашенное земледелие в Дагестане возникло в III тысячелетии до н.э., о чем свидетельствуют обнаруженные на Каякентском поселении отпечатки чешуек твердой пшеницы, а на Мекегинском - зерен голозерного ячменя. Но наиболее ценные и интересные находки злаков выявлены в Гильярском поселении (на территории лезгин), где в раздавленном сосуде обнаружены обуглившиеся зерна твердой и мягкой пшеницы, голозерного и пленчатого ячменя и даже льна [История Дагестана 1967: 46]. Найденные во многих частях Дагестана каменные зернотерки, песты, кремневые вкладыши серпов, каменные мотыги, отпечатки зерен на об-

ложках керамики, относящиеся к первой половине II тысячелетия до н.э., а также остатки так называемой каякентско-хорочоевской культуры, датируемой началом первого тысячелетия до н.э., свидетельствуют о древности земледельческо-скотоводческого типа хозяйства народов Дагестана, в том числе и лезгин [Котович 1961 а: 282; Котович 1961 б: 107; Пикуль 1961: 158].

2.1. Названия земли и почвы

Понятие «земля» в курушском говоре передается двумя исконными названиями *чил* и *ноькъ*, генетически родственные основы которых сохранились и в других дагестанских языках, срв. лезг. *чил*, цез. *чледо*, хварш. *члида*, цахур. *члийе*, хинал. *инччи*; лезг. *наькъв*, куруш.г. *ноькъ*, авар. *ракъь*, гинух. *ракъ*, гунз. *ракъь*, арчин. *наькъв*, табас. *наькъв* «могила», агул. *наькъв*, рутул. *наькъв*, цахур. *наькъв*, криз. *къум*, будух. *йонокъ* [СИЛДЯ 1971: 186].

Термин *чил* является полисемантическим и обозначает еще: 1) «земля»; *цанваа чил* «обработанная земля» 2) «суша»; *вацъы" патагываа чилер* «земли, находящиеся у реки» 3) «пол (земляной)»; *Чилел ацъукъмир, стулзал ацъукъ* «На пол не садись, садись на стул» 4) «родина, родная земля»; *Жыва" хайи чил багъа йа заз* «Мне дорога родная земля».

Значение «родина» передается также и названием *ноькъ*: *Зын кьейла, жыван ноькъоьзал х(ы)тах* «Когда я умру, повезите меня на родину».

Название *ноькъ* обозначает еще «верхний плодородный слой земли»; *къым къываа ноькъ* «песчаная почва» (букв. «песок находящаяся почва»), *чъылав ноькъ* «чернозем», *лацы ноькъ* «белая почва», *йары ноькъ* «краснозем», *чеб хъти" ноькъ* «глинистая почва».

Для выражения понятия «земля» в курушском говоре употребляются и малоупотребительные названия *тхурпагъ* и *рухул*.

Все земельные угодья делятся на несколько видов: *никер* «поля», *чъырар* «пашни», *чхуьллер* «поля», *багълар* «сады», *векъер* «сенокосные участки», *тамар* «леса», *стух, стухар* «сотки», *салар* «огороды», *чъыры чил // цын теъызваа чил // «целинная земля», къени чил* «обработанная земля»;

Полевые участки имеют различные названия, характеризующие их с различных сторон:

а) названия полей, образованные от наименований тех культур, которыми засеяны поля: *къыли" никъ* «пшеничное поле», *мыха" никъ* «поле, засеянное ячменем», *сили" никъ* «ржаное поле», *чъуькълъьн никъ* «поле, засеянное просом», *велемирзи никъ* «поле, засеянное овсом».

Поле, засеваемое рисом, называется *зилийар*. В литературном языке и других диалектах лезгинского языка название *зилийар* выражает совсем иное понятие – «пиявки».

б) Названия полей, данные им по имени их владельца: *Пхартъамаз никъ* «поле Партама», *Бегимагъаз никъ* «поле Бегимаги», *Шалава" никъ* «поле Шалава», *Хлаьджимырада" никъ* «поле Гаджимурада», *Шевкетъан никъ* «поле Шевкета»;

в) названия полей, связанные с мерой засеваемой культуры: *са пъытыны" никъ* «поле, засеваемое одним пудом зерна», *къве пытыны" никъ* «поле, засеваемое двумя пудами зерна», *вад пъытыны" никъ* «поле, засеваемое пятью пудами зерна» и т.д.

Земля требовала постоянного ухода и работы: ее пахут (*ца" цы" «пахать»*), удобряют (*рихъ* «зола», *фитер* < *фид* «навоз», *те"къер* «птичий помет» *гы" «дать»*), пропалывают (*эчлелар гьеъин*), *палка"зы" пъыцар* «конский навоз».

Специальным термином обозначается борозда (*цутлар*) из камней, служащей межей (границей) на полевых участках.

2.2. Наименования сельскохозяйственных орудий

Как отмечает Н.И. Вавилов, «в процессе вековой практики горцы создали не только сорта важнейших культурных растений, но и большое количество оригинальных земледельческих орудий, многие из которых до сих пор находят широкое применение, особенно в горах [Вавилов 1936: 83-84].

Для обработки земли курушцы, как и другие народы Дагестана, использовали различные орудия труда.

Самыми древними орудиями обработки земли являлись соха – *тһураз* (лит. *тһуьрез*) и плуг – *кватан* (лит. *куьте*”).

Название плуга носит общекавказский характер: груз., мегр. *гутани*, сван. *гутан*, абх. *а-ккватана* // *а-кватан*, абаз. *кватан* // *а-кватан*, каб. *куэтэниэрхъ*, бацб. *гутан*, инг., чеч. *гуота*, авар., лак., дарг., табас., арчин., будух. *кутан*, лезг. *куьтен*, удин. *коьтаьн*, хиналуг. *готан*, цез. гунз. *гутан*, бежг. *готани* // *гутани*, осет. *гутан* // *готан*, балк. *гатан* // *готан*, азерб. *котан*, кумык. *гутан*.

Там, где невозможно было пользоваться сохой и плугом, пользовались лопатой. Для обозначения понятия «лопата» используются два разных по происхождению термина – *пер* и *лапатка*. Первое простое исконное название *пер* употребляется для обозначения лопаты местного изготовления. Второе название – *лапатка* заимствовано из русского языка.

При пахоте на шею быков надевают ярмо, которое именуется *йуькһ* (лит. *вик*). Подушка на ярме называется *хивелар* (лит. *хевелаг*) < *хев* «воротник».

После завершения пахоты работа по обработке почвы продолжалась и другими орудиями труда: *гьар* (лит. *гьар*) «борона», *каца* (лит. *каца*) «кирка», *клаш* (лит. *клаш*) «деревянный молот», *чиригьил* (лит. *цурьуьгьуьл*) «грабли», *кьуькһ* (лит. *кьуькһ*) «вилы».

2.3. Названия зерновых культур

Человек, занимающийся выращиванием зерновых культур и обработкой земли, именуется *лежбер*. По свидетельству А.А. Селимова, данное название персидского происхождения [Селимов 2001: 300]. От термина *лежбер* посредством исконного деривационного суффикса образуется производное название *лежбервал* «крестьянство, земледельчество, хлебопашество».

В значении «зерно», «хлеб» (в зерне) употребляется термин *тахыл* (лит. *техил*) арабского происхождения.

Название *махӀсул* (лит. *магьсул*) «колосовые культуры» арабского происхождения, от которого посредством словообразовательного суффикса *-дар*, заимствованного из персидского языка, образуется производное слово *махӀсулдарвал* 1) «хлебопашество» 2) «зерноводство».

Из зерновых культур курушцам знакомы: *кьыл* (лит. *кьуьл*) «пшеница», *мых* «ячмень», *сил* «рожь», *нех* «полба», *клах* «темный горох», *чӀуькӀ* «просо», *ви*» «семя конопля», *велемир* «овес» (лит. *гергер*), *харар* «горох». Приведенные названия исконного происхождения [см. СИЛДЯ 1971: 111, 167; Хайдаков 1973: 60, 62; Талибов 1980: 279].

В говоре обнаруживаются еще два исконных составных названия для обозначения разновидностей ячменя: *кьеци мых* «ячмень с шелухой», *кьери мых* «голозерный ячмень».

Для обозначения других зерновых культур в говоре употребляются заимствованные названия: тюрк. *дьюгь* «рис», перс. *канаб* «конопля», перс. *тухум* «семя», перс. *хырда* «сечка», араб.-перс. *хӀаьджибугьда* «кукуруза» (букв. «хаджская пшеница»), тюрк. *чалтык* «неочищенный от шелухи рис» [см. Селимов 2001: 126, 172, 226, 494].

Различные стадии развития зерновых культур (например, пшеницы) имеют разные названия: *стул* «зерно молочно-восковой спелости», *кьыл* «колос (спелый)», *твар*

«зернышко», *гергер* (лит. *гергер* «овес») «ость (усики на колосе)», *къили* «къабыхар» «шелуха на пшенице».

2.4. Названия, связанные с уборкой зерновых культур, молотью и мельницей:

ге «жатва», *йыг* «молотья», *ратI* «ток, гумно», *рыгы* «молотильная доска», *йаба* «вилы», *хъусу* «деревянная лопата», *самар* «жнивье, стерня», *самын къал* «стебель», *нагъв* «полова», *цЮьцI* «мякина», *чуъл* «сноп», *чи* // *ма* «гал» «серп», *регъв* «мельница», *регъуь* «чархар» // *регъуь* «къванар» «жернова мельницы», *члухар* «желоб», *регъуь* «тЫ» «бункер», *кIаркIар* «коник», *регъуь* «цыгынар» «мука, собирающаяся за жерновами», *цIанхар* «отруби», *бе* «запруда».

3. Названия культурных растений

Флора во всех языках отражает разные стороны окружающей их носителей действительности. По утверждению В.И. Абаева, «элементы языка отражают элементы объективной действительности..., мир языка есть не что иное, как своеобразная переработка в общественном сознании мира реалий» [Абаев 1968: 35].

Известно, что Куруш является самым высокогорным населенным пунктом в Европе, поэтому суровые климатические условия, долгая снежная зима не благоприятствовали разведению овощей и фруктов. Единственной культурой, которую разводили курушцы – это был картофель.

Выращиванием плодово-овощных культур курушцы стали заниматься после переселения на плоскость – в Хасавюртовский район в 1951 году.

В пищу курушцы, как и другие народы Дагестана, широко употребляют также различные травы, среди которых встречаются и лекарственные: тмин, чабрец, мята, одуванчик, мята, мать-и-мачеха и др.

Способы образования и происхождения названий растений различны. Здесь обнаруживаются простые (непроизводные), производные и сложно-составные названия, среди которых помимо слов исконного происхождения, прослеживаются и заимствованные из других языков.

3.1. Названия дендронимов (деревьев)

Понятие «дерево» в курушском говоре передается простым названием *тар* (лит. *тар*).

В говоре представлены различные названия фруктовых, неплодоносящих деревьев и кустарников.

Многие названия дендронимов образуются сочетанием названий вида дерева в полной или усеченной форме генитива с общим названием дерева *тар*: *пIалыды тар* (лит. *мегъуьн тар*) «дуб», *гъгемз тар* (лит. *гийи тар*) «осина», *ичIи тар* (лит. *ичIи тар*) «яблоня», *кIеребичIз тар* (лит. *кIерецIди тар*) «орешник», *багIлиз тар* (лит. *пIинид тар*) «вишневое дерево» и т.д.

Интерес представляет название ивы – *шезаа тар* (букв. «плачущее дерево»), которое является калькой, соответствующей русскому названию «плакучая ива». Наряду с этим составным названием в говоре употребляется и составное исконное название для обозначения ивы – *чЮьлуь тар* (лит. *цIвели тар*).

Названия неплодоносящих деревьев *акаци* (лит. *акация*) «акация», *къарагъадж* (лит. *къарагъаж*) «карагач, вяз», *шамагъадж* (лит. *шамагъаж*) «сосна» являются заимствованными – первое из русского языка, а две вторые – из азербайджанского языка [Селимов 2001: 261, 513], причем, тюркские названия в самом языке-источнике являются сложными и заимствованы в готовом виде. Неизвестного происхождения является название одной из разновидностей сосны – *эбришим*.

Различны наименования корней деревьев. Корень дерева именуется *тIугъал* (лит. *дуул*). Для наименования тонких корешков используется производный термин

члырых, образованный от прилагательного *члыры* «плохой» > *члыр* и словообразовательного суффикса *-ых*.

Простые исконные названия *тлыр* и *хел* передают понятия «почка» и «ветка» соответственно.

3.2. Названия кустарников и ягод

Как мы заметили, названия фруктовых деревьев в говоре являются составными. Однако названия кустарников в большинстве случаев являются простыми.

Для передачи понятия «кустарник» в курушском говоре используется простой термин *кул*, заимствованный из азербайджанского языка, срв. азерб. *кол* [Селимов 2001: 241]. Слово многозначное: 1) «кустарник» 2) «рой (пчел)» 3) «ливень» [Талибов, Гаджиев 1966: 165].

В значении «барбарис» – *моьртһ* (лит. мерт), «шиповник» – *тука* (лит. *жикли*), «ежевика» – *мара* (лит. *мере*), «ягода боярышника» – *ини* (лит. *ини*) используются простые названия.

В исследуемом говоре, как и в остальных диалектных единицах лезгинского языка, понятие «виноград» передается двумя разными по происхождению наименованиями *уьзуьм* и *цһитицӀ*. Первое название тюркского происхождения [Севортян 1974: 625], а второе – исконного происхождения, о чем свидетельствуют генетически родственные основы, представленные в большинстве дагестанских языков, где общекорневыми выступают *тI* и *цI*: авар. *цӀибил*, карат. *цӀибил*, дарг. *тӀумтӀи*, лак. *тӀумтӀи*, агул. *тӀлибит* (бурк.) < * *тӀливитI* (тпиг.), табас. *тӀумумтI* < * *тӀлубумтI*, рутул. *тӀымыл*, цахур. *тымыл*, арчин. *тӀумул*, удин. *ттул* [СИЛДЯ 1971: 161].

Наименование *кӀибриши*, возможно производное и зафиксированное еще в ахтынском и джабинском диалектах самурского наречия, используется в значении «смородина». Эта основа с некоторыми фонетическими изменениями представлена в некоторых лезгинских языках: ср. рутул. *гӀаьбриши*, цахур. *гӀаьбрыши* [Бокарев 1961: 72].

Разными по происхождению являются названия земляники – *некъи* и малины – *малина*, первое из которых исконного происхождения, а второе заимствовано из русского языка.

3.3. Садовые культуры

Название сада едино для всех диалектов лезгинского языка – *багъ* и заимствовано из персидского языка.

Для обозначения понятия «фрукты» в лезгинских диалектах употребляются два самостоятельных названия иранского и тюркского происхождения – перс. *мейвайар* и тюрк. *йемишар*. В курушском же говоре для данного понятия используется наименование *майвайар* (лит. *мейвайар*). Второе название *йемиши* в говоре обозначает «дыня».

Среди различных названий видов фруктов особое место занимают яблоки (*ичһер*) и груши (*чһуьхверар*). Родственные основы представлены также и в других дагестанских языках [СИЛДЯ 1971: 162, 168].

К исконным названиям относятся также *чымал* (лит. *чумал*) «кизил», *жым* (лит. *жум*) «айва», *кӀарбу* «сорт груши», *нуьгвед ичһ* (лит. *нуьгвед ичһ*) «сорт яблок», *кһитикһ* (лит. *кһицикһ*) «мушмула», *хвад* (лит. *хватһ*) «слива», *кӀеребичһ* // *хвех* (лит. *кӀерецӀһ*) «орех», *кӀымпһ* (лит. *кӀанһ*) «сердцевина яблока».

К заимствованным относятся названия: перс. *баьгли* (лит. *пӀини*) «черешня», *лацы баьгли* «белая черешня», *чӀылав баьгли* «черная черешня», перс. *бадам* (лит. *бадам*) «миндаль», перс. *алча* (лит. *алуча*) «алыча», тюрк. *гавалы* (лит. *кӀвакӀва*) «терн», тюрк. *и"джил* (лит. *и"жил*) «инжир», перс. *тамбыл* (лит. *да"бул*) «сорт слив», перс. *нар* (лит. *анар*) «гранат», араб. *машмаш* (лит. *машмаш*) «абрикос», перс. *шамбалыкI* (лит. *шабалтһ*) «каштан», перс. *шефтели* (лит. *гугъри*) «персик», перс. *хурма* (лит. *хурма*) «хурма», перс. *фы"дыгъар* «фундук».

Названия цитрусовых в говоре и в остальных диалектных единицах лезгинского языка являются заимствован-

ными: русск. *лымы*^н (лит. *лимо*^н) «лимон», русск. *ма*^н *дари*^н (лит. *ма*^н *дари*^н) «мандарин», тюрк. *пһартһахал* (лит. *пһартһахал*) «апельсин», ср. азерб. *партагал*.

3.4. Названия огородных и бахчевых культур

В значении «огород» в курушском говоре, как и в других диалектных единицах лезгинского языка, выступает простой термин *сал*, от которого образуются другие названия: *сала*^н *майвайар* «огородные культуры», *саларба*^н «огородник», *саларба*^н *вал* «огородничество».

Следует отметить, что в исследуемом говоре заимствованные названия огородных культур представлены в преобладающем большинстве. Это свидетельствует о том, что огородничество у лезгин было развито слабо. А в Куруше огородничество стало развиваться с 1951 года.

Заимствованными в курушском говоре выступают следующие названия: русск. *баглажа*^н (лит. *баклажа*^н) «баклажан», тюрк. *истивут* (лит. *истивутһ*) «перец», русск. *балгарски истивутһ* «болгарский перец». перс. *кьевер* (лит. *кьевер*) «бутень», тюрк. *кьабах* (лит. *буран*) «тыква», перс. *кьарпыз* (лит. *хали*) «арбуз», тюрк. *йемиш* (лит. *гату*^н *хали*) «дыня». перс. *казар* (лит. *газар*) «морковь», перс. *келем* (лит. *кһелем*) «капуста», русск. *картушка* (лит. *картуф*) «картофель», тюрк. *кьабых* (лит. *кьабух*) «кора; оболочка; шелуха», араб. *итил* (лит. *итил*) «рассада», перс. *тһагь* (лит. *кье*^н) «плеть (огурца, тыквы)», тюрк. *пахла* (лит. *пһахла*) «фасоль», русск. *памадур* (лит. *памидор*) «помидор», тюрк. *чһичлаг* (лит. *чһичлех*) «лук» (бот.), перс. *серг* (лит. *серг*) «чеснок», русск. *радика* (лит. *редиска*) «редиска», тюрк. *тһурпһ* (лит. *тһурпһ*) «редька», груз. *лубуйар* (лит. *харар*) «бобы, фасоль», тюрк. *чһугьундур* (лит. *чһугьундур*) «свекла» [см. Хайдаков 1973: 58, 59; Стеблин-Каменский: 70, 74; Селимов 2001].

Исконным названием в говоре является *элһенаг* (лит. *афни*) «огурец».

3.5. Названия травянистых растений

Кроме культурных растений в жизни курушцев большую роль играли травянистые растения. Когда заканчивались запасы муки, раньше травянистые растения служили основной пищей для беднейшего слоя населения. В настоящее время травянистые растения употребляются также в качестве приправ к еде или в медицинских целях. Так, например, в голодные годы распространенным кушаньем беднейшего слоя лезгин было блюдо из трав, именуемое *чһиргьи*^н. Часто лезгины готовят и пирог из тонкого пресного теста, начиненный различными травами, который во всех диалектах лезгинского языка обозначается термином *афар*. Поэтому прав В.И. Абаев, который утверждает, что «мир языка есть не что иное, как своеобразная переработка в общественном сознании мира реалий» [Абаев 1968: 35].

Для названия «травя» в курушском говоре употребляется простой исконный термин *векь*, общий для всех диалектов лезгинского языка. В этом названии корневой *кь* является рефлексом исторического * *кьI* [СИЛДЯ 1971: 165]. В диалектах кюринского наречия в значении «съедобная трава» выступает простой исконный термин *хьач*.

В основной своей массе названия травянистых растений являются исконными, а по структуре они подразделяются на простые, сложные и составные.

К простым наименованиям относятся: *таквар* «сурепка», *моьрчһ* «астрагал», *чуьл* «вязанка», *тихь* «горная трава», *вергер* «крапива», *кьачлар* «стебли», *сурар* «черемша», *пһилер* «дикий лук», перс. *лырсар* «щавель», *гьеферар* «тмин», *кһурквачлар* «мальва», *нанейар* «мята», *чһуьдруьйар* «мята», перс. *шивитһар* «укроп», перс. *кһишнши* «кориандр», тюрк. *везери* «кресс-салат».

Производных и сложных названий мало: *пһытһрах* «соцветие лопуха», *цларцлар* «съедобная трава», тюрк. *хархар* «сферофиза солонцовая», *кьарьтI* «несъедобная трава», *кьа*^н *цукь* «съедобная трава», *эчIел* «сорняк» < *эчI-*

ин «прополка», тюрк. *деведаба* «корневище лопуха» < тюрк. *деве* «верблюд» + тюрк. *даба* «пятка», *пленегъа* «мятая и посыпанная солью крапива». Из приведенных названий лексемы *деведаба*, *лырсар*, *хархар*, *кхишини*, *шивит*, *везери* являются заимствованными.

Большое число названий травянистых растений являются составными, которые выражают различные признаки предмета: *пана* *хуквар* букв. «женские желудки», *цуклу* *пешер* «мать-и-мачеха», *дарма* *векьер* «лекарственные травы», *дамарз* *пеш* «подорожник», букв. «жилистый лист», *некез* *векъ* «одуванчик» букв. «молочная трава», *цегъре* *йапар* букв. «козлиные уши», *дедгъвер* *мичер* букв. «масляная трава», *къили* *мичер* букв. «пшеничная трава», *салма* *тхерейар* букв. «трава Салмана», *цацы* *къилер* букв. «колочки головки», *цыры* *лырсар* «щавель».

Здесь представлен еще целый ряд трудноподдающихся переводу составных названий: *некез* *пхифер*, *девез* *пхифер*, *векъи* *пхифер*, *верги* *пхифер*, *къа* *гъалзы* *къачлар*, *кели* *къачлар*, *чыны* *къачлар*, *къериг* *къачлар*.

С названиями травянистых растений связаны еще и такие понятия, как: *шала* «вязанка», *тхайа* «скирда», *маркхв* «стог сена», *кашу* «шерстяная вязаная веревка», *кхунтI* «куча сена», *чиригъил* «грабли», *маргъв* «полоса скошенной травы», *михцн* «сарай», *дергес* «коса».

4. Названия, связанные с человеком

В данном разделе работы мы рассматриваем: 1) Термины родства и свойства и 2) Названия, обозначающие специальность, род занятий человека, его социальное положение в обществе и другие качества человека.

4.1. Термины родства и свойства

В курушском говоре, как и в литературном языке и его диалектах, термины родства по происхождению, в основном, являются исконными, а по структуре они делятся на

простые, сложные и составные. Термины родства подразделяются на:

а) Термины родства по крови

К терминам, обозначающим кровное родство, относятся: «отец», «мать», «сын», «дочь», «ребенок», «близнец», «сестра», «брат», «дядя (со стороны отца)», «дядя (со стороны матери)», «бабушка», «дедушка», «внук», «внучка», «племянник», «племянница» и т.д.

В говоре в значении «родственник» употребляется исконный простой термин *мукъва*, который выражает и другие значения: 1) «ближний, близкий» 2) «родственный» 3) «скоро, через некоторое время» [Талибов, Гаджиев 1966: 243].

Для передачи понятия «семья» в говоре используется простой термин *хиза* иранского происхождения [Селимов 2001: 482].

В литературе нет единого мнения о происхождении термина *буба* «отец». В одних источниках его относят к исконным [СИЛДЯ 1971: 132], в других – пришедшим в дагестанские языки из древнеперсидского языка через азербайджанский [Мейланова 1985: 311], в третьих – из тюркских языков [Селимов 2001: 89].

В говоре употребляется также и сокращенная форма данного термина *буба* > *ба*.

К общелезгинской основе восходит простой исконный термин *диде* > *де* [СИЛДЯ 1971: 131].

В сочетании с прилагательным *члехи* «большой, старший» термины *буба* и *диде* образуют составные названия *члехи буба* «дедушка», *члехи диде* «бабушка».

В значении «бабушка» параллельно с *члехи диде* употребляется еще сложный термин *баде*, образованный от сокращенных наименований *ба* < *буба* «отец» и *де* < *диде* «мать» букв. «мать отца».

Для передачи понятия «родители» употребляется составное название, образованное сочетанием двух самостоятельных слов *диде-буба*.

Понятие «сын» передается двумя простыми названиями *хва* и *гада*. Термин *гада*, заимствованный из персидского языка, помимо понятия «сын», употребляется еще в значении «мальчик». Во множественном числе термин *хва* «сын» принимает форму *рухвайар* «сыновья», где начальный **ру**, возможно, является слоговым окаменелым классным показателем.

Интересно отметить в говоре отсутствующие в литературном языке и его диалектах названия для обозначения понятий «мальчик» – *кIалтIи* и «озорные подвижные мальчики» – *каштийар*.

Древний исконный термин с начальным показателем грамматического класса **р**- сохранился для выражения понятий *рыш* «дитя», «девочка».

Названия *стIхIа* «брат» восходит к общелезгинской основе [Мейланова 1985: 312].

Специальное простое название *дых*, отсутствующее в литературном языке и других диалектах лезгинского языка, передает понятие «старший брат».

Арабского происхождения является название *айал* «ребенок, дитя» [Селимов 2001: 62]. В этом же значении употребляется и термин *сиви*^н.

Существует специальное название для «новорожденного, грудного ребенка» – *чIагъа*, заимствованное из азербайджанского языка [Селимов 2001: 492].

Сложным по образованию является термин *къветIхверар* «близнецы», образованный от числительного *къвед* > *къветI* + *хвер* причастие *хайи* < *ху*^н «родить», «рожденный».

Исконный термин *хытыл* в говоре употребляется в двух значениях – «внук» и «племянник». Как отмечено в специальной литературе, в лезгинских языках сохранились эти первоначальные значения, которые утеряны другими дагестанскими языками и выражают совсем иное понятие – «друг» [СИЛДЯ 1971: 129].

Понятие «внук, внучка» в говоре передается еще названием *неве* иранского происхождения.

В значении «тетя (по материнской линии)» употребляется термин *хала* арабского происхождения.

Тюркским по происхождению является термин *агъа* «дядя (со стороны отца)», основное значение, которого в тюркских языках является «господин, барин, сударь, хозяин», «титул дворян» [Селимов 2001: 32].

Название «дяди (по материнской линии) *халу* является арабского происхождения [Забитов, Эфендиев 2001: 130].

б) Термины родства по браку

Основными терминами, связанными с брачными отношениями, являются «муж», «жена», «невеста», «зять», «свояк», «свояченица», «тесть», «теща».

В исследуемом говоре простой исконный термин *пab* совмещает понятия «жена» и «женщина».

Специальный простой исконный термин *гъуъл* в говоре передает значение «муж» (первичное значение «самец, существо мужского пола»). В специальной литературе отмечено, что в дагестанских языках «основа для понятия «муж» прошла значительные изменения и сохранилась в немногих языках. Данное значение – это вторичное» [СИЛДЯ 1971: 132]. В значении «муж» в говоре употребляется еще название *этем*, которое выражает понятия «мужчина» и «человек»: *Зы этем гъилани къатIкIханама* «Мой муж до сих пор спит»; *Клубза этемар ацIхукънаваа* «В клубе мужчины сидели»; *Жегъил этем рахазваа анал* «Там выступал молодой человек».

В значении «невеста» выступает простой исконный термин *свас*, который по форме совпадает с литературной *свас*. Родственные основы представлены в целом ряде дагестанских языков [СИЛДЯ 1971: 132].

Название *йезне* «зять» заимствовано из персидского языка.

В значении «шурин» используется самостоятельный термин *къайни*.

Ряд терминов родства представляет собой сложные образования описательного типа: *пана^н ба* «тесть» (букв. «жены отец»), *пана^н де* «теща» (букв. «жены мать»), *ира^н вах* «свояченица» < перс. *геран* «дорогая» + лезг. *вах* «сестра».

4.2. Названия, обозначающие специальность, род занятий человека, его социальное положение в обществе, особенности нрава, поведения, взглядов и т.д.

Слова данной лексической группы, за исключением лишь одного названия *далдамчи* «барабанщик», являются заимствованными: араб. *агъанатчи* (лит. *йагъанатчичу*) «зубоскал, насмешник», тюрк. *архайар* (лит. *архайар*) 1) «защитники» 2) «родственники (со стороны отца)», тюрк. *бахтлу* (лит. *бахтллу*) «счастливый, удачливый»; тюрк. *гъвзел* (лит. *гъвзел*) «красивый, прелестный, изящный», араб. *гъам* «горе, скорбь; печаль, грусть», араб. *гъавас* (лит. *гъевес*) «охота, страсть к чему-либо», увлечение», араб. *джегъил* «молодой, юный», араб. *дишегъли* (лит. *дишегъли*) «женщина», перс. *дуст* (лит. *дустн*) «друг, приятель», перс. *дышма^н* (лит. *душман*) «враг, неприятель, недруг», тюрк. *девечи* «погонщик верблюдов», араб. *инсан* «человек», араб. *ислаъл* (лит. *ислаъгъ*) «тихий, спокойный; смиренный», перс. *кас* «человек, личность», тюрк. *къбыт* (лит. *къбутн*) «неуклюжий, неотесанный», араб. *къавым* (лит. *къавум*) «кум», тюрк. *къаравул* (лит. *къаравул*) «караульщик, сторож», тюрк. *къуьниши* (лит. *къу^нши*) «сосед», тюрк. *къызмыш* (лит. *къызмиш*) «пылкий, страстный; азартный», араб. *къегъал* (лит. *къегъал*) «смелый, мужественный, храбрый», араб. *магълим* (лит. *муалим*) «учитель», перс. *паччагъ* (лит. *пачагъ*) «падишах, царь, государь», араб. *рехлаът* (лит. *регъатн*) «легкий», перс. *тенел* (лит. *тнембел*) 1. «ленивый» 2. «лентяй», перс. *терефдар* (лит. *тхерефдар*) «сторонник, приверженец»,

тюрк. *угъраш* (лит. *угъраш*) «подлый человек», тюрк. *угъру* (лит. *угъри*) «вор», перс. *устар* (лит. *устлар*) «мастер», араб. *хаджалат* (лит. *хажалатн*) «горе, скорбь», тюрк. *хлайасыз* (лит. *гъайасуз*) «бесстыдный, нахальный», тюрк. *чавучи* (лит. *чхавуш*) «аульный глашатай», тюрк. *чекмечи* (лит. *чхекмеччи*) «сапожник», араб. *шаир* (лит. *шаир*) «поэт», перс. *шаклырт* (лит. *шаклурт*) «помощник, подмастерье», тюрк. *эркек* (лит. *эркхекх*) «самец», «мужской», перс. *йар-дуст* (лит. *йар-дустн*) «друг, товарищ».

5. Лексика, связанная с анатомией и физиологией человека

5.1. Соматические названия

Названия частей тела человека, как и во многих других языках [СИЛДЯ 1971: 275; Алироев 1972: 30; Хайдаков 1973; Тимаев 1975: 166; Сухишвили 1981: 336; Алексеев 1986: 144; Гюльмагомедов 1986: 136; Колесникова 1972: 71, 257; Щербакова 1978 и др.] принадлежат к наиболее древнему и устойчивому пласту лексики.

Многие названия частей тела человека, восходящие к общедагестанскому лексическому фонду, приведены в коллективном труде по лексике дагестанских языков [СИЛДЯ 1971: 84-86] и В.М. Загирова [1981: 20]. Этот пласт лексики лезгинского литературного языка и целого ряда лезгинских диалектов исследован и нами [Ганиева 1986: 123-125; 2004: 236-246]. Однако до сих пор названия частей тела курушского говора, как и остальные группы отраслевой лексики, все еще остаются неисследованными.

Лезгинская соматомика в большинстве своем является исконного происхождения. Данная группа, бесспорно, входит в основной словарный фонд языка. Среди них встречаются также заимствования из неродственных языков.

Следует отметить, что многие названия частей тела здесь восходят к общедагестанскому хронологическому уровню: *галцлам* «бровь», *гъер* «слюна», *иви* «кровь», *йшк*

«поясница», *khek* «ноготь», *къуь* «плечо», *къам* «затылок», *къил* «голова», *клараб* «кость», *кларкларар* «ресницы», *квач* «нога». *клар* «клык», *маскъу* «мозг», *мез* «язык», *нини* «зрачок», *ноьгъ* «слеза», *пагв* «ребро», *плызар* «губа», *рад* «кишка», *рикI* «сердце», *сас* «зуб», *сив* «рот», *стил* «ус», *тлыб* «палец», *уьл* «глаз», *хев* «шея», *хух* «желудок», *хыр* «грудь», *чи* «лицо», *чири* «борода».

Как видно из примеров, соматонимы общедагестанского происхождения, в основном, являются простыми односложными основами.

Небольшая часть соматонимов является общей для лезгинских языков, представляя собой фонетические варианты слов: *гъуд* «кулак», табас. *гъурд*, агул. *хурд*, рутул. *худ*, крыз *хид*; *гъил* «рука», табас. *хил*, рутул. *хыл*, хинал. *кыл*, цахур. *хыль*, арчин. *хол*, удин. *кул*, хинал. *кул*, крыз. *кыл*; *йаб* «ухо», табас. *иб*, агул. *ивур*, рутул. *убур*, цахур. *убур*, будух. *ибир*; *меф* «пригоршня», табас. *миг*, агул. *мехъ*; *руффун* «живот», табас. *фун*, агул. *фун*, рутул. *ухъун*, цахур. *вухъун*, крыз. *фаьн*, удин *букун*; *туклу* «почка», табас. *гурдум*, удин. *гурдак*; *туьд* «горло», табас. *дюд*, агул. *дютI*; *цойл* «висок», табас. *чвал* [Загиров 1981: 15].

К собственно лезгинским относятся следующие названия: *ге^hгеиш* «лобная часть головы», *гъаб* «горсть», *капач* «кисть», *кук* «макушка (головы)», *кхуьцер* «желчь», *кыл* «лопаточная часть спины», *къашкъа^h* «спина и плечи (вместе взятые)», *къо^h* «ладонь», *къуь^hтн* «локоть», *клараб* «кость», *клийаб* «лодыжка», *кыф* «рот», «клюв», *лешкъ* «селезенка», *макъ* «сало, жир», *мег* «чуб», *метн* «колени», *пазу* «плечевая кость», *рехъв* «челюсть», *свах* «коренной зуб», *тхуьтуьлух* «гортань», *тлыш* «нос», *хам* «кожа», *хъвехъ* «щека», *цвар* «моча», *цым* «предплечье».

В данной группе соматонимов встречаются также описательные названия: *апай тлыб* «большой палец» (букв. «свекор-палец»), *гведе^hзи рад* «прямая кишка», *гъвечи тлыб* «мизинец» (букв. «маленький палец»), *ивиз дамарар* «кровеносные сосуды», *ивизи^h лахта* «сгусток крови», *йа-*

па^h къе^h «ушная раковина» (букв. «внутренность уха»), *йана^h нхириш* «мочка», *къени рад* «кишка (с жиром)», *къыла^h тар* «позвоночник» (букв. «среднее дерево»), *къыла^h тлыб* «средний палец», *квачын куьлер* «пальцы ног», *квачхы^h кIа^h* «ступня», *квачхы^h лакI* «выемка на ступне», *квачхы^h тыл* «тыльная сторона ступни», *лацы ичхалатн* «легкое», *мете^h клукI* «коленная чашечка» (букв. «верх колена»), *паква^h твалар* «ребра» (букв. «ребра палки»), *пIеркъи рад* «слепая кишка», *тхынлы^h къарнийар* «суставы фаланг пальцев», *тынлы^h рикI* «подушечка пальца» (букв. «пальца сердце»), *тлыш^h къе^h* «внутренность носа», *тлыш^h тар* «тыльная кость носа», *тлыш^h тлюькхюр* // *тлыш^h хилер* «ноздри», *тлыш^h шарфар* «хрящи в носу», *хыры^h тахта* «грудная клетка» (букв. «грудная доска»), *уьлуькн сырар* «резцы» (букв. «передние зубы»), *цвараз нних* «мочевой пузырь», *чIехи рад* «двенадцатиперстная кишка» (букв. «большая кишка», *члылав лекъ* «печень» (букв. «черная печень»).

Как отмечено выше, соматонимы в курушском говоре в преобладающем большинстве представляют исконные названия. Однако в ряде случаев генетическая общность эквивалентов нарушена инновациями из арабского, персидского и тюркских языков названиями: тюркские *билекн* «запястье», *даба^h* «пятка», *далах* «воспаление селезенки», *далы* «спина», *джалгъа* «сустав», *джигерар* «легкие», *ичхалатнар* «внутренности (требуха, потроха)», *къалчхах* «ягодица, седалище», *къуру дамарар* сухожилия; персидские *гарда^h* «шея», *дже^hдекн* «тело»; «корпус, туловище», *зи^hг* «голень», *мам* «грудь (женская)», *пел* «лоб», *пни* «животный жир, сало», *хам* «кожа», *чIене* «подбородок», арабские *беде^h* «тело», *экъ* «пот».

Целый ряд соматонимов используются для выражения и других понятий: *квач* «нога» – *квач* «ножка предмета», *стульзы^h квач* «ножка стула», *хев* «шея» – *хев* «воротник (одежды)», *тлыш* «нос» – *тлыш* «морда», *кхицли^h тлыш* «собачья морда»; *йикъ* «талия» – *йикъ* «умри»; *даба^h* «пят-

ка) – *даба*^h «каблук»; *далы* «спина» – *далы* «опора, поддержка» – *далы* «безрукавка» – *далы над* «тыльная сторона» – *стулзы*^h *далы* «спинка стула».

Мнозначность соматонимов проиллюстрируем еще на примере термина *кыл* «голова»: 1) анат. «голова» 2) перен. «ум, рассудок»; *кыл аваа и^hса^h* «умный человек» 3) «голова (как единица счета одушевленных существ); *пыд кыл хиза*^h «семья из трех человек» 4) «голова, руководитель»; *хири*^h *кыл* «руководитель села» 5) утолщенная оконечность чего-либо, головка»; *кыли*^h *кыл* «колос» (букв. «пшеницы головка») 6) «вершина»; *дагъзы кыл* «вершина горы» 7) перен. «начало»; «край»; «сторона»; «конец»; *зы^h и^h кыле*, *ву^h а^h кыле* «я здесь, ты там» [Талибов, Гаджиев 1966: 203-204] 8) «танец» 9) «крышка (предмета)».

С названием *кыл* «голова» образуется большое количество пословиц и поговорок, фразеологизмов, идиом, сложносоставных названий: *кыл чичлег* «репчатый лук» (букв. «голова-лук»; *кыл ичи* «пустоголовый», *кыле гар авайз* «легкомысленный» (букв. «в голове ветер имеющий»); *кыл къеневааз* «скрытный» (букв. «голову внутри имеющий»); *кыл виневаа и^hса^h* «гордый человек» (букв. «голову наверху имеющий человек»); *кыл тлабна хъфена* «ушел, не среагировав ни на что»; *кыл къарышыхзы гъатхкнна* «попасть в путаницу» (букв. «голова попала в путаницу»); *кыл акъатхзаваш* «непонятно» (букв. «голова не выходит»); *кыл акъуду^h четхи^h йа* «трудно выдерживать» (букв. «трудно вытаскивать голову»); *кыл къаз ка^h заваш* «не хочу связываться» (букв. «голову держать не хочу»); *кыл кылел хтанваш* «не пришел в себя» (букв. «голова на голову не пришла»); *кыл къатI хъана* «оборваться (напр. веревка)»; *кылел рагъ хый* «быть довольным, радостным» (букв. «пусть над головой будет солнце»); *кыле пIаркIв аваазы* «упрямый» (букв. «в голове червь имеющий»); *кыл гы^h* «выдать замуж» (букв. «голову дать»); *кыл чIыр хыи^h* «терять рассудок» (букв. «голова испортиться»); *кыл йекне хыи^h* «безвыходное состояние»

(букв. «голова большим стать»); *кыли^h кхуквал эчекху^h* «сажать на голову», *къве кыл къына тхуху^h* «умереть» (букв. «держит два конца савана нести»); *ныбат^h авашии регъве кыл хы^h* «вмешиваться не в свое дело» (букв. «на не нужной мельнице голову разбить»); *кыли^h кхуквал чIка аву^h* «сильно любить, уважать» (букв. «на макушке головы делать место»); *сагъ кылик^h къваркъвар кхытIы^h* погов. «вмешиваться в ненужные дела» (букв. «здоровую голову завязать тряпкой»); *кыл текъвезаа чказаа къуьнер тваза* погов. «взяться за невозможное дело» (букв. «в место, где голова не проходит, сует плечи») и т.д.

Как видно из приведенного материала, в курушском говоре хорошо сохранились соматические термины. О том, что эти названия являются древними, свидетельствует широкое употребление их в устойчивых выражениях.

5.2. Названия болезней человека (а также образования на теле, пороки и недостатки человека)

Названия, связанные с физиологией человека, по составу делятся на простые, производные и сложные.

1) Простые названия

В значении «болезнь» используется название *глазэр* (лит. *азар*) (видимо арабского происхождения).

Простой исконный термин *тал* (лит. *тIал*) выражает понятие «боль».

К простым названиям относятся: *алкы^h* (лит. *алкIу^h*) «парализовать», араб. *арагъ* «пот», тюрк. *аджыгъ* «гнев», перс. *бабасыл* (лит. *бубасил*) «геморрой», араб. *балгъам* (лит. *балгъа^h*) «мокрота», тюрк. *бириш* (лит. *бириш*) «морщина», тюрк. *бугъма* (лит. *бугъма*) «круп», перс. *буь^hдуйгуьр* (лит. *буь^hдуйгуьр*) «необразованный», араб. *глаькси* (лит. *акси*) «отрицательный»; «упрямый»; «противный», араб. *глаьхси* (лит. *аси*) «богохульствующий», тюрк. *дели* (лит. *дили*) «сумасшедший, помешанный, бе-

зумный», *ифи*^h (лит. *ифи*^h) «жар, высокая температура», перс. *каччал* (лит. *гачал*) 1) «парша» 2) «человек с паршой (на голове)», перс. *кхеми* (лит. *кхеми*) «глупый; юродивый», перс. *кхичи* (лит. *гичи*) «испытывающий головокружение; одурманенный», тюрк. *кхуьтһ* (лит. *кхуьтһ*) «тупица, тугоум», *кхыпыл* (лит. *кхупул*) «ревматизм», тюрк. *къабар* (лит. *къабар*) 1) волдырь» 2) «мозоль», *мамI* (лит. *мамI*) «нарост», араб. *пехил* (лит. *пехил*) «завистливый», *пеши* (лит. *биши*) «глухой», *тивел* (лит. *буьвел*) «чирей», *плацлар* (лит. *цегьер*) «оспа», *плеркьи* (лит. *буьркьюь*) «слепой», *плетлуши* (лит. *битлуши*) «курносый», тюрк. *са"джу* (лит. *са"жу*) «боль в межлопаточных мышцах», араб. *сафрай* (лит. *сафра*) «воспаление желчного пузыря», араб. *сефигь* (лит. *сефигь*) «глупый, бестолковый», араб. *сталджем* (лит. *сталжем*) «воспаление легких», *сулах* (лит. *чулахъ*) «левша», *тһирхъ* (лит. *тһири*) «чихание», тюрк. *тһымав* (лит. *тһумав*) «насморк», араб. *уьмуьр* (лит. *уьмуьр*) «жизнь», араб. *фалыдж* (лит. *фалууж*) «паралич», перс. *хенекһ* (лит. *хенекһ*) «больной, нездоровый», перс. *хесте* (лит. *хаста*) «больной», тюрк. *чһпыр* (лит. *чһупур*) «рябой», *чулахъ* (лит. *чһаплахъа*^h) «левша», *члоьлуькар* (лит. *гару" цегьер*) «ветрянка».

Как видно из приведенного материала, большой процент простых названий составляют заимствования из арабского, персидского и азербайджанского языков.

2) Производные термины

Производных терминов, связанных с физиологией человека, в курушском говоре меньше, чем простых наименований.

Посредством словообразовательного аффикса *-ацһ* (*-ецһ*) образованы названия *кыл-ацһ* (лит. *клулацһ*) «горбун» < *кыл* 1) спина» 2) «горб» + *-ацһ*; *пһиркь-ецһ* (лит. *буьркьвецһ*) «слепец» < *пһиркьи* «слепой» + *-ецһ*.

Название болезни *мыхатил* (лит. *мухатил*) «ячмень (на глазу)» образовано от *мых* // *мух* «ячмень» с помощью

непродуктивного аффикса *-тил* (*-тил*). Название дано по сходству.

От существительного *тапар* в форме множественного числа (< *таб* «ложь») посредством исконного аффикса *-хъан* образовано новое слово *тапархъан* со значением «врун, лгун».

Производные термины *глакьылсыз* (лит. *акьулсуз*) «неразумный, глупый, безрассудный», *гларзлы* (лит. *азарлу*) «больной, болезненный», *кьыздырма* (лит. *кьиздирма*) «малярия», *дийесегъан* «свинка», *гларсыз* (лит. *арсуз*) «бесстыдник, бесстыдница» заимствованы из азербайджанского языка, ср. азерб. *агьилсыз*, *азарлы*, *гыздырма*, *арсыз*.

От персизма *нахуш* (перс. *нахои*) «нездоровый, больной» посредством аффикса *-вал* образован термин *нахушвал* «нездоровье, болезненное состояние».

Производными являются термины *кьецI-екһ* «хромой человек» < *кьецI* «хромота» + *-екһ*, *нетI-ечһ* «вшивец» < *нет* «вошь» + *-ечһ*.

Возможно, производным является также термин *эцуйткью"* «тошнить».

3) Сложные слова

Редупликацией основы образовано название *кьуркьур* (лит. *кһуркур*).

Сложным по составу является термин *хъусмышун* «вырывать», образованный присоединением к глагольной основе вспомогательного глагола *аву"* «делать» > *ы"*.

В курушском говоре зафиксировано целый ряд названий болезней, образованных сочетанием самостоятельных слов: *бызар хьы"* «надоедать»; «мучиться, страдать от надоедливости» < перс. *бизар* + *хьы"* «быть, становиться», *дарых хьы"* «скучать, тосковать» < тюрк. *дарыхмаг* «скучать, томиться, тосковать» + *хьы"*, *дели хьы"* «сойти с ума, рехнуться» < азерб. *даьли* «сумасшедший, помешанный, тронутый» + *хьы"*, *ичһалатһза йад хьы"* «плеверит» <

азерб. *ичхалатһ* «нутро, внутренности» + *йад* «вода» + *хьы*^н «быть», *кһичи хьы*^н «оглушаться»; «дойти до умопомрачения» < перс. *гиджи* 1) рассеянность 2) головокружение» + *хьы*^н «стать», *кье*^н *фи*^н «слабить» < *кье*^н «внутренность» + *фи*^н «идти», *мез галкы*^н «заикаться» < *мез* «язык» + *галкы*^н «цепляться за что-либо», *нефес дар хьы*^н «задышаться» < араб. *нафас* «дыхание; вздох» + азерб. *дар* «узкий» + *хьы*^н «стать», *пһиркы рад амлы*^н «аппендицит» < *пһиркы рад* «слепая кишка» + *амлы*^н «резать», *тһуьтвер асу*^н «охрипнуть» < мн.ч. *тһуьтвер* > *туьд* «горло» + *асу*^н «охрипнуть», *тһуьтверагь аты*^н «ангина» < *тһуьтверагь* «из горла» + *аты*^н «приходить», *уьл цһидга* «коса» < *уьл* «глаз» + *цһидга* «косой», *шылы хьы*^н «калечиться» < араб. «искалеченный, изувеченный» + *хьы*^н «стать», *цһырар хьы*^н «сглазить» < *цһырар* (значение неясно) + *хьы*^н «стать», *экь акьатһы*^н «вспотеть» < *экь* «пот» + *акьатһы*^н «выйти».

5. Названия жилища и его частей, стройматериалов и строительных инструментов в курушском говоре

Жилище лезгин в своем историческом развитии сделало длительный путь от однокомнатной постройки без окон, очага без дымохода до больших двухэтажных домов с двумя или несколькими комнатами и со светлыми окнами и печью с дымоходом. «Жилище, – как отмечает Л. Н. Чижикова, – относится к тем компонентам культуры, развитие которых особенно тесно связано с окружающей средой и социально-экономическими условиями жизни» [Чижикова 1983].

Жилище курушцев повторяет характерные особенности построек лезгин и других народов Дагестана. Дома в Куруше преимущественно двухэтажные, нижние этажи которых построены из тесаного камня, а верхние этажи – из кирпича, приготовленного из глины и самана. На первом этаже помещаются хлев и крытый двор, а на втором

этаже жилые комнаты, количество которых зависило от состоятельности хозяина.

6. 1. Названия жилища и его частей

Название *квал* в исследуемом говоре и в других диалектах выражает два понятия «дом» и «комната», что наблюдается и в других дагестанских языках [СИЛДЯ 1971: 281; Хайдаков 1973: 79]. Это свидетельствует о том, что у народов Дагестана жилище в прошлом было однокамерным [Гаджиева 1961; Сергеева 1967; Гаджиева, Османов, Пашаева 1967: 108; Ахмедов, Исламмагомедов, Булатова 1975: 105 и др.]. Название *квал* употребляется также в значении «семья»: *А"дах квал-йыгь хьанва* «Он обзавелся семьей».

Более поздними являются названия комнат: *цһы*^н *квал* букв. «комната огня» // *хуьрекһзаа квал* (букв. «обед готовящая комната») «кухня», *хза"зы квал* «комната, где семья проводит время» (букв. «семьи комната»), *тав квал* // *магьманры квал* (букв. «гостей комната») «гостиная».

Дом, который остался без жильцов именуется араб. *хараба*.

В значении «лачуга» и «землянка» используются названия *кһыма* и *кьазма*, первое из которых иранского происхождения [Забитов, Эфендиев 2001:69], а второе – тюркского происхождения [Селимов 2001:254]. А подземелье обозначается термином иранского происхождения *зирземе*.

У лезгин существует специальное помещение для выпечки хлеба, которое обозначается исконным термином *хьар*.

Различны названия помещений для животных: *цур* (лит. *цур*) «хлев», араб. *тһевле* (лит. *тһевле*) «конюшня», *михцһ* (лит. *муьхцһ*) «сарай (для сена, соломы)», тюрк. *демекһ* «курятник», *кһушкI* (лит. *данайри" демекһ*) «телятник».

Строительство дома начинается с фундамента, для обозначения которого используются заимствованные названия араб. *бина* и русск. *фу^hдаме^hтн*.

Простая исконная основа *чил* передает два понятия «земля» и «пол».

Дома строят мастера. Это понятие передает название тюркского происхождения *устар* (лит. *устлар*).

Для строительства дома используется материал: тюрк. *гирдим* (лит. *гирдим*) «колода, чурбан», *гъварар* «бревна», *кыл* (лит. *гул*) «столб», *къванар* «камни», *къым* // *шим* «песок», тюрк. *къарыдж* «раствор из глины», *лангватнар* // *кирпичнар* «кирпичи», *лухъ* «жидкая грязь», *нагъвар* «мякина», *ноькъоьр* «земля, глина», тюрк. *къамышар* «камыш», *рукна^h* *кларас* «лесоматериал», *ракъ* «железо», тюрк. *самар* «солома», тюрк. *сывах* «штукатурка», перс. *тахтайар* «доски», *чилер* «жерди», русск. *цемент^h* «цемент», русск. *шифир* «шифер».

В сочетании с термином *къва^h* «камень» образуется целый ряд описательных названий: *къве^hзи^h* *къул* «плоский камень», *къере^h* *къва^h* «речной камень», *чархы^h* *къва^h* «тесаный камень». В эту же группу названий можно включить и самостоятельные термины *mlanl* > мн.ч. *mlanlar* «большие камни», *кIуркIайар* «осколки от камня (для заполнения пустот между камнями при закладке стен)».

Названия частей жилища, в основном, являются исконными, хотя редко встречаются и заимствованные термины: *баджа* // *гырмагъ* (лит. *гурмагъ*) «дымоход», араб. *бина* // *фу^hдаме^hт* (лит. араб. *бине* // *фу^hдаментн*) «фундамент», *гырарар* (лит. *гурар*) «лестница», *гырцал* (лит. *гурцал*) «косяк (оконный, дверной)», *гье^h* (лит. *гье^h*) «двор», *дакIар* // перс. *пне^hджер* (лит. *дакIар*) «окно», *даркIал* // русск. *киледур* (лит. *дегълиз*) «коридор», перс. *захутI* // *кIа^hда* (лит. *захутI*) «уборная», *къав* (лит. *къав*) «крыша», тюрк. *къанпы* (лит. *къанпу*) «ворота», *къул* (лит. *къул*) «очаг», *къыр* (лит. *къацI*) «полка», *лацыр* (лит. нет) «окошко для воздуха», перс. *пне^hджер* (лит. *дакIар*) «ок-

но», русск. *пнучн* (лит. *пнучн*) «железная печь», *пIунI* (лит. *пIунI*) «угол», *ракар* (лит. *рикIу^h*) «дверь», *сиджиф* (лит. *сиджиф*) «наличник», *ты^h* (лит. нет) «место для кувшинов», *тIакI* (лит. нет) «отверстие в потолке», *тIанIар* (лит. *данIар*) «замок», *хверекн* (лит. нет) «окошечко, куда ставят квашню с хлебом», *хъуртн* (лит. *хъуртн*) «свалка мусора», азерб. *чаннар* (лит. *чаннар*) «изгородь».

6. 2. Названия общественных строений

В курушском говоре для передачи понятия «селение, деревня» употребляется простой производный термин общелезгинского происхождения *хир*, срв. агул. *хур*, цахур. *хыIие* «каменный столбик», арчин. *хоIр* [Загиров 1987: 83]. В говоре лабиальный гласный, характерный для других лезгинских диалектов (хуьр), заменен гласным *и*. Замещение гласного *уь* литературного языка гласным *и* говора наблюдается также в термине *мигъ* «мост» (лит. *муьгъ*).

Общелезгинского происхождения является также название *сырар* (лит. *сурар*) в форме множественного числа, образованное от субстантива *сыр* «могила», срв. также агул. *сир* «носилки для покойника», арчин. *ссар*, рутул. *крыз. сыр* [Загиров 1987: 83].

Следует отметить, что большинство названий общественных помещений иноязычного происхождения: русск. *аптекн* (лит. *аптекн*) «аптека», перс. *базар* (лит. *базар*) «рынок», тюрк. *былах* (лит. *булах*) «родник», араб. *ватна^h* (лит. *ватна^h*) «родина», араб. *гъурбатн* (лит. *гъурбатн*) «чужбина, чужая страна», араб. *дараматн* (лит. *дараматн*) «здание; сооружение», русск. *кулуб* (лит. *клуб*) «клуб», араб. *кхилиса* (лит. *кхилиса*) «церковь», перс. *кхуьче* (лит. *кхуьче*) «улица», араб. *къала* (лит. *къеле*) «крепость, замок», араб. *мекIтеб* // русск. *школа* (лит. *мекIтеб* // *школа*, араб. *меркIез* (лит. *меркIез*) «столица», араб. *миски* (лит. *мискIу^h*) «мечеть», перс. *рехъ* (лит. *рехъ*) «дорога», араб. *тхуькве^h* // *капратив* (лит. *тхуькве^h*) «ма-

газин», тюрк. *уба* (лит. нет) «село», араб. *хАмам* (лит. *гьамам*) «баня», араб. *хАвьиз* (лит. *гьавиз*) «бассейн», араб. *хЛуькхуьметһ* (лит. *гьакхуматһ*) «государство», перс. *шегьер* (лит. *шегьер*) «город».

В говоре встречается несколько сложных слов, в состав которых в качестве словообразовательного элемента выступает самостоятельное слово *хана* со значением «помещение»: *дарма^нхана* «аптека», *кһитабхана* «библиотека», *хестехана* «больница», *чһапһхана* «типография», *чһайхана* «чайная». Многие из этих названий устарели и заменяются русскими заимствованиями: *аптека*, *библиотека*, *больница*, *типография*.

Названия инструментов

В значении «инструменты» в курушском говоре, как и в других лезгинских диалектах, используется общий термин *алатһ* арабского происхождения.

Станок, верстак именуется *дезге* (лит. *дезгягь*). Слово иранского происхождения, срв. перс. *dastgāh* «аппарат, станок» [Забитов, Эфендиев 2001: 41].

В названиях *рыцӀыгул* (лит. *руцӀугул*) «долото», *терехул* (лит. *терехуьл*) «рашпиль», *урукул* (лит. *урукул*) «буров, коловорот» конечные *-ул* (*-уьл*, *-ыл*), возможно, выполняли роль словообразовательных аффиксов. Основы этих слов на современном этапе развития языка утратили свои лексические значения.

В курушском говоре различаются два названия для обозначения щипцов. Название *хех* обозначает «щипцы (для выдергивания гвоздей)». Наименование простое непроизводное исконного происхождения. В говоре, однако, существует специальное название для щипцов, с помощью которых выдергивают большие зубы у лошадей (*келпетһы^н*), которое отсутствует в литературном языке. Лексические параллели представлены также в гунз. *калбатан*, *бежт.*, *цахур*, *рутул. калбатун*, *хинал. каьлтаьтһин*.

Двойко называется пила – *ме^ншер // кьве гьили^н ме^ншер* (букв. «двух рук пила»). Название *ме^ншер* арабского происхождения, срв. араб. *minšār*. По сравнению с литературной формой *мишер*, говор сохранил исходную форму. В литературном языке налицо деназализация. Это же самое явление наблюдается и в названии серпа – *ма^нгал*, срв. лит. *мукал*.

Описательные названия используются для названия ножовка – *гьили^н ме^ншер* «ручная пила» // *са гьили^н ме^ншер* «одной руки пила».

Разными по происхождению и назначению являются названия гвоздей: араб. *масмар* «гвоздь», перс. *мих* «гвоздь для подковы». Название подковы – *лиэ^н* является словом арабского происхождения.

В значении «молоток» в говоре употребляется исконное название *кьутһа* (лит. *кӀутһа*). Общего происхождения основы представлены в дагестанских языках [СИЛДЯ 1971: 175].

Для обработки бревен используется специальный инструмент, именуемый *тһартһы* (лит. *тһартһу*) «наструг (плотничий инструмент с двумя ручками, при помощи которого строгают разнообразные деревянные стержни)».

Сено косят серпом *-чи^н* и косой – *дергес*. Второе название заимствовано из азербайджанского языка, срв. азерб. *dərjəz* [Селимов 2001: 160].

Кирка именуется *кацаа* (лит. *каца*). С.М. Хайдаков возводит это название к общенахско-дагестанскому уровню, срв. авар., дарг. *каза*, табас. *газу*, анд. *газа*, лак., агул., арчин. *каза*, рутул. *кӀацӀий* [Хайдаков 1973: 68].

В значении «вилы» используется два простых самостоятельных исконных термина *йаба* и *кьуькһ*. Генетически родственные основы представлены в других дагестанских языках [СИЛДЯ 1971: 170].

Исконное название *чиригьил* передает понятие «грабли». В говоре по сравнению с литературной формой

цурьубъгъул произошла палатализация начального согласного, характерная для диалектов самурского наречия.

Специальный каток для утрамбовки плоской земляной крыши называется *mhenh*. Слово простое непроизводное исконного происхождения.

В значении «напильник» употребляется простое непроизводное название тюркского происхождения *йиге*.

Исконное название *ракъычъ* «тяпка», возможно, является производным, образованным от *ракъ* «железо» и непродуктивного словообразовательного аффикса *-ычъ*.

Единым для всех диалектов лезгинского языка является термин исконного происхождения *клаш*.

Для передачи понятия «топор» в говоре употребляется простой непроизводный термин исконного происхождения *йокI* (лит. *йакIв*). В говоре делабиализация корневого согласного *кI*. Родственные основы представлены в бежт., хварш., гунз. *ог*, гинух. *ог*, агул. *йакIв*, табас. *йекIв*, цахур. *йакIв*, крыз. *йокI*, будух. *йокIв*, лак. *рикIв* [Хайдаков 1973: 89].

Предметы домашнего обихода

К предметам домашнего обихода мы, в первую очередь, включаем названия посуды.

Для названия «посуда» используются термины *къаб* и *къаб-къаджах* тюркского происхождения. Термин *къаб*, помимо своего основного значения, выражает также понятие «футляр».

Среди названий посуды встречаются односложные непроизводные, производные и описательные названия различного происхождения.

Простыми непроизводными основами являются: тюрк. *тава* (лит. *тава*) «сковорода», *цIиб* (лит. *цIиб*) «маленький горшочек», араб. *бади* (лит. *бади*) «чаша», *тIас* (лит. нет) «медная пиала на ножках», *сини* (лит. *сини*) «медный поднос», тюрк. *суъзекъ* (лит. *суъзекъ*) «цедило», *тур* (лит. *тIур*) «ложка», *къифтI* (лит. *къиф*) «воронка», *кыр* // *циг*

(лит. *кур*) 1) «миска» 2) «горячий (причастная форма)», араб. *сукIра* (лит. *сукIра*) «пиала», тюрк. *шуъше* (лит. *шуъше*) 1) «стекло» 2) «бутылка» 3) «женское имя», перс. *кавча* (лит. *кавча*) «половник; ковш; черпалка», *белме* (лит. *чIайди* «къаб, *налбекхи*) «блюдце», *чакъ* (лит. *чакъв*) «деревянное корыто (куда кладут пищу для собаки)», *тIыс* «носик (чайника)», *nh(u)ти* «кастрюля» перс. *кенъкхур* (лит. *кенъкхур*) «шумовка».

Термин *къваркъ* обозначает специальную тряпку для мытья посуды. Основа образована редупликацией корневого согласного *къ*. В литературном языке нет эквивалента.

В значении «сахарница» используется производный термин *къендикъа*, образованный от тюрк. *къе* «сахар» посредством словообразовательного аффикса *-къа*.

В значении «блюдце», кроме названия *белме*, используется еще сложный термин *бышкъаб* тюркского происхождения, состоящий из *быш* срв. азерб. *бош* «пустой» и *къаб* срв. азерб. *габ* «посуда».

Производными по составу являются термины: перс. *чIайда* «чайник (для кипячения воды)», перс. *къаъфедда* «кофейник».

Заемствованиями из русского языка выступают названия *истикъа* (лит. *стакъа*) «стакан» и сложное название *сымавар* (лит. *самовар*) «самовар», *пIатIныс* «поднос».

В двух фонетических вариантах зафиксировано название крышки кастрюли *къапIалах* // *къалпIалах* (лит. *къалпIагъ*) тюркского происхождения, срв. азерб. *гапIаг* «крышка, головка, колпак, верх» [Селимов 2001: 257]. В говоре замещение ауслатного звонкого смычного *г* глухим спирантом *х* и перестановка звуков.

В лексике курушского говора зафиксировано большое количество и иных названий предметов быта. Среди них встречается целый ряд простых названий: тюрк. *байбытI* (лит. *байбутI*) «финский нож», *адийал* «одеяло», перс. *гамар* «ковровые изделия», перс. *гирвенкъа* (лит.

гирва^hкһа) 1) «фу^hт» 2) «гиря (вообще)», тюрк. *гирдим* (лит. *гирдим*) «колода, чурбан», араб. *гьегге* (лит. *гьеге*) «переметная сума», *гьеш* «горшочек (подвешиваемый под люльку для скопления мочи)», тюрк. *гараба* (лит. *араба*) «арба», *глафтафа* // *пһарчһ* (лит. *афтафа*) «кумган», араб. *джигьизар* (лит. *жигьизар*) «приданое», *закла^h* (лит. нет) «большой деревянный ящик (для муки)», *закла^hт* (лит. *дегьре*) «секач, топорик», *зе^hбил* (лит. *зи^hбил*) «корзинка, кошёлка (плетенка)», перс. *зурне* (лит. *зурне*) «зурна» тюрк. *йастых* (лит. *йастух*) «подушка», *йургьа^h* «одеяло», перс. *кһа^hтл* (лит. *кһа^hтл*) «большой нож», *квар* (лит. *квар*) «кувшин», *кве* (лит. нет) «веселка», *кһсул* (лит. *кһфил*) «свирель», *кһыб* (лит. *кһупл*) «кизяк», *кһуьсруь* (лит. *кһуьсри*) «маленький столик», *кы^h* (лит. *кы^h*) «клин», тюрк. *кьаджгьа^h* (лит. *кьажгьа^h*) «кастрюля», перс. *кьефес* (лит. *кьефес*) «клетка (для птиц)», *кьур* (лит. *кьур*) 1) «тюль, тюлевая занавеска» 2) «тюлевый платок (женский головной убор)» 3) «заяц», (*кьуйукь*) *раб* (лит. нет) «большая игла», *кьеб* (лит. *кьеб*) «люлька», тюрк. *кьутһу* (лит. *кьватһи*) «короб, коробка, шкатулка», *клаза* (лит. нет) «большой деревянный поднос», *клад* (лит. *кла^hт*) «ларь (для хранения муки и зерна)», *клар* (лит. *клар*) 1) «скалка» 2) «ступенька» 3) «моток ниток», *кларасар* (лит. *кларасар*) «дрова», *клар* (лит. *клар*) «крючок», русск. *лампе* (лит. *лампа*) «лампа», *литһ* (лит. *литһ*) «войлок», *мыкратл* (лит. *мукратл*) «ножницы», тюрк. *наджах* «топор», *ми^hдар* «подушка для сидения», перс. *нафтһ* (лит. *нафтһ*) «нефть, керосин», *некегьа^h* (лит. *некегьа^h*) «маслобойка», *мес* «матрас», перс. *ништер* (лит. *ништер*) «перочинный нож», перс. *пһайа* (лит. *пһайа*) «подпорка, дубина», *пасты^h* «простыня», *риб* (лит. *риб*) «шило», *рух* (лит. *рух*) «палас», *саблагьа* (лит. нет) «горшок с двумя ручками», араб. *сагла^hтһ* (лит. *сятһ*) «часы», *садж* (лит. *саж*) «металлический круг (на котором пекут хлеб)», *саф* (лит. *саф*) «сито (для просеивания муки и зерна)», перс. *сим* (лит. *сим*) «провод; проволока; струна», *стлам* (лит.

стлам) «скребок (для очистки квашни от теста)», перс. *ти^hг* (лит. *ди^hг*) «крупорушка, рисорушка». перс. *тһерез* (лит. *тһерез*) «весы», перс. *таньыр* (лит. *тланур*) «тендир (печь в форме усеченного конуса, устроенная вертикально в полу; предназначается для выпечки хлеба)», *тһур* (лит. *тһур*) «сабля», *тланл* (лит. *кьул*) «мышеловка», *тланлар* (лит. *данлар*) «замок», *тлас* (лит. нет) «медная пиала на ножках» перс. *хакһ* (лит. *хакһ*) «кол; колышек», перс. *халичһа* (лит. *кьаличһа*) «ворсовый ковер», *ха^hджал* (лит. *ганур*) «кинжал», *хвах* (лит. *хвах*) «квашня», *хъеме* (лит. нет) «шашка изогнутой формы», *хучарар* (лит. *хучарар*) «переметная сума», *хъусу* (лит. *кьусу*) «деревянная лопата», *цел* (лит. *цел*) 1) «бурдюк (козья шкура, приспособленная для хранения сыра)» 2) перен. «человек с большим животом», *цлеви^h* (лит. *цливи^h*) «уголь», перс. *чахра* (лит. *чһхра*) «прялка», *чһа^hгал* (лит. *шии*) «вилка», *чһувал* // *машух* (лит. *чһувал*) «мешок», азерб. *шам* (лит. *шем*) «свеча», перс. *шефте* (лит. *чефте*) «щеколда», араб. *шеь* (лит. *шей*, *шеь*) «вещь», тюрк. *эб* (лит. *йеб*) «веревка».

Для обозначения солонки в курушском говоре употребляется отсутствующий в других диалектных единицах лезгинского языка исконный производный термин *кьилига^h*, образований от *кьел* «соль» > *кьил* > эрг.п. *кьили* и словообразовательного аффикса *-га^h*.

Посредством аффикса *-га^h* образовано также название *кылыга^h* (лит. нет) «подстилка под кувшин» < *ккыл* «спина» > эрг.п. *ккылы* + *-га^h*.

Отсутствующим в других диалектных единицах лезгинского языка является также название *гьиликьарар* (лит. *тһутажагь*) «прихватки (матерчатые плоские подушечки, с помощью которых снимают с огня горячие предметы)». Сложное слово, состоящее из *гьил* «рука» > эрг.п. *гьили* и необычной причастной формы глагола *кьарар* (в лит. языке и других диалектах употребляется форма *кьадай* «держатый»), образованный от глагола *кьы^h* (лит. *кьу^h*) «держатъ».

В значении «веретено» используется производный термин *тһыпычI* (лит. *тһунучI*), состоящий из исконного простого названия *тIыб* (лит. *тIуб*) «палец» и аффикса *-ычI*. При изменении слова начальный абруптив *тI* перешел в придыхательный смычный *тһ*: *тIыб* > эрг.п. *тһыпIы* (лит. *тунIу*).

Зафиксированы различные названия веревок: *цIил* «веревка из козлиных волос», *канаб цIил* «пеньковая веревка», *тһайар цIил* «канат», *къашу* (лит. *кашу*) «хозяйственная веревка (сплетенная из шерстяных ниток)», *кашу* «веревка (сплетенная из шерстяных ниток и привязываемая к кувшину)».

Сложным по образованию является название тюрк. *дерзагъадж* (лит. *дерзагъаж*) «высокие перила (приспособление над кузовом арбы для перевозки снопов)». Как отмечает А.А. Селимов, «сложено из азерб. *даърз* «сноп» и *агъадж* 1) «дерево» 2) «палка, дубина, посох, трость» [Селимов 2001: 161]. В лезгинский язык название перешло в готовом виде.

Из двух исконных самостоятельных компонентов образованы наименования «постели» – *мес-къудж* (лит. *мес-къуъж*) «постель» < *мес* «постель» + *къудж* (лексическое значение утрачено) и «наперстка» – *тһыпIы^н кIвал* (лит. *уймах*) < *тIыб* «палец» > род.п. *тһыпIы^н* + *кIвал* «дом» (букв. «пальца дом»), *гирейз къапар* (лит. *хъе^нчIи^н къапар*) «глиняная посуда», *хъуьцуьганз чин* «наволочка».

В исследуемом говоре зафиксированы несколько названий веников: *кепке^н* «метла», *куьл* (лит. *кул*) «веник», *верхи куьл* «веник из веток», *пһсиз куьл* (лит. *псидкул*) «веник из соцветий тростника, камыша», *чуькIуь^н куьл* «веник из стеблей проса», *фуд^н къалар* «веничек для хлеба».

Издавна курушцы занимаются ковроткачеством и вязанием шерстяных носков. Для их изготовления они использовали шерсть, снятую с местных пород овец.

Для расчесывания шерсти курушцы использовали гребень, который именуется *регъ*. Основа простая и неиз-

водная. Генетически родственные основы представлены в табас. *рагъ*, агуль. *рагъ*, рутул. *рагъ*, цахур. *агъаа*, арчин. *далхъ*, крыз. *рагъ*, удин. *ох* < * *рох* [Загиров 1987: 85].

Из готовой шерсти пряли пряжу, которая обозначается термином *гъалар*. Основа простая производная. Термин в различных фонетических вариантах представлен в цезском, хваршинском, лакском, агульском, рутульском, цахурском и крызском языках [СИЛДЯ 1971: 213].

Пряжу пряли на прялке, которая обозначается термином *чахра* (лит. *чһхра*) иранского происхождения.

Прялка состоит из: *чахраз чарх* «колесо прялки», *чахраз кIвачһар* «колья (на которых держится колесо прялки)», *чахраз гъыл* «ручка прялки», *чахраз хъел* «пряслица», *кһукух* «моток ниток (большой)», *пицI* «маленький моток», *чахрах рицI* «привод».

Названия одежды

Национальный костюм лезгин является разнообразным. В.П. Кобычев отмечает, что «формирование основных элементов кавказского костюма восходит к глубокой древности... По описаниям современников, в средние века она состояла из тех же основных своих частей, что и в более позднее время» [Кобычев 1971: 6].

Материалом для шитья одежды раньше служила шерсть, кожа и овчина. Из шерсти на специальном ткацком станке *кһарга* ткали шерсть, которая называется *кһаргаз шал*.

В значении «одежда» употребляется термин *партһалар* иранского происхождения [Селимов 2001: 359] и в ироническом смысле используется название *алухар*, основное значение которого «седло (мягкое, как толстая попона, а также седло для осла, исключая ленчик)».

Одежда состоит из нательного белья, верхней одежды, головных уборов и украшений.

Нательное белье

Нательная рубашка, гейша называется *пегьрем* (лит. *пегрем*) иранского происхождения. Диалектная форма ближе к источнику – *пирahän* [Селимов 2001: 363]. В литературном языке выпал *зь*, а в говоре сохранение первичного *зь* и процесс субституции согласных.

В значении «кальсоны» используется название *дизликһ* (лит. *итимри^h вахчег*). В говоре названием *вахчаг* обозначаются 1) «пантолоны» 2) «женские шаровары» и «юбка (широкого покроя в оборку или в складки в поясе)».

Верхняя одежда

В старину верхней одеждой для мужчин и женщин служил бешмет – *валчһагь*. Мужчины еще носили длинный халат, который обозначается термином арабского происхождения *глаба* (лит. *аба*).

Если *валчһагь* носили и мужчины и женщины, *чһухва* «черкесска» носили только мужчины. Э.Г. Торчинская, исследовавшая мужскую одежду азербайджанцев пишет, что «у чухи был широкий ареал распространения – с теми или иными вариантами в покрое она присутствовала в одежде почти всех народов Кавказа» [Торчинская 1971: 146].

Традиционной одеждой женщин Куруша была безрукавка – *тилка* // *лабада*, а также платье – *былышка*.

Из хорошо обработанных шкур шили тулупы – *кһавалар* и шубы – *кьртар* (лит. *кьуртһар*). Первое название иранского происхождения, срв. перс. *кава*, азерб. *кавал* [Селимов 2001: 223]. Слово вошло через посредство азербайджанского языка. По предположению А.А. Селимова, второе название *кьртһ* также усвоено из иранских языков [Селимов 2001: 296].

Редко употребляемой в настоящее время верхней одеждой является *йьпһы^hджи* (лит. *йанһу^hжи*) «бурка», *та-рагу^h* (лит. нет) «стеганые брюки», *башлых* (лит. *башлух*)

«башлык; капюшон», *архалых* (вид старинного женского макинтоша). Все три названия тюркского происхождения.

В значении «фартук, передник» употребляется исконный производный термин *хырыга^h*, образованный сочетанием существительного *хыр* «грудь» в форме эргатива и словообразовательного аффикса *-га^h*.

Верхней накидкой служит специально тонко приготовленный войлок для чабанов – *лимһ*.

Специальное название имеет «подкладка» *астар* (лит. *астлар*) иранского происхождения. Лексические параллели представлены также в табас., рутул. *астар*, агул., удин. *астлар* [Загиров 1987: 110].

В значении «рукав» используется простой производный термином *хел* исконного происхождения, основное значение которого «ветвь, ветка». Кроме того, термин выражает также ряд других значений: 1) «приток», *вацлу^h хел* «приток реки» 2) «один из парных предметов», *варари^h хел* «створка ворот» 3) «отрасль», *майшатди^h са хел* «одна из отраслей хозяйства» [Талибов, Гаджиев 1966: 344].

Для передачи понятия «воротник» используется анатомический термин *хев*, который выражает еще понятие «облучок, передок (гузового транспорта)» [Талибов, Гаджиев 1966: 333].

Отглагольное существительное *цвал* передает понятие «шов». Основа простая производная исконного происхождения.

Различаются названия карманов. Нагрудный карман именуется *хьултһух* (лит. *кьултһугь*), который восходит к тюркским языкам, срв. азерб. *голтуг* 1) «подмышка» 2) «пазуха» [Селимов 2001:280]. «Карман» обозначается термином *жиби^h*. По мнению В. И. Абаева, название арабо-персидского происхождения [Абаев 1958: 406].

Специальные названия имеют «одежда покойника (оставшаяся после его смерти)» – *быхча* (лит. *бухча*) и «саван» – *кафа^h* (лит. *кафа^h*). Первая основа тюркского про-

исхождения, срв. азерб. *богъджа* 1) «узел, узелок, узелочек» 2) вязанка», а вторая арабского происхождения, срв. араб. *кафа*^н «саван» [Селимов 2001:93, 229].

Название перчаток *хилегьинар*, видимо, является производным.

В значении «катушка» используется простой непроеводный термин *ватн* исконного происхождения.

В говоре встречается ряд названий одежды из русского языка: *йупка* «юбка», *кастум* «костюм», *кофта* «кофта», *палту*^н «пальто», *пне*^н *джекх* «пиджак», *халатн* «халат», *пхлаш* «плащ», *шуба* «шуба».

Головные уборы

Традиционным головным убором мужчин является папах, которая называется *пармакн* (лит. *бармакн*). По сравнению с литературной формой в говоре оглушение звонкого смычного *б*.

Описательное название *быхара пармакн* передает понятие «каракулевая папах». Первая часть сочетания составляет название иранского происхождения.

В значении «фуражка; кепка» используется название из русского языка *шапка*, а для козырька фуражки – исконный термин *рав* (лит. *пхунлуш*). Специальное исконное название имеет ночная шапка – *кьечхи*.

Традиционным головным убором женщин является *шал* и *чохта* (женский головной убор, под которым прячут волосы) – *шутнкьу*. Названия разного происхождения. Первое название *шал* иранского происхождения, а второе – тюркского происхождения.

Различаются разновидности платков и соответственно их названия: тюрк. *иньекзы*^н *шал* «шелковый платок», русск. *гирбиши*^н *зи*^н *шал* «крепдишиновый платок», *ысы*^н *шал* «шерстяной платок», *лобзу*^н *зы*^н *шал* «переливающийся шелковый платок», перс. *лечекн* «маленький головной платок», *иньекзы*^н *йайлух* «тонкий шелковый платок», *йару* *йайлух* «красное покрывало для невесты», перс. *назнази*

«женский головной платок из тонкого шелка», перс. *шаршав* // *чхадра* «чадра, паранджа», тюрк. *чхалма* // *сарых* «чалма», *кьетлуфа* «косынка», *иньекзы*^н *кьетлуфа* «маленький шелковый платок», перс. *кхелегъа* // *плай* «тонкий шелковый платок».

Мужская и женская обувь

Для обозначения названия обуви в исследуемом говоре употребляется описательное название *квачхи*^н *кьанар* (букв. «ноги посуда»).

Традиционным элементом мужской и женской обуви являлись чарыки – *шаламар*. Название иранского происхождения.

Петельки по бокам шарыков именуется *кваквар*. Основа выражает и другие значения: 1) «пуговицы» 2) «петли (в ковроткачестве)». Через петельки в чарыках продерживался шнур для завязывания чарыков и именуется *кьветлелар*. Название исконного происхождения, образованное от числительного *кьвед* «два» > *кьве* и существительного *млел* < *млвал* «узелок». В основах обоих компонентов произошли изменения: в числительном *кьвед* «два» выпал ауслатный *д*, а в основе *млвал* наблюдаем делабиализацию корневого *мл*.

Вместе с чарыками, чтобы ноги не натирались, носили обмотки, которые обозначаются термином *дулахар* тюркского происхождения, срв. азерб. *долаг* «обмотки».

В значении «ботинки» и «туфли» в говоре употребляется одно название *чекмейар* тюркского происхождения, срв. азерб. *чакма* «сапог, ботинок». Термин *чекме* входит в состав описательных названий – *чекме* входит в состав описательных названий – *кхух гала чекмейар* «сапоги (букв. голенище имеющие сапоги)».

Самостоятельное простое непроеводное название *кух* выражает понятие «голенище».

Специальное название используется для обозначения солдатских сапог – *пахутхар*. Возможно, семантика тер-

мина связана с названием «поход» (*т.е. сапоги, надеваемые во время похода или каких-либо других важных дел, т.е. эти сапоги непромокаемы и прочны при носке*)).

Сохранились названия старинной обуви – тюрк. *башмагъар* (лит. *башмакъ*) «башмаки» и *сармызар* (лит. нет) «женская обувь без задников». Шерстяные джурабы носили с галошами, которые именуются *къраблийар* «неглубокие галоши», *мардахаяр* «глубокие галоши».

Название *мардахайар* связано с собственным мужским именем Мардахай, который все время ходил в глубоких галошах.

Курушские женщины занимались также вязанием шерстяных носков, джурабов и чувяк, которые называются *кульутьнар* «шерстяные носки, джурабки», *чхивекхар* «чувяки».

Заемствованное из русского языка название *чуьлгийар* передает понятие «чулки (обычные магазинные)». Помимо этого названия, в говоре встречается и ряд других терминов, вошедших из русского языка: *басанушкайар* «босоножки», *калгуткайар* «колготки», *наски* «носки», *сапагийар* «сапоги», *чхивекар* «чувяки», *ризинар* «галоши».

Специальное название имеют старые изношенные шерстяные носки, используемые в качестве обуви – *шатһалар*. Название заимствовано из азербайджанского языка, срв. *шәтәл* «шерстяные носки» [Селимов 2001: 514].

Украшения

Различаются различные виды украшений: ушные, шейные, ручные и т.д.

Для украшения к одежде пришивались: перс. *пһылар* (лит. *пһулар*) «золотые или серебряные монеты», тюрк. *са"джах* (лит. *са"жах*) «булавка», тюрк. *сачахар* (лит. *сачах*) «бахрома», араб. *везнейар* (лит. *везнейар*) «газыри (на черкеске)», *кваквар* (лит. *дуйгмейар*) «пуговицы», тюрк. *къармахар* «крючки».

Женское платье украшалось и складками – *бизмейар* (лит. *бузьмейар*).

Самым распространенным среди всех народов Дагестана и Северного Кавказа [Гаджиева 1974: 38] является серебряный женский пояс с украшениями, именуемый в исследуемом говоре *кһемер* (лит. *кһамари*) иранского происхождения [Абаев 1958: 550].

Понятие «ремень» передается простым исконным термином *чһил* (лит. *чһул*), генетически родственные основы представлены в авар. *чһоло*, лак. *чһулу*, табас. *чһул*, агул. *чһил*, рутул. *чһил*, цахур. *чһува* // *чһва*, крыз. *чһил*, арчин. *чһот* [Хайдаков 1973: 92-93; Гигинейшвили 1977: 69; Загиров 1987: 53-54].

К ручным украшениям относятся: *тһынһал* (лит. *тһунһал*) «кольцо» (< *тһуб* > *тһуб* «палец» + аффикс *-ал*), *узуьг* (лит. *закһал*) «обручальное кольцо», *къаш аваа тһынһал* «кольцо с камешком», араб. *сагһамһ* (лит. *сәтһ*) «часы», *цам* (лит. *цам*) «браслет».

К ушным украшениям относятся серьги, именуемые *сыргъайар* (лит. *сиргъайар*). Термин заимствован из русского языка.

Шейными украшениями являются: *хад* (лит. *хат*) «бусина», перс. *зы"джыр* (лит. *зу"жур*) «цепочка», *кагърабайар* (лит. *кагъраба*) «янтарные бусы».

Название *къармахар* используется для обозначения налобного украшения, а *буйу"бах* – для нагрудного украшения.

Пища и пищевые продукты

Как было отмечено выше, доминирующей отраслью хозяйственной деятельности курушцев было животноводство, естественно, на столе курушцев преобладало мясомолочная пища. Помимо животноводства, курушцы занимались и земледелием, поэтому в их речи обнаруживается множество наименований мучных блюд.

Пища курушцев во многом совпадает с пищей народов Дагестана и Кавказа, а также Азербайджана, с которым курушцы имели самые тесные контакты.

Продукты питания у курушцев делятся на: мучные, мясо-молочные, растительные.

Мучные изделия

Самым основным в пище курушцев, как и у других народов земли, является хлеб, который обозначается простым непроемным термином *фу* исконного происхождения.

О том, что хлеб является основным продуктом питания, свидетельствуют многочисленные названия разновидностей хлеба и хлебных продуктов: *афар* (лит. *афар*) «чуду», тюрк. *базламач* (лит. *базламач*) «базламач (круглый тонкий хлеб из кислого теста, который печется на саже)», *къата фу* «хлеб из кислого теста (который печется в тендире)», *тели фу* «хлеб из пресного теста», *чар йаглаа фу* «слоеный хлеб», *кузар* «слоеный чуду», *хьра^н фу* «хлеб (испеченный в специальной печи для выпечки хлеба)», *духовказ фу* «хлеб (испеченный в духовке)», *чхиклен* «толстый чуду (начиненный мясом, луком, рисом и пряностями)», тюрк. *лаваш* «лаваш», *чар йаглаа лаваш* «слоеный лаваш», тюрк. *чхиглема* «сырой лаваш (для приготовления лапши)», *шырайа* (лит. *шурре*) «хлеб со сладкой начинкой».

В говоре употребляются и заимствованные из русского языка названия хлеба: *былка* «булка», *быха^нка* «буханка», *бату^н* «батон».

Самым древним и распространенным блюдом у курушцев, как и у других народов Дагестана, является *хь^нк^лал* (лит. *хь^нк^лар*) «хинкал». Генетически родственные основы представлены почти во всех дагестанских языках: авар *ххи^нк^лал*, ахвах. *ххи^нк^ла*, карат. *хь^нк^лай*, тинд. *ххи^нк^ла*, чамал. *ххи^нк^л*, багул. *хь^нк^ла*, ботл. *ххинк^ла*, годоб. *к^лари*, анд. *къенни(лал)* «сжатый», хварш. *хик^лоба*, гинух. *хок^ла*,

гунзиб. *ханк^лал*, дарг. *хинк^ли*, лак. *ххунк^л*, арчин. *хъанк^лерт^у*, *гъанк^лури*, лезг. *хинк^лар*, *хинк^лал*, табас. *хинк^лар*, агул. *хинк^лар*, рутул. *хинк^лар*, *хинк^лал*, цахур. *хинк^лалбы*, хинал. *хинк^лал*, крыз. *хинк^лал*, будух. *хинк^лал*, удин. *хинкал* [СИЛДЯ 1971: 210].

Название *хь^нк^лал* входит в состав описательных наименований: *лаваширы^н хь^нк^лал* «хинкал (с маслом и сыром сверху)», *перниц^лры^н хь^нк^лал* «хинкал из ракушек».

К мучным блюдам относятся также: *тини* (лит. *тини*) «тесто», *алыга* (лит. *алуга*) «ватрушка с яичницей», тюрк. *гьурзейар* // *нхичекар* (лит. *гьурзейар*) «пельмени», *к^лач^лк^лач^л хан^ла* (лит. *кач^лкач^л*) «затируха», перс. *хешил* (лит. *хешил*) «мучная каша», *ч^лихер* (лит. *ч^лахар*) «крупа», *т^лулум^л* (лит. *т^лунум^л*) «маленькая лепешка», *т^лач^н* (лит. *т^лач^н*) «тач (похлебка, приготовленная на солоде)», *гьур* (лит. *гьур*) «мука», *хурек^н* (лит. *хурек^н*) «горячая пища, еда», *хан^лай* (лит. *хан^ла*) «варево; суп», *сав* (лит. *сав*) «толокно», *к^ли* (лит. *ик^ли*) «солод», *х^лалва* // *эсида* (лит. *гьалва* // *исум^ла*) «мучная халва», *квет* (лит. *куьт*) «еда для собаки», *кепек^нар* (лит. *кепек^нар*) «отруби».

Мясные блюда

Одно из основных мест в кулинарии курушцев занимает также мясо, в значении которого выступает простой непроемный термин исконного происхождения *йак^н* (лит. *йак^н*) «мясо». Общие корневые элементы имеет место в большинстве дагестанских языков [СИЛДЯ 1971: 204].

По праздникам и в особых случаях из свежего мяса готовили шашлык, который именуется перс. *к^набаб*. В этом же значении употребляется также название *шиш* тюркского происхождения, которое выражает еще понятие «вертел, шомпол».

В зависимости от того, на чем готовился шашлык, меняются названия шашлыка: *сача^н к^набаб* «шашлык (приготовленный на саже)», *т^нава к^набаб* «шашлык (приго-

товленный в сковороде)», азерб. *луьле-кхабаб* (лит. *луьле кабаб*) «люля-кебаб (рубленное мясо, зажаренное на вертеле)»,

Общекавказским блюдом является и плов, который обозначается простым производным термином *аш* (лит. *аш*) тюркского происхождения. В сочетании с *аш* «плов» образуются описательные названия: *чъыба^h аш* «чабанский плов», *уьстуь аш* «плов (приготовленный на молоке с изюмом)», *чъихерзы^h аш* (лит. *чъахарди^h аш*) «плов из крупы».

К плову готовится также приправа, которая называется *къаралтху* «каралту (*приправа, приготовленная из мяса, изюма, фасоли, жареного лука, урюка, сушеной кислой сливы, каштана*)». Название тюркского происхождения.

В говоре зафиксировано еще несколько названий мясных блюд, заимствованных из азербайджанского языка: *бастырма* (лит. *бастурма*) «заготовка для шашлыка (предварительно частично заправленная специями)», *бызбаш* (лит. *бузбаш*) «бозбаш (мясной суп, похожий на острый суп)», *дулдурма* (лит. *дулдурма*) «колбаса (местного изготовления)», *дулма* (лит. *дулма*) «голубцы», *кхифте* (лит. *кхифте*) «кюфта», *къавырма* (лит. *къавурма*) «жаркое; тушеное мясо».

Заимствования из русского языка: *быриш* «борщ», *катлет* «котлета», *супн* «суп».

Как видно из приведенного материала, в названиях мясных блюд в большом количестве представлены заимствования из азербайджанского языка, что лишний раз подтверждают мнение о том, что курушцы имели давние и тесные связи с Азербайджаном.

Блюда из растений и другие продукты

Слова данной группы лексики делятся на: исконного происхождения и заимствованные из других неродственных языков.

К исконным относятся: *дедгъвер* (лит. *дудгъвер*) «сливочное масло», *зурар* (лит. *зурар*) «сухофрукты», *какацI* (лит. *кака*) «яйцо», *кхамбар* (лит. *кха^hбар*) «окрошка (из кислого молока, овощей и съедобных трав)», *къел* (лит. *къел*) «соль», *сурары^h кхамбар* «окрошка с травой», *уьртн* (лит. *вирт*) «мед», *nlēnlēla^h* (лит. *хъикъиф* «мятая и посыпанная солью крапива») «комочек мятой зелени», *чъодрийры^h кхамбар* «окрошка с мятой», *чъиргъи^h* (лит. *чъиргъи^h*) «кушанье из съедобных дикорастущих трав (которое употреблялось в голодные годы)».

К заимствованным относятся названия: тюрк. *къайгъанах* (лит. *къайгъанах*) «яичница», тюрк. *чъигъиртма* (лит. *чъигъиртма*) «*чъигъиртма* (кушанье из баранины или курицы, заправленное желтками яиц)», русск. *симешка* (лит. *семечка*) «семечко».

Список названий молочных продуктов приведен в разделе «Животноводческая лексика», поэтому нет необходимости приводить его здесь.

Заимствованная лексика

Основным ядром лексики курушского говора являются исконные слова, составляющие основной словарный фонд говора, его определяющее лицо. Однако лексика традиционно считается наиболее проницаемой и для иноязычного воздействия частью языка. Н.М. Шанский пишет, что «нет на земле такого языка, который был бы совершенно свободен от иноязычных влияний, так как ни один народ, носитель и творец того или иного языка не живет совершенно изолированной, обособленной жизнью» [Шанский 1964: 83].

Заимствование иноязычных слов возможно лишь тогда, когда «появляется новое понятие и потребности в новой лексической единице, а во взаимодействующем языке наличествует для этой цели подходящее слово» [Гайдаров 1966: 176].

Ощутимый вклад в развитие и обогащение словарного состава курушского говора внесли заимствования из русского, азербайджанского, арабского и персидско языков.

Самую большую группу заимствованных слов в настоящее время составляют русизмы – как исконно русские слова, так и интернациональные слова, пришедшие через русский язык.

Наименования средств передвижения и их частей: *машы* «машина», *пойизд* «поезд», *вагу* «вагон», *рул* «руль», *матур* «мотор», *самалутһ* «самолет», *ракетһ* «ракета», *парахутһ* «пароход», *луйтһкһве* «лодка».

Наименования людей по профессии, должности, и специальности: *духтур* «врач», *директур* «директор», *артистһ* «артист», *инджинар* «инженер», *министир* «министр», *пирсидатил* «председатель», *учһитил* «учитель», *завхуз* «завхоз», *косманафтһ* «космонавт», *зеведиш* «заведующий», *шофер* «шофёр».

Наименования документов и школьных принадлежностей: *чһертһеж* «чёртёж», *ручһка* «ручка», *албум* «альбом», *тефтер* «тетрадь», *линейка* «линейка», *бла* «бланк», *накладнуй* «накладной», *билитһ* «билет», *спрафка* «справка», *албум* «альбом», *фурма* «форма».

Наименования различных помещений, строений и других подобных понятий: *паркһ* «парк», *булвар* «бульвар», *кулуб* «клуб», *тийатыр* «театр», *бифетһ* «буфет», *аптекһ* «аптека», *ста* «станция», *вагзал* «вокзал», *зал* «зал», *артел* «артель», *ка* «контора».

Большое место в составе лексики курушского говора занимают заимствования из азербайджанского языка. Как и в литературном языке, большому притоку азербайджанских слов в курушский говор способствовали давние и широкие связи жителей Южного Дагестана, в том числе и курушцев, с Азербайджаном, а также отходничество [Хашаев 1959: 79-83; Рамазанов, Шихсайдов 1964: 143-239]. На территории Азербайджана находится несколько самостоятельных курушских сел. Это отмечает также А.Ш.

Вердыханов: «Курушцы раскиданы буквально по всей территории Азербайджана, начиная от Геогчайского и кончая Хачмасскими районами. Причем, есть села, состоящие в основном из курушцев: Еленовка, Агъяз, Сефербина и другие, где по 200-300 хозяйств» [Вердыханов 1998]. Курушцы проживают и в других селах Исмаилинского, Куткашенского, Шемахинского, Кусарского, Кубинского, Хачмасского районов республики Азербайджан. Такие давние и тесные экономические, культурные и торговые связи с Азербайджаном не могли не отразиться и на речи жителей села Куруш.

Как отмечает Р.И. Гайдаров, «азербайджанский язык играл и своеобразную посредническую роль: через него в лезгинский язык проникло большое количество арабских, персидских и даже русских слов» [Гайдаров 1966: 194].

Многие слова, заимствованные из азербайджанского языка, очень быстро укоренились в речи жителей Куруша. Это относится к названиям животных и растений, к предметам домашнего обихода, к названиям продуктов питания, одежды, обуви и т.д.

Названия животных: *дана* «теленоч», *лачһы* «сокол», *чһалагъа* «коршун», *дурна* «журавль», *къаз* «гусь», *джейра* «жейран», *асла* «лев», *чакъал* «шакал», *ары* «пчела», *чепельыкь* «бабочка», *къуш* «птица», *байкъуш* «сова», *уърдег* «утка», *дуйгве* «телка», *шекһ* «ярка», *деве* «верблюд», *къаргъа* «ворона», *суьруь* «отара», *нехир* «стадо».

Названия растений: *уьзуйм* «виноград», *йемиш* «дыня», *къабах* «тыква», *дуйгуь* «рис», *къабых* «кора, шелуха», *пһахла* «фасоль», *и* «инжир», *къарагъадж* «карагач, вяз», *шамагъадж* «сосна», *пһартһахал* «апельсин», *чһугъудур* «свекла», *истивутһ* «перец», *къамыш* «камыш».

Названия продуктов питания: *лаваш* «лаваш», *дулма* «долма», *къавырма* «жаркое», *былама* «молозиво», *базламачһ* «хлеб из дрожжевого теста», *къайгъанах* «яичница», *шиш* «шашлык», *аш* «плов», *суьзме* «процеженное

кислое молоко», *дулдурма* «колбаса местного приготовления».

Названия предметов домашнего обихода: *тһава* «сковорода», *чһувал* «мешок», *кӷаб* «шкатулка», *гьрарар* «лестница», *наджах* «топор», *серничӷ* «подойник», *суьзекӷ* «цедило», *маша* «щипцы (для углей)», *саджийах* «треножник», *кӷалпһалах* «крышка», *кӷаджгӷа* «кастрюля», *садж* «металлический круг (на котором пекут хлеб)», *йиге* «напильник», *кӷифтӷ* «лейка».

Названия одежды, обуви: *итӷкӷу* «чохта», *чекӷме* «туфли», *баилых* «башлык», *дулахар* «обмотки», *йайлух* «платок (носовой)», *хӷултӷух* «нагрудной карман», *шатһалар* «изношенные шерстяные носки».

Названия людей, их занятий и частей тела: *дишегӷли* «женщина», *кӷу^нши* «сосед», *игит* «герой», *угъраш* «подлец», *кӷаравул* «сторож», *кӷари* «старуха», *чһагӷа* «новоорожденный», *кӷасабчӷи* «мясник», *устар* «мастер», *эркӷекӷ* «мужчина», *суна* «красавица», *айаси* «хозяин», *бала* «дитя», *даба^н* «пятка», *джалгӷа* «сустав», *далы* «спина», *ичһалатһар* «внутренности», *билек* «запястье», *кӷалчӷах* «ягодица, седалище», *чһавучӷи* «аульный глашатай».

Прилагательные: *дуьз* «ровный», *дири* «живой, энергичный», *йаваш* «медленный», *дели* «сумасшедший», *дарых* «скудный, тоскливый», *йазых* «жалкий», *четӷи^н* «трудный», *кӷакӷыр* «кривой», *кӷыбытӷ* «тупой», *дери^н* «глубокий», *тӷух* «сытый», *дар* «узкий», *сагӷ* «здоровый», *агӷыр* «тяжелый», *кӷуру* «сухой», *герекӷ* «нужный, необходимый», *гуьзел* «красивый», *чӷпыр* «рябой», *гедж* «поздний», *айры* «отдельный», *ди^ндж* «спокойный» и т.д.

Заметное место среди иноязычных заимствований занимают арабизмы, которые в настоящее время представляют постепенно убавляющийся по объему и значению лексический пласт иноязычных слов.

Основной причиной притока арабских слов в лезгинский язык было принятие лезгинами ислама. Как отмечает

Р.И. Гайдаров, «распространению арабского языка, в частности усвоению лезгинским языком лексических единиц арабского языка, косвенно помогало еще и то, что в других восточных языках, которые имели широкие контакты с лезгинским языком, то есть в иранском и азербайджанском языках, наличествовало большое количество арабизмов» [Гайдаров 1966: 191-192].

В курушском говоре встречаются следующие лексико-семантические группы арабизмов:

Слова, связанные с религией и мифическими понятиями: *аллагӷ* «Аллах», *валлагӷ* «ей-богу!», «клянусь богом!», *дугла* «молитва», *има^н* «вера, религиозная убежденность», *кӷафир* «гяур, неверующий», *кӷурба^нд* «жертвоприношение», *рехӷмаьтӷ* «прощение, помилование (усопшего)», *садакӷа* «искупительная жертва», *хӷалал* «дозволенный, разрешенный (по шариату)», *хӷарам* «запрещенный шариатом», *шайтӷла^н* «шайтан».

Наименования отдельных предметов: *алатӷ* «инструмент», *гьегге* «переметная сума», *глаба* «халат широкого покроя», *везнейар* «газыри», *жиби^н* «карман», *зад* «вещь», «предмет», *йакӷутӷ* «яхонт», *кӷиле* «киле (мера сыпучих тел, равная приблизительно 2,5 килограммам зерна)», *кӷтаб* «книга», *лиэн* «подкова», *масмар* «гвоздь», *махӷсул* «посев, урожай зерновых», *ме^ншер* «пила», *мелхӷем* «целительное средство, бальзам», *мес* «постель», *сагламӷ* «часы», *сагӷбы^н* «мыло», *сукӷра* «пиала», *сымах* «молотый барбарис», *сыфра* «скатерть», *шала* «вязанка», *шкил* «изображение, картина».

Наименования людей и связанных с ними понятий: *агӷанат* «шутка», *айал* «дитя», *алим* «ученый», *бала* «дитя», *беде^н* «тело», *веси* «завещание», *гӷавас* «болезнь», *Глакӷыл* «ум, рассудок», *Гламыр* «жизнь», *Глаьйиб* «стыд, позор», *давра^н* «привольное житье», *дамах* «гордость, высокомерие», *джаваб* «ответ», *джегӷил* «юноша», *загӷийиф* «слабый», *залым* «тиран», *икӷрам* «поклонение», *има^н* «вера, религиозная убежденность», *и^нса^н* «человек»,

йетһим «сирота», *капачһ* «кисть руки», *кафа*^h «саван», *кһераматһ* «истина, правда», *кһеф* «наслаждение», *къя-дир* «благодарность», *къял* «скандал», *къям* «горе, скорбь», *къяватһ* «сила», *маьгӀлим* «учитель», *мейитһ* «покойник», *меслегӀатһ* «совет», *минетһ* «просьба», *мыкъя* «близкий человек», *мырас* «родич, родня по отцовской линии», *накӀаб* «прозвище», *намус* «совесть», *нефес* «дыхание», *пехил* «завистливый», *рази* «довольный», *рехӀаьтһ* «легкий», *сефигь* «глупый, бестолковый», *фикир* «мысль», *хаджалатһ* «горе, скорбь», *халкь* «народ», *халу* «дяди (со стороны матери)», *хесийетһ* «характер», *хийял* «мысль», *хӀал* «состояние здоровья».

Названия отвлеченных понятий из области общественно-политических и экономических отношений: *азийатһ* «мучение», *алем* «народ», *ватһа*^h «родина», *гьякьи* «оплата», *деветһ* «богатство», *дагӀва* «сражение», *зегьметһ* «труд», *икърар* «согласие», *иктияр* «разрешение», *махӀрум* «лишенный (чего-л.)», *мисибатһ* «бедствие, трагедия», *таъсир* «влияние».

Названия помещений и строений: *бина* «фундамент», *дараматһ* «здание», *йери-бина* «местожительство», *къяла* «крепость», *мекһтеб* «школа», *меркһез* «столица», *миски* «мечеть», *тһевле* «конюшня», *тһуькве*^h «магазин», *хӀамам* «баня».

Названия животных: *балыгь* «рыба», *билбил* «соловей», *ваьхӀиши* «дикий», *джи*^hс «род, вид», *кһабаши* «комоль, безрогий», *къярба*^h «жертвенное животное», *маймы*^h «обезьяна», *тһартһа* «большая собака», *фил* «слон», *хӀайва*^h «животное» и т.д.

По сравнению с другими группами заимствованных слов персизмы в словарном составе курушского говора составляют небольшую по количеству группу заимствований. Из персидского языка заимствованы, в основном, слова, обозначающие названия предметов домашнего обихода: *бади* «пиала», *гамар* «ковровые изделия», *Глафтафа* «кумган (для омовения)», *дезге* «верстак»,

кавча «половник», *кһа*^hтӀ «большой нож», *кенһкһур* «шумовка», *кашу* «веревка», *къяб* «посуда», *къяблама* «кастрюля», *пһала*^h «вьючное седло», *пер* «лопата», *тах-та* «доска», *тһерез* «весы», *тһийан* «корыто», *сини* «медная тарелка», *халичһа* «ворсовый ковер», *хъеме* «шашка», *хакһ* «колышек», *чарх* «колесо», *чахра* «прялка», *чһайда*^h «чайник», *чһыкӀыл* «нож», *шуьше* «бутылка».

Названия, связанные с понятием «человек», «деятель»: *абыр* «достоинство, приличие», *бахтһ* «счастье», *бахтавар* «счастливец», *гада* «мальчик», *гарда*^h «шея», *гаф* «слово», *гъараа* «крик», *дарма*^h «лекарство», *дердер* «горе, скорбь», *дустһ* «друг», *дышма*^h «враг», *зегьле* «душа», *зурба* «громадный», *йар-дуст* «друг», *кһас* «человек», *качһал* «парша», *лал* «немой», *лежбер* «крестьянин», *магьма*^h «гость», *неве* «внук, внучка», *пачагь* «царь», *пашма*^h «печальный, грустный», *серкер* «старший чабан», *тһай* «ровесник», *тһенпһел* «ленивый», *хиза*^h «семья», *ча*^h «душа», *чһыба*^h «чабан», *шакӀыртһ* «помощник».

Названия одежды: *астар* «подкладка», *зы*^hджыр «цепочка», *кһавал* «тулуп», *кагьраба* «янтарь», *кһелегья* «тонкий шелковый платок», *кыртһ* «шуба», *личекһ* «платок», *назнази* «газовый платок», *партһал* «одежда», *пегьрем* «рубашка», *чһухва* «черкеска», *шал* «платок», *шалам* «чарык», *шаршав* «чадра».

Названия растительного и животного мира: *алчһа* «алыча», *багь* «сад», *баьгӀли* «вишня», *беневша* «фиалка», *гергер* «овес», *джанавыр* «волк», *джи*^hга «бык», *зарпа*^hд «недоуздок», *казар* «морковь», *канаб* «конопля», *кһвакһ* «червь», *кһелем* «капуста», *кһишиниши* «кориандр», *къяртһыз* «арбуз», *къяв* «земляная груша», *нар* «гранат», *михекһ* «гвоздика», *мерчекһ* «комар», *нахутӀ* «горох», *пһеле*^hг «тигр», *рамаг* «табун», *тамбыл* «сорт слив», *хурма* «хурма», *чакъял* «шакал», *чӀагь* «галка», *шамбалыг* «каштан» и т.д.

Полисемия

В курушском говоре обнаруживается большое количество слов, выражающих одно понятие: *гъаьфте* «неделя», *иви* «кровь», *шиир* «стихотворение», *сав* «толокно», *вацI* «река», *рыцIыгул* «долото» и т.д.

Наряду с однозначными словами в говоре встречается также много слов, выражающих два, три и более значений. Обычно одно и то же название получают слова, выражающие сходство предметов, явлений и т.д.: *кыкацI* 1) «яйцо» 2) детск. «голова», *кIар* 1) «скалка» 2) «ступенька (деревянной лестницы округлой формы)», *шкил* 1) «изображение, рисунок, фотография» 2) «форма, вид; очертания; образ» 3) «физиономия», *регь* 1) «расческа, гребешок» 2) «гребень (для расчесывания шерсти)», *тIур* 1) прыщ» 2) бот. «почка», *тIыс* 1) «клюв» 2) «носик (чайника)», *кIвачI* анат. 1) «нога» 2) «ножка (мебели)», *дабаⁿ* 1) анат. «пятка» 2) «каблук», *далы* 1) «спина» 2) перен. «опора, поддержка», *чиⁿ* «лицо» 2) «страница», *хев* 1) «шея» 2) «воротник».

Омонимия

Если при полисемии разные значения одного слова связаны между собой по смыслу, то при омонимии одинаково звучащие слова не связаны между собой по смыслу.

Примерами омонимии, т.е. звукового совпадения двух или нескольких единиц, но различных по значению, в говоре являются: *кьил* «голова» – *кьил* «танец», *кьир* «тюль» – *кьир* «заяц», *кваквар* «пуговицы» – *кваквар* «петля (в ковроткачестве)», *кьиⁿ* «клятва» – *кьиⁿ* «умереть», *туⁿ* «класть, вставлять что-либо» – *туⁿ* «брить (бороду, голову)», *кьвал* «дождь» – *кьвал* «бок», *кьиб* «лягушка» – *кьиб* «зеленая пряжа» – *кьиб* «желток яйца», *кьил* «голова» – *кьил* «крышка» – *кьил* «танец» – *кьил* «соль», *хыⁿ* «ломать» – *хыⁿ* «бязь», *гьава* «воздух» – *гьава* «мелодия» – *гьава* «этаж» (*са гьавазин кIвал* «одноэтажный дом»).

В говоре обнаружены случаи образования омонимов в результате действия грамматических причин, т.е. образование омонимов в результате совпадения звучания отдельных грамматических форм: *тур* «ложка» – *тур* «вложи» (*гьил джибинза тур* «положи руки в карман»), *кыр* «миска» – *кыр* «горячий» (*кыр йад* «горячая вода»), *кьацы* «зеленый» – *кьацы* «возьми» (*фу кьацы* «возьми хлеб»), *йикь* «талия» – *йикь* «умри» (*гьакIа йикь* «умри так»).

Синонимия

В исследуемом говоре наблюдаются случаи, когда один и тот же предмет имеет два или более названий, характеризуя его с различных точек зрения: *гьрмагь* // *баджа* «дымоход», *кIыф* // *сив* «рот», *тIишиⁿ* *тIоькхоьр* // *тIишиⁿ* *хилер* «ноздри», *чиⁿ* // *мангал* «серп», *кыр* // *циⁿг* «миска», *кIвачI* // *кIыр эцегIыⁿ* «пинать ногой», *тилка* // *лабада* «безрукавка». В данных примерах синонимы принадлежат к одной и той же части речи и выступают как взаимозаменяемые элементы высказывания. Широко развитая синонимия говорит о богато развитой лексике говора.

В говоре синонимы образуются не только за счет внутренних средств самого говора, но и заимствованием слов из других языков.

Зафиксированы случаи, когда все элементы синонимического ряда заимствованы из разных языков: перс. *хесте* // перс. *нахуш* // тюрк. *Газарлы* «больной», араб. *бина* // русск. *фундаментI* «фундамент», тюрк. *кьым* // перс. *шим* «песок», русск. *капратив* // араб. *тIхуьквен* «магазин», русск. *балница* // тюрк.-перс. *хестехана* «больница», перс. *кIитабхана* // русск. *библиотека*, араб. *мекIттеб* // русск. *школа* «школа», тюрк. *чIывал* // русск. *машух* «мешок», араб. *гьебге* // перс. *хурджиⁿ* «переметная сумка», тюрк. *чIадра* // перс. *шаршав* «чадра, паранджа»,

тюрк. *даркһал* // русск. *киледур* «коридор», перс. *дарма* «хана» // русск. *апте-кһ* «аптека», тюрк. *шувше* // русск. *патулка* «бутылка», тюрк. *кьаргьа* // перс. *члагь* «ворона».

Синонимический ряд, в котором один элемент составляет исконное слово, другой – заимствованное: тюрк. *уьзум* // *чһипицӀ* «виноград», тюрк. *айры хьы* // *чара хьы* «отделяться», араб. *ха* «джал» // *канһыр* «кинжал», перс. *хуьрекһзаа кӀвал* // *цӀы* «кӀвал» «комната, где семья обычно проводит свое время», тюрк. *йаба* // *кьуькһ* «вилы», русск. *кирпичӀ* // *ла* «гватӀ» «кирпич», тюрк. *йастых* // *хьуьцӀуьга* «подушка», перс. *глафтафа* // *пһарчӀ* «кумган (для омовления)», перс. *кһелегьа* // *пӀацӀ* «тонкий шелковый платок», тюрк. *гуьрзейар* // *пһичӀлекар* «пельмени», араб. *хӀалва* // *эсида* «халва», перс. *захутӀ* // *кһа* «да» «уборная».

Антонимия

Главным признаком антонимов является: противоположность семантики, т.е. объединение слов друг с другом по противоположным значениям: *дири* «быстрый» – *йаваш* «медленный», *йергьы* «длинный» – *чӀуьруь* «короткий».

Не все слова могут иметь антонимичные пары. Антономические пары не могут образовать числительные и некоторые местоимения. Наиболее богатым является антономический ряд, состоящий из имен прилагательных: *йекһе* «большой» – *гьвечи* «маленький», *фырагь* «широкий» – *дар* «узкий», *пашма* «грустный» – *шад* «радостный», *кьайи* «холодный» – *чһими* «теплый», *экһуь* «светлый» – *мичӀи* «темный», *айар* «хороший» – *пһис* «плохой», *дуьз* «прямой» – *патахь* «кривой», *хьса* «хороший» – *пһис* «плохой», *кьакьаа* «высокий» – *аскаа* «низкий», *йацӀы* «толстый» – *шкы* «тонкий», *фарташ* «некрасивый» – *шумшатӀ* «красивый», *кһуькһ* «жирный, толстый» – *йаху* «худой», *шитӀ* «пресный» – *чӀуь* «соленый», *шири* «сладкий» – *аджи* «горький», *хци* «острый» – *кьери* «ту-

пой», *джегьыл* «молодой» – *кьизи* «старый», *икьы* «густой» – *дуру* «жидкий», *чӀехи* «старший» – *гьвечи* «младший», *лацы* «белый» – *чӀылав* «черный», *пӀиркьы* «слепой» – *экһуь* «светлый».

Антономические пары, образованные из имен существительных: *йиф* «ночь» – *йигь* «день», *инса* «человек» – *хӀайва* «животное», *тапарар* «ложь» – *тырысар* «правда», *эвел* «начало» – *эхир* «конец», *кьид* «зима» – *гад* «лето», *кье* «внутренность» – *кьецӀ* «наружность», *чил* «земля» – *цав* «небо», *суал* «вопрос» – *джаваб* «ответ», *ватһа* «родина» – *гьурбатӀ* «чужбина».

Антономические пары, состоящие из двух глаголов: *аты* «приходить» – *хьфи* «уходить», *ацӀукьуь* «садиться» – *кьарагьуь* «вставать», *хьиркьы* «смеяться» – *иши* «плакать», *ту* «вкладывать» – *акьуду* «вытаскивать», *рагьулару* «мутить» – *элчифару* «очистить (от мути)», *кӀеву* «закрывать» – *ачихы* «открывать», *хьелу* «ссориться» – *уьхтӀкһуь* «мириться».

Антономические пары, образованные из наречий: *пара* «много» – *темил* «мало», *фаз* «рано» – *гедж* «поздно», *ина* «здесь» – *ана* «там», *ыкьыиз* «днем» – *ифиз* «ночью», *экһеныз* «утром» – *негьеныз* «вечером».

Антропонимика

До недавнего времени личные имена в лезгинском языке специально не исследовались. Начиная с 60-х годов личные имена рассматриваются в работах Р.И. Гайдарова [1966], У.А. Мейлановой [1976: 199-206], Э.Я. Сафаралиевой [1994], Н.Ш. Абдулмуталибова [2004] и в газетных статьях Д. Ахмедова [Дагправда 1967] и А.Г. Гюльмагомедова, Ш.-Э. Мурадова [газ. «Коммунист» 1967].

Большой вклад в исследование личных имен лезгин и других народов внесли известные ученые А.В. Суперанская [1969; 1970; 1973; 1977; 1980; 1981] и В.А. Никонов [1974; 1976; 1988].

Собственные имена таят в себе драгоценный материал для истории, этнографии, языкознания, могущие осветить многое, пока еще недоступное науке» [Ономастика Кавказа 1976: 4].

Антропонимия курушцев имеет свои особенности. В ней отражается бытовой уклад жизни, развитие культуры и мировоззрение народа, экономический и политический строй. В частности, на своеобразии антропонимов лезгинского языка было обращено внимание Р.И. Гайдарова. В предисловии к «Словарю лезгинских личных имен» Н.Ш. Абдулмуталибова Р.И. Гайдаров пишет, что «закономерности становления и развития лезгинской антропонимии в основном такие же, какие характерны для многих других языков. Вместе с тем лезгинский именослов имеет ряд своеобразных черт, которые отличают его от других. К ним можно отнести: а) сильное сокращение имен, мотивированных исконно лезгинскими нарицательными словами б) заимствование значительного количества имен восточного (арабского, персидского, тюркского, монгольского) происхождения в) все более усиливающаяся тенденция к обновлению. Эти особенности характеризуют антропонимические системы, в частности, корпус персональных имен и других дагестанских народов. Однако каждая из названных особенностей в лезгинском языке проявляется сравнительно глубже и интенсивнее [Гайдаров 2004: 11].

Антропонимия курушского говора также имеет свои особенности. Она разнообразна как в плане структурно-семантическом, так и по происхождению.

Известный советский специалист по антропонимии В.А. Никонов пишет, что «у большинства народов выбор имени определен обычаем, у разных народов очень разным, но почти всегда связанным с суевериями» [Никонов 1974: 145]. Сказанное известным ученым В.А. Никоновым относится и к личным именам курушцев.

У курушцев, как и у других народов Дагестана, при выборе имени наблюдаются свои обычаи и традиции.

Обычно имя новорожденному дают старшие члены в семье – дедушка, бабушка. Сейчас иногда эти традиции нарушаются. Называть именем ребенка могут позволить и старший брат, сестра и др.

У курушцев, как и у других народов Дагестана, сохранились пережитки и суеверия, связанные с нареканием детей. Так, например, детям давались имена умерших – матери, отца, дедушки, бабушки. Часто в таких семьях, в которых ребенок назван именем предка, имя умершего не называлось, а вместо него называлось: *Быба* > *Баа* «отец», *Диде* > *Дее* «мама», *Бада* «бабушка», *Чехиба* «дедушка», т.е. нарицательные имена *быба* > *баа* «отец», *диде* > *дее* «мать», *бада* «бабушка», *чехибаа* «дедушка» перешли в разряд собственных имен.

Идионимы курушцев по своему происхождению делятся на исконные и заимствованные. Основную массу идионимов курушцев составляют заимствованные имена. Исконных имен по сравнению с заимствованными в курушском говоре ограниченное количество. Это явление наблюдается и в других дагестанских языках. Это утверждает и И.Х. Абдуллаев, который отмечает, что «в каждом из дагестанских языков имеется небольшое число личных имен, возникших на базе исконного лексического материала данного языка. Эти имена очень конкретны и связаны с фауной, флорой, атрибутивными именами и т.д.» [Абдуллаев 1970: 13]. Исконными идионимами в курушском говоре, на наш взгляд, являются: *Алей* (ж), *Амһа* (м), *Къирйад* (м), *Пһирйал* (м), *Сувар* (ж), *Тһавратһ* (ж), *Чһуру* (м) и др.

В антропонимии курушцев большое место занимают заимствования из арабского, персидского, тюркских и русского языков. Основное место среди идионимов занимают мусульманские (арабские) имена, проникшие в го-

вор, а также в другие лезгинские диалекты и дагестанские языки после принятия ислама: *Билал* (м) «исцеляющий, оздоравливающий», *Вагъаб* (м) «вседарящий», *Вагъид* (м) «единственный, единый», *Гъаджи* (м) «положник», *Гъуьсейн* (м) «добрый, хороший», *Джабар* (м) «могущественный, всемогущий», *Джалал* (м) «величие, слава, блеск», *Дженнетһ* (ж) «рай», *Кхамал* (м) «совершенство», *Кһерим* (м) «великодушный, щедрый», *Къурба*^н (м) «жертва», *Мелекһ* (ж) «ангел», *Рамаза*^н (м) «девятый месяц, арабского лунного календаря», *Расул* (м) «посланник бога», *Рашид* (м) «предводитель, ведущий», *Салма*^н (м) «благополучный», *Султһа*^н (м) «повелитель, император», *Савълаьтһ* (ж) «час; часы», *Фатһума* (ж) «отнятая от материнской груди», *Эмина* (ж) «находящаяся в безопасности», *Эли* (ж) «основная» и т.д.

В курушском говоре, кроме арабских, встречаются идионимы иранского происхождения: *Азад* (м) «свободный, вольный», *Гуьлизар* (ж) «цветник», *Джавагъыр* (ж) «драгоценности», «жемчуг», *Джумартһ* (м) «щедрый, смелый, отважный», *Зилфи* (ж) «обладательница локонов», *Навруз* (м) «родившийся в иранский праздник нового года – навруз», *Нигер* (ж) «возлюбленная, красавица», *Пһанагъ* (м) «прибежище, убежище», *Умуд* (м) «надежда, мечта», *Шири*^н (м) «сладкий».

Немало антропонимов заимствовано курушским говором из азербайджанского языка, с которым курушцы имели давние и тесные контакты. О большой роли в развитии и обогащении словарного состава лезгинского языка и о тесных и широких связях лезгин с Азербайджаном Р.И. Гайдаров пишет: «С носителями тюркских языков лезгины имеют давние и широкие контакты, наиболее существенными из которых являются соседство проживания, вековые хозяйственные связи, особенно жителей Самурской долины, проводящих зимовку скота на территории Азербайджана, отходничество лезгин в тюркоязычные районы

для выполнения сезонных сельхозработ, для работы на нефтяных промыслах в Баку и на рыбопромыслах Дагестана и Азербайджана. ... Все это не могло не отразиться на языке и культуре лезгин в том числе и на антропонимии последних» [Гайдаров 2004: 21].

Идионимами тюркского происхождения в курушском говоре являются: *Агъа* (м) «господин, создатель», *Агъалар* «господин, господь», *Багъиш* (м) «подарок», «даренный», *Байрам* (м) «праздник», *Бейбала* «крепкий ребенок», *Гуьзел* (ж) «прекрасная», *Гуьл* (ж) «цветок», «красивая», «понравиться», *Къызтһер* (ж) «хватит девочек», *Къафла*^н (ж) «тигр», *Къили*^н дж (м) «сабля, меч», *Сайдум* (м) «любимое зелье», *Суна* (ж) «птица с красивым оперением», «фазан», *Тһелли* (ж) «украшенная (золотом)», *Шагълар* (м) «царь царей», *Эддер* (м) «предводитель».

В единичных случаях в говоре встречаются заимствованные из русского языка идионимы: *Аликһ* (м), *Алиса* (ж), *Альберт* (м), *Альбина* (ж), *Зал* (м), *Зарема* (ж), *Зина* (ж), *И*^н дира (ж), *Маруся* (ж), *Наталья* (ж), *Русл*^н (м), *Тамара* (ж), *Таня* (ж), *Тофикһ* (м), *Света* (ж) (сокращенный вариант от русск. *Светлана*).

Семантика курушских идионимов различна. Они могут обозначать:

1) названия животных (зооантропонимы): *Акул* (м) «акула», *Асла*^н (м) «лев», *Дурна* «журавль», *Джейра*^н (ж) «джейран», *Лачһи*^н (м) «сокол», *Марал* (ж) «марал», *Павус* (ж) «павлин», *Пһеле*^н г (м) «тигр», *Тһарла*^н (м) «сокол», *Эмирасла*^н (м) «правитель, подобный льву».

2) Названия металлов и драгоценных камней: *Алмаз* (м) алмаз», *Гевгъер* (ж) «жемчуг; драгоценный камень», *Даидемир* (м) «камень и железо», *Демир* «железо», *Джавагъыр* (ж) «драгоценный камень; жемчуг», *И*^н жиханым (ж) «жемчуг, перл и госпожа», *Йакъутһ* (м) «яхонт», *Къизил* (ж) «золото», *Къызылгуьл* (ж) «роза», *Лале* (ж) «рубин», *Пһулатһ* (м) «сталь», *Тһемир* (м) «железо».

3) Имена, обозначающие титулы, сан, звания: *Бикхе* (м) «барыня, госпожа», *Везир* (м) «визирь», *Векил* (м) «уполномоченный, доверенное лицо», *Къази* (м) «воитель за веру»; «судья», *Къули* (м) «раб», *Къурба^н* (м) «пожертвованный», *Муриид* (м) «духовный отец», *Султа^н* «султан», *Седри* (м) «глава, председатель, руководитель, лидер», *Узде^н* (м) «узденъ, свободный, зажиточный крестьянин», *Шагь* (м) «царь, правитель», *Шамхал* (м) «княжеский титул Дагестана», *Экхбер* (м) «великий, старший», «величайший».

Имена с подобными значениями ныне потеряли свое первоначальное значение. «Однако подобные имена, – как пишет В.А. Никонов, – сохранили окраску «высокого стиля», служа как бы выражением привилегированности или стремлений к ней» [Никонов 1976: 207].

4) Идионимы, отражающие временные понятия: *Байрам* (м) «праздник», *Къурба^н* (м) «праздник жертвоприношения», *Навруз* (м) «иранский праздник Нового года», *Рамаза^н* (м) «родившийся в месяц Рамазан (в месяц поста)», *Сувар* (ж) «праздник».

5) Имена, выражающие пожелания и надежды родителей: *Билал* (м) «здоровый», *Гъава* (ж) «воздушная, нежная», *Гъабзиз* (ж) «великий, величественный», *Джумарт^н* «щедрый», *Игит^н* «герой», *Кхамал* (м) «совершенство», *Къагьрима^н* (м) «победитель», *Мурад* «желанный», *Нигер* «красавица», *Рагьма^н* (м) «милостивый», *Регьим* (м) «милосердный», *Умуд* «надежда, мечта», *Шири^н* (м) «прелестный», *Шукхур* (м) «благородный», *Эрзима^н* «желанный».

6) В курушском говоре встречаются также идионимы, восходящие к географическим названиям, гидронимам: *Кайтаг* (м) «Кайтаг (название района Дагестана)», *Кырым* (м) «Крым», *Мегьке* (ж) «Мекка», *Медина* (ж) «Мидина», *Самур* (м) «река Самур в Южном Дагестане», *Суврегьа*

(ж) «населенный пункт в Азербайджане», *Тавриз* (ж) «город Тавриз», *Терек* (м) «река Терек».

7) Собственные имена образуются от нарицательных имен: *Гуьл* (ж) «цветок», *Дженнет^н* (ж) «рай», *Къизил* (ж) «золото», *Къилиндж* «сабля, меч», *Набат^н* (ж) «росток, растение», *Некъи* (ж) «клубника», *Насир* (м) «помощник, друг», *Расим* (м) «картина, портрет», *Урудж* (м) «мусульманский пост, ураза».

В структурном отношении идионимы курушцев различны. Они могут быть простыми и сложными.

К простым антропонимам относятся: *Агъа* (м), *Азад* (м), *Ат^н* (м), *Газим* (м), *Гали* (м), *Иса* (м), *Мина* (ж), *Муса* (м), *Наби* (м), *Наси* (ж), *Пхир* (м), *Суна* (ж), *Шагь* (м), *Эсли* (ж). А.В. Суперанская отмечает, что «одноименные системы наиболее древние, так как они связаны с примитивной стадией развития общества» [Суперанская 1969: 62].

Наиболее распространенными в курушском говоре являются сложные идионимы. В.А. Никонов подчеркивает, что «у народов, подвергшихся исламу, наиболее распространены двусоставные (составные) названия» [Никонов 1976: 207].

Многие идионимы курушцев образованы соединением двух самостоятельных слов. В основном они заимствованы из арабского, персидского и азербайджанского языков: *Агъасенем* (ж), *Абдулазиз* (м), *Абдулжалил* (м), *Абдулхалик* (м), *Абдулхалил* (м), *Алимердан* (м), *Алимирзе* (м), *Гъаджибаба* (м), *Гъаджимурад* (м), *Наврузали* (м), *Нурмегьемед* (м), *Пхирмурад* (м), *Уруджали* (м), *Шагьмурад* (м), *Шихкхерим* (м), *Шихрехлим* (м).

В целом ряде самостоятельные нарицательные имена *ха^н* «хан», *бег* // *бек* «правитель, господин», *агъа* «господин», *ханум* «госпожа», *гуьл* «цветок», *ди^н* «вера», *къули* «преданный, верный» (букв. «раб»), *баба* «отец», *аллагь* // *алла* «Господин, Бог», *верди* «(он, Бог) дал», перен. «бого-

данный» и т.д. выступают в качестве одного из компонентов сложных личных имен:

1) имена с компонентом *аллагъ* // *алла*: *Бейдуллагъ* (м), *Гъабибуллагъ*(м), *Гъейбетһулла* (м), *Джаруллагъ* (м), *Насрулла* (м), *Семедуллагъ* (м), *Фейзулла* (м), *Фегърулла* (м).

2) Имена с компонентом *агъа* «господин, создатель»: *Агъабала* (м), *Алиагъа* (м), *Агъадаш* (м), *Агъакерим* (м), *Агъакһиши* (м), *Агъамурад* (м), *АгъарахӀим* (м), *Агъаризе* (м), *Агъаселим* (м), *Агъмедагъа* (м), *Бегимагъа*(ж), *Гъажиагъа* (м), *Мирзегъа* (м), *Мурадагъа* (м), *Шихагъа* (м), *Эмирагъа* (м).

3) Имена с компонентом *баба* // *быба* // *ба* «отец»: *Гъажыбыба* (м), *Ха^нба* (м), *Шагъбыба* (м), *Шихбаба* (м).

4) Имена с компонентом *верди* «(он, Бог) дал», перен. «богоданный»: *Агъаверди* (м), *Аллаверди* (м), *Аливерди* (м), *Гъадживерди* (м), *Мурадверди* (м), *Пһирверди* (м), *Тһариверди* (м).

5) Имена с компонентом *бег* // *бек* «правитель, господин», *Агъабег* (м), *Алибек* (м), *Амирбек* (м), *Балабег* (м), *Велибег* (м), *Къалабег* (м), *Кһичибег* (м), *Мирзабекһ* (м), *Сефербег* (м), *Сефибекһ* (м), *Хейирбег* (м).

6) Имена с компонентом *дин* «вера»: *Балади^н* (м), *Зийади^н* (м), *Мизамеди^н* (м), *Миреди^н* (м), *Муьгъуьди^н* (м), *Нисреди^н* (м), *Нуреди^н* (м), *Нуруди^н* (м), *Седреди^н* (м), *Сейфеди^н* (м), *Сиражитһиди^н* (м), *Шамсуди^н* (м), *Шемседи^н* (м).

7) Имена с компонентом *ха^н* «правитель»: *Агълидха^н* (м), *Алиха^н* (м), *Амирха^н* (м), *Атлуха^н* (м), *Бедирха^н* (м), *Велиха^н* (м), *Вердиха^н* (м), *Герейха^н* (м), *Гъаджиха^н* (м), *Джигерха^н* (м), *Исмиха^н* (м), *Кһелбиха^н* (м), *Кһеремха^н* (м), *Кһеримха^н* (м), *Къараха^н* (м), *Кһасымха^н* (м), *Мисриха^н* (м), *Мурадха^н* (м), *Рагъымха^н* (м), *Ризаха^н* (м), *Римиха^н* (м), *Саруха^н* (м), *Сефиха^н* (м), *Тһеллиха^н* (ж), *Тһемирха^н* (м), *Урдуха^н* (м), *Фетһиха^н* (м), *Шекһерха^н* (м), *Эрзиха^н* (ж).

8) Имена с компонентом *къули* «преданный, верный»: *Аллагъкъули* (м), *Аликъули* (м), *Ма^нкъули* (м), *Мегъемедкъули* (м), *Пһиркъуьли* (м), *Ризакъуьли* (м), *Сеферкъуьли* (м), *Тһарикъуьли* (м), *Хизрекъуьли* (м).

9) Имена с компонентом *гуьл* «цветок»: *Гуьлахмед* (м), *Гуьлбала* (м), *Гуьлжамал* (ж), *Гуьлзаман* (ж), *Гуьлизар* (ж), *Гуьлназ* (ж), *Гуьлнисе* (ж), *Гуьлчимен* (ж), *Ширвангуьл* (ж).

10) Имена с компонентом *ханум* «госпожа»: *Агъаханум* (ж), *Зуьбаханум* (ж), *И^нджиханум* (ж), *Къизханум* (ж).

В последнее время наблюдается тенденция замены сложных имен, состоящих из двух значимых компонентов, оригинальными и благозвучными простыми идионами: *Аида* (ж) «польза», *Амир* (м) «правитель, предводитель», *Ариф* (м) «ученый, мудрый», *Бахтийар* (м) «счастливый, благословенный», *Гъабзиз* (м) «великий, величественный, могущественный, дорогой», *Игитһ* (м) «герой, удалец», *Наура* (ж) «лучезарная, сияющая», *Нур* (м) «свет, сияние», *Саид* (м) «счастливый, успешный», *Энвер* «свет, лучезарный».

Следует отметить, что в курушском говоре встречается целый ряд названий личных имен, принимающий в ауслауте *й*, происхождение которого трудно объяснить. Возможно, они являются звательными формами: *Азай* (м), *Алей* (ж), *Бабай* (м), *Бабахай* (м), *Балай* (м), *Бутһай* (м), *Бухсай* (м), *Герей* (м), *Качһай* (м), *Къатһай* (м), *Къанбай* (м), *Садай* (м), *Хасай* (м).

Как видно из приведенного материала, в именнике курушцев обнаруживаются некоторые общие тенденции динамики имен других народов Дагестана, а также свои собственные особенности.

Для курушской антропонимии характерно стремление закрепить в имени новорожденного память об умершем близком человеке, стремление отразить в имени дух эпохи.

Именник любого народа постоянно пополняется и изменяется. Как отмечает В.Д. Бондалетов, «антропонимическая система живого языка подвижна не только в диахроническом плане (меняется состав имен, характер их использования в речи и т.п.), но и в синхронном (имена, употребляющиеся в конкретный период жизни языка, взаимосвязаны и взаимодействуют между собой)» [Бондалетов 1970: 92].

В пополнении и обогащении антропонимической системы курушского говора главенствующую роль, как и в других дагестанских языках, играли арабский, персидский и азербайджанский языки. Многие идионимы из этих языков и поныне составляют основу именника курушцев.

Прозвища (накIабар)

Помимо личных имен, отчеств и фамилий в курушском говоре используются также и прозвища, которые отражают внешние признаки людей, их особенности, физические недостатки и другие качества людей: *Авурар* (название рода), *Гьилевар* (название рода), *Зангавар* (название рода), *Кхакхыш* «кривоногий» («кривой», срв. лит. *kħakħur* «кривой»), *Къуьлдуьрар* (название рода), *КъецIекh* («кривой» < *къецIи* «кривой» + словообразовательный аффикс *-екh*), *Мисрийар* (название рода), *Нунуш* «гнусявый», *Ширкъекh* «слепец» (< *пIиркъи* «слепой» + *-ек* словообразовательный аффикс), *ТетецIар* (название рода), *Парамбег* «подтянутый мужчина» (< *тIарам* «стройный» + *бег* «правитель, господин, бек»), *ХъилетI* «тот, кто ссорится» (< *хъел* «злоба»; «ссора» + *-етI* словообразовательный аффикс), *Хвешиханым* «(мужчина или женщина) улыбчивая» (*хвеши* «радостный» + *ханым* «повелительница»), *Хайтакъар* «кайтакцы», *ХIабешар* (название рода), *Чкалар* (букв. «шкурки, шелуха»), *Чылавар* (букв. «черные»).

Микротопонимия курушцев

Микротопонимия курушцев до настоящего времени специально не собиралась и не исследовалась. А между тем «изучение топонимических и гидронимических названий, – как пишет Б.А. Серебренников, – может представлять интерес для лингвиста, историка, этнографа и археолога. ... Значение этих данных для изучения истории языка чрезмерно преувеличивается. Для историка языка они дают вообще мало, но это небольшое может быть иногда очень интересным. Подобно сложным словам, топонимические и гидронимические названия могут заключать в себе в законсервированном виде слова, в настоящее время исчезнувшие из языка» [Серебренников 1959: 50].

В данной работе делается попытка впервые анализировать некоторые микротопонимы курушцев, ибо, как отмечает Э.М. Мурзаев, «невозможно представить себе жизнь современного общества без географических названий. Они повсеместны и всегда сопровождают наше мышление с раннего детства. Все на земле имеет свой адрес, и этот адрес начинается с места рождения человека. Родное село, улица, на которой он живет, город, страна – все имеет свои имена. Ежедневное чтение газет, классической литературы, изучение истории культуры и развитие науки приводят к новому, все расширяющемуся запасу географических названий в нашем языке» [Мурзаев 1962: 24].

Названия в Куруше имеют поля, сенокосные участки, пастбища, горы, холмы, возвышенности, овраги и т.д. Здесь немало названий, связанных с именами владельцев пашен, участков, могил и т.д.: *ХIабджитIа сал* (поле) (букв. «огород Хаджита»), *Бегимагъаз никh* (поле) (букв. «поле Бегимаги»), *ХIабджи зе^hги* (могила святого Хаджи зенги), *Шалбыздагъ* «Шалбуздаг» (букв. «гора Шалбыза»).

В структурном отношении курушские микротопонимы различны. Среди них выделяются простые, производные и сложные.

К простым относятся: *Адлайар* (*пашня*), *Вахчагар* (*пашня*) (букв. «панталоны»), *Гир* (*пашня*), *Гьенерар* (*пашня*) (букв. «дворы»), *Ду^ддарар* (*пашня*), *Илам* (*настбище*), *Кхабаш* (*настбище*) (букв. «безрогий, комолый»), *Ка^зар* (*пашня*), *КатIар* (*пашня*), *Кезик^нар* (*настбище*), *Кекер* (*настбище*) (букв. «петухи»), *Къзах* (*настбище*) (букв. «казак»), *Къиледар* (*настбище*), *Къузай* (*настбище*) (букв. «теневая сторона»), *КъветIерар* (*пашня*), *Къик^н* (*местность у окрестностей Куруша*), *КIалыбар* (*название местности*) (букв. «формы»), *Мизре* (*настбище*), *Мытафар* (*настбище*), *Смрайар* (*настбище*), *Сув* (*настбище*), *Тахта* (*настбище*) (букв. «доска»), *Текхийар* (*настбище*), *Тыл* (*яйлаг*) (букв. «ровное место»), *Уърер* (*пашня*) (букв. «озера»), *Филир* (*настбище*), *Хайар* (*настбище*), *Хъыртар* (*квартал*), *Хъыр* (*настбище*), *Чнадагур* («водопад»), *Чарканар* (*настбище*), *Чхарар* (*настбище*), *Чхуквадар* (*пашня*), *Чаф* (*пашня*).

В приведенных названиях, как и в других дагестанских языках, отсутствуют какие-либо морфологические топонимобразующие элементы, а само слово-название в большинстве случаев лишено (с точки зрения современного состояния языка) определенной мотивированной семантики [Абдуллаев 1976: 22].

Некоторые курушские микротопонимы не переводятся. Они, видимо, десемантизированы и архаичны. К таким названиям относятся также и ниже приводимые названия, которые, на наш взгляд, являются производными: *Киргьенар* (*название квартала села*), *Лиле^ггагь* (*настбище*), *Мытафар* (*местность*), *Пханырг^а* (*настбище*), *Савала^г*, *Чархывай* (*название местности*), *Чхукад* (*настбище*), *Эренлер* (*название Шалбуздага*).

Сложных микротопонимов, образованных сложением двух слов, в курушском говоре насчитывается немного (это, в основном, названия гор): *Вахчагдагь* (*гора*) < *вахчаг* «кальсоны, пантолоны» + *дагь* «гора» (*гора, по форме напоминающее нижнее белье – панталоны*), *Йарыдагь* (*гора*) «красная гора» < *йары* «красный» + *дагь* «гора», *КхичIи^ддагь* (эта гора именуется еще *Базардуюзъ*) «Базардуюзю», *Къалпаша* (*название места внутри Красной горы*), *Къифкъарджар* (*пашня*), *Нисе^ддагь* «полуденная гора» < *нисе^д* «полдень» + *дагь* «гора» (говорят, что по этой вершине курушцы определяют полдень, от чего и произошло название данной горы), *КхичIи^ддагь* «гора страха» < *кхичI* «страх» > род.п. *кхичIи^д* + *дагь* «гора», *ХIаьджизе^ги* «могила святого Хаджизенги», *ХIаьдживелипир* «могила святого Хадживели», *Чхары^ддагь* «гора Чарын» < *Чхары^д* (значение затемнено) + *дагь* «гора», *Шалбуздагь* «Шалбуздаг» < *Шалбуз* (собственное имя) + *дагь* «гора» (у подножия Шалбуздага расположено селение Куруш), *Шагдагь* «Шахдаг».

Большинство микротопонимов составляют описательные, образованные сочетанием двух и более самостоятельных слов. Первым компонентом этих сочетаний обычно выступают имена существительные, а вторым – слова-индикаторы, выражающие понятия *былах* «родник», *вацI* «река», *кам* «ущелье», *къва^д* «камень», *ник^н* «поле» и др.

Данная группа микротопонимов в свою очередь подразделяется на следующие структурные типы:

1) неоформленное существительное + неоформленное существительное: *Кхурук^н мет^н* (*местность в окрестностях Куруша*) < *кхурук^н* (значение затемнено) + *мет^н* «колени», *Ахча былах* (*родник*) < *Ахча* (значение затемнено) + *былах* «родник», *Кхымыр былах* (*родник*) < *Кхымыр* (значение неясно) + *былах* «родник», *Кхыркыр былах* (*родник*) < *кхыркыр* «волдырь», «пузырь» + *былах* «род-

ник», *Пайсар тыл* (местность) < *Пайсар* (собственное имя) + *тыл* «ровное место» (букв. «Пайсара низина»), *Пнихътай былах* (родник) < *Пнихътай* (собственное имя) + *былах* «родник» (букв. «родник Пихтая»), *Сырар кам* (местность) < *сырар* «кладбище» + *кам* «ущелье», *Къу^улаз кам* (местность) < *Къу^улаз* (значение затемнено) + *кам* «ущелье», *Хисе^е былах* (букв. «Родник Хисена») < *Хисе^е* (собственное имя) + *былах* «родник», *Пирфир былах* (родник) < *Пирфир* (значение неясно) + *былах* «родник», *Сепһир мырз* (пашня) < *Сепһир* (значение неясно) + *мырз* «гребень ската» (букв. «гребень Сепира»), *Кхеликһ тыл* (пашня) < *Кхеликһ* (значение неясно) + *тыл* «ровное место», *Клатлар къва^а* (пашня) < *Клатлар* (значение неясно) + *къва^а* «камень», *КлуртI къвал* (пашня) < *КлуртI* (значение неясно) + *къвал* «круча».

2) Оформленное (родительным падежом – полная или усеченная форма) существительное + неоформленное существительное: *Бегимагъаз никһ* (поле) < *Бегимагъаз* «Бегимаги» + *ник* «поле» (букв. «поле Бегимаги»), *Векьер къил* (пашня) < *Векьер* < род.п. *Векьери^и* «травы» + *къил* «начало» (букв. «начало пашни»), *Гасана^а кхекһ* (местность) < *Гасана^а* «Гасана» + *кхекһ* «ноготь» (букв. «ноготь Гасана»), *Зангавры^и маьхIле* (квартал) (букв. «магал Зангавров»), *Йаганы^и къарыджар* (местность) (этимология неясна), *Йагъу^у кам* (местность) < *Йагъу^у* (значение неясно) + *кам* «ущелье», *Къалпаша клацI* (название места внутри Красной горы) (букв. «дыра Калпаша»), *Келетһры дагъ* (гора) < *Келетһры^и* (так курушцы называют Каракюринцев) + *дагъ* «гора» (букв. «гора Каракюринцев»), *Лемре цуд* (пашня) < *Лемре* «осла» + *цуд* (значение неясно), *Мисрийри^и маьхIле* (квартал) < *Мисрийри^и* «мисрийцев» + *маьхIле* «квартал» (букв. «мисрийцев квартал»), *Тара^а къил* (пашня) < *Тара^а* «дерева» + *къил* «голова» (букв. «дерева голова»), *Цайа^а къва^а* (название крупного камня в селе) < *Цайа^а* (значение неясно) + *къва^а*,

Цара^а маьхIле (квартал) < *Цара^а* (значение неясно) + *маьхIле* (квартал), *Шими^и тыл* (местность) < *Шими^и* «песка» + *тыл* «ровное место» (букв. «ровная песчаная местность»), *ХъитIу^и кам* (местность) < *ХъитIу^и* «зимы» + *кам* «ущелье» (букв. «зимнее ущелье»), *ХъитIу^и мырз* (местность) < *ХъитIу^и* «зимы» + *мырз* «узкая сторона предмета, ребро», *Пеле^е хырар* (пашня) < *Пеле^е* «лба» + *хырар* «груди», *Фейиз эчI* (местность) < *Фейиз* (собственное имя) + *эчI* «талия» (букв. «талия Фейиза»), *Хне^е былах* (родник) < *Хне^е* «овцы» + *былах* «родник» (букв. «овцы родник»), *Шевкетһа никһ* (поле) < *Шевкетһа* «Шевкета» + *никһ* «поле» (букв. «поле Шевкета»), *ГабдылхIуьсейна^а багъ* (сад) < *ГабдылхIуьсейна^а* «Абдулгусейна» + *багъ* «сад» (букв. «сад Абдулгусейна»), *ХаьджитIа сал* (участок) < *ХаьджитIа* «Хаджита» + *сал* «огород» (букв. «Хаджита огород»), *Шалава^а никһ* (поле) < *Шалава^а* «Шалава» + *никһ* «поле» (букв. «поле Шалава»).

3) Модель, один из компонентов которой прилагательное, а другой – существительное: *Къуша былахар* (родник) < *Къуша* «парный» + *былахар* «родники» (букв. «парные родники»), *Къузаа чIаф* «пашня» < *Къузаа* «теневогой» + *чIаф* «сырое место» (букв. «сырое место в тени»), *Чылав йатһагъар* (пашня) < *Чылав* «черный», «темный» + *йатһагъар* «кошара» (букв. «темные кошары»), *Чылав шимер* (пашня) < *Чылав* «черный» + *шимер* «пески» (букв. «черные пески»).

Модели, состоящие из трех компонентов: *Беш дерез кхекһ* (пашня) < *Беш* «пять» + *дерез* «долина» + *кхекһ* «ноготь» (букв. «пяти долин ноготь»), *КIа^а кһываший уьр* (озеро) < *КIа^а* «дно, днище» + *кһываший* «не имеющий» + *уьр* «озеро, бассейн» (букв. «дно не имеющее озеро, бассейн»), *Лацы йад аваа кам* (ущелье) < *Лацы* «белый» + *йад* «вода» + *аваа* «имеющий» + *кам* «ущелье» (букв. «белую воду имеющее ущелье»), *Тхаймыр кьей кам* (ущелье)

< *Таймыр* «Таймыр» + *кьей* «погибший» + *кам* «ущелье» (букв. «ущелье, в котором погиб Таймыр»), *Таныр алаа кьва*^н (местность) < *Таныр* «тендир (печь для выпечки хлеба)» + *алаа* «находящийся» + *кьва*^н «камень» (букв. «тендир находящийся камень», т.е. «камень, на котором находится тендир»), *Хезне кьываа кьва*^н (*пашня*) < *Хезне* «сокровищница»; «клад» + < *кьываа* «находящийся» + *кьва*^н «камень» (букв. «камень, под которым находится клад, сокровище»).

Таким образом, в курушском говоре представлено большое количество микропонимов, обозначающих названия гор, нив, оврагов, святых мест, кварталов, источников, родников и т.д.

Структурные типы курушских микропонимов также различны. Среди них различаются простые и сложные микропонимы. Большое место среди них занимают и описательные микропонимы. Микропонимы курушцев неоднородны и по своему происхождению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Курушский говор охватывает речь, одного населенного пункта Куруш, расположенного в Докузпаринском районе на высоте 2500 метров над уровнем моря и речь жителей переселенческого селения «Новый Куруш» в Хасавюртовском районе.

Исследование курушского говора показало, что речь курушцев характеризуется целым рядом специфических особенностей на всех уровнях языка (фонетическом, морфологическом и лексическом), которые позволяют квалифицировать ее как самостоятельный смешанный говор, «где черты, общие и сходные с чертами докузпаринского и ахтынского диалектов, с одной стороны, и кубинского наречия, с другой, переплетаются с собственными оригинальными особенностями этого говора» [Мейланова 1964: 395].

В говоре представлен гласный **оь**, который отсутствует не только в литературном языке, но и в большинстве диалектах лезгинского языка за исключением джабинского и кубинского.

Хотя и редко, в курушском говоре зафиксирован также гласный **о**, который в литературном языке встречается в заимствованных из русского языка словах.

Широкое распространение в говоре получил характерный для диалектов самурского наречия гласный заднего ряда **ы**, который здесь имеет фонематическое значение.

Как и в ахтынском диалекте, довольно редко в говоре употребляется гласный переднего ряда **аь**.

Консонантная система курушского говора имеет общие черты с кюринским, самурским и кубинским наречиями. Частое употребление звонкой аффрикаты **дж** сближает курушский говор с диалектами кюринского наречия, а отсутствие аффрикаты **дз** и замена ее звонким спирантом отдаляет исследуемый говор от диалектов кюринского наречия и сближает с диалектами самурского наречия.

В системе согласных курушского говора представлены лабиализованные спиранты **зв, св**, характерные для диалектов кюринского наречия и отсутствующие в диалектах самурского наречия и заменяющиеся в них шипящими лабиализованными спирантами **жв, шв**.

Замена самурских шипящих кюринскими свистящими в курушском говоре до конца не выдержана. В некоторых случаях свистящие аффрикаты **цв, цІв**, характерные для диалектов кюринского типа, в говоре заменяются шипящими аффрикатами **чв, чІв**, характерными только для диалектов самурского и кубинского наречий. Таким образом, в отношении свистящих лабиализованных аффрикат и лабиализованных спирант курушский говор проявляет смешанный характер.

В говоре редко употребляются звонкий и глухой фарингальные **гІ** и **хІ**. Однако часто в курушском говоре употребляется характерная для джабинского и докузпаринского диалектов аффриката **дж**, которая совершенно отсутствует в ахтынском диалекте.

Для курушского говора характерны многие звукосоответствия диалектов самурского наречия: **е-а, е-и, ы-у, и-у, ы-и**. Характерным для говора является соответствие гласного **и** литературному **уь**: *гьил* «море» (лит. *гьуьл*), *кьир* «заяц» (лит. *кьуьр*), *хир* «село» (лит. *хуьр*).

Закономерным для курушского говора является отпадение конечного звука **й** в конце целого ряда глагольных, причастных и наречных форм, в результате чего предыдущий гласный становится долгим: *хвазаа* «выпивал» (лит. *хьвадай*), *хазаа* «бьющийся» (лит. *хадай*), *эвелзаа* «раньше» (лит. *эвелдай*).

Одной из характерных черт курушского говора, как и диалектов самурского и кубинского наречий, являются соответствия между следующими согласными говора и литературного языка: **к-кІ, т-тІ, ч-чІ, к-г, п-б, т-д** и т.д.

Морфологические особенности в основном следующие:

1) наличие отсутствующего в литературном языке и в целом ряде лезгинских диалектов аффикса множественности **-орь**, зафиксированного в именах существительных на согласный исход с корневым гласным **оь**: *поьк* «тряпка» > мн.ч. *поькоьр*.

2) Частое употребление аффикса множественного числа **-ар**, чем **-ер**: *кьва^н* «камень» > *кьванар* (лит. *кьванер*).

3) Замена универсального аффикса эргатива **-ди** литературного языка аффиксом **-зи (-зы)**, характерным для ахтынского диалекта самурского наречия: *гым-ази* (лит. *гум-ади*) «дым».

4) Аффикс **-ни** эргатива в литературном языке получает тематические гласные **а, у, и, уь**, а в курушском говоре – **а, е, ы**: *сам* «солома» > *саманы* (лит. *самуни*), *гаф* «слово» > *гафыны* (лит. *гафуни*), *цІил* «веревка» > *цІилены* (лит. *цІилини*).

5) Во множественном числе аффиксом эргатива в литературном языке выступает только **-и**, а в говоре **-и** и часто **-ы**: *раг* «скала» > *рагары* (лит. *рагари*).

6) Аффиксом местного **І** в говоре, как и в ахтынском диалекте выступает **-г**, а в литературном языке **-в**: *сив* «рот» > *сивиг* (лит. *сивив*).

7) Преобладание имен **II** типа над именами **I** типа литературного языка.

8) Наличие аффикса **-гь** в исходных падежах сближает говор с докузпаринским, джабинским и кубинским диалектами.

9) Отличительной особенностью курушского говора является то, что в большинстве случаев при образовании направительного **V** падежа аффикс местного **V** падежа **-л** выпадает, и утеря аффикса **-л** в говоре компенсируется долготой предшествующих гласных, в результате чего образуется необычная для литературного языка и остальных лезгинских диалектов форма направительного **V** падежа, что характеризует речь курушцев: *тфе^нг* > *тфе^нгзал* (мест. **V**) > *тфе^нгзаа-зи* (напр. **V**).

10) Замена форм личных местоимений I и II лица множественного числа *чи* «наш» и *куь* «ваш» литературного языка формами *жи* «наш» и *жуь* «ваш» сближает курушский говор с диалектами самурского наречия.

11) Выявлены свойственные только курушскому говору формы местоимения первого лица множественного числа в косвенных падежах: *ч'оьз* (лит. *к'хвез*), *ч'оьхъ* (лит. *к'хвехъ*) и т.д.

12) Наличие интересных форм указательных местоимений *вене* // *мене* (лит. *вини*) «верхний», *гьемне* «тот, находящийся выше» и субстантивированные формы этих местоимений *венеиз* // *менеиз*, *гьемнейз*, бытующих только в курушском говоре.

13) Употребление в роли притяжательного местоимения форм *вич* // *в'ичин*, представленных также в джабинском диалекте и храхском говоре самурского наречия, вместо литературных форм *к'хуь* и *к'хуь'* «ваш».

14) Отсутствие в говоре вопросительного местоимения *вуж* «кто?» и замена его местоимением *фим* «кто?».

15) Наличие формы вспомогательного глагола *гьаьу'* «делать» вместо литературной *аву'*, зафиксированной только в данном говоре, и частое употребление его сокращенной формы *у'*.

16) Замена в говоре аффикса отрицательного наклонения **-ч'н** литературного языка аффиксом **-ш**: *жезаш* «не будет» (лит. *жедач'н*).

17) Особенностью говора, отличающей его от литературного языка, является то, что в глагольных формах на **-й**, аффиксом отрицания в литературном языке выступает **-ч'нир**, а в говоре – **-ший**: *кьвезвай* «шел» > *кьвезваший* «не шел» (лит. *кьвезвач'нир*).

18) Частое использование сокращенных форм глаголов (*гьаьу'* «делать» > *у'*, *лагьана* «сказал» > *лана*), наречий (*ыкьыиз* «днем» > *кьыиз*, *йисуз* «в году» > *суз*).

19) Образование временных и других форм от *ату'* «приходить» не от целевой формы глагола *кьвез*, а от

формы *этиз* (*этиза* «пойдет», *этизва* «идет»), бытующей только в курушском говоре.

20) Редукция ауслатного гласного **и** в аффиксах причастий: *фей* «ушедший» (лит. *фейи*), *гий* «давший» (лит. *гайи*).

21) Замена аффикса запретительной формы **-мир** аффиксом **-мер**, зафиксированным только в курушском говоре.

22) Наличие отсутствующей в других диалектах оригинальной формы временного подчинения на **-ны** вместо литературной **-ла** характеризует курушскую речь: *т'уьрны* (лит. *т'уьрла*) «когда съел».

23) Употребление отсутствующей в литературном языке и других диалектах лезгинского языка формы причастия *кьарар* в названии «прихватки» – *гьили кьарар* (лит. *т'хутажагьар*). Причастие *кьарар* образовано от глагола *кьы'* «держатъ», срв. лит. *кьу'* «держатъ» > причастие *кьадай* «держатый».

Курушский говор наряду с фонетическими и морфологическими особенностями характеризуется значительным лексическим своеобразием, отличающим его от литературного языка и ряда лезгинских диалектов. В говоре зафиксирован целый ряд слов, отсутствующих в литературном языке и в других диалектах лезгинского языка. Наличие таких слов в говоре является одной из особенностей, которая позволяет выделить его в самостоятельный говор.

В лексике курушского говора обнаруживается большое количество слов, заимствованных из азербайджанского языка, говорящие о давних связях курушцев с Азербайджаном.

Таким образом, курушский говор представляет собой один из смешанных самостоятельных говоров лезгинского языка, проявляющий наибольшую близость к диалектам самурского наречия и частично к другим диалектам лезгинского языка.

ПРИЛОЖЕНИЯ
ОБРАЗЦЫ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
КУРУШСКОГО ГОВОРА

Пословицы и поговорки, фразеологизмы

1. *Абыр аламаз, йабы гьилемаз айа* «Делать вовремя» (букв. «Пока есть еще достоинство, приличие, пока еще вилы в руке, делай»).
2. *Авашийнагъ, кепекһни пһыл йы* «Когда ничего нет, и копейка – деньги».
3. *Авахъ теъизваа ци ни къацуза* «Стоячая вода портится» (букв. «Вода, которая не течет, запах берет»).
4. *Авур кһрар циф хъана цавуз акъатһна, руг хъана чиле гъахъна* «Все, что сделано, пойти на смарку» (букв. «Дела, которые делал, став облаком, в небо ушли, став пылью, в землю вошли»).
5. *Айалзал са квалах тапһшырмишина, жыв чуьгъвеныз вачһ* «Поручи ребенку что-нибудь, и сам иди вслед за ним».
6. *Айалзыз лагъ, квалах жыва айа* «Ребенку поручи, а делай сам».
7. *Айал аваший квал йад атлаа регъуьз ухиар йа* «Дом, в котором нет ребенка, подобен мельнице, от которой отключили воду».
8. *Ам къакъаа кIаⁿпIурзал акъалтһкһнава* «Он здорово оживился» (букв. «Он на высоком бугорке оказался»).
9. *Аⁿдаⁿ гIакъылзлаа гудж пара йа* «У него ум за разум заходит» (букв. «У него силы больше, чем ума»).
10. *Аⁿдаⁿ ваьхIтезаа Аллагъни къазаи* «С ним даже Бог не справится».
11. *Аⁿдал гъечһ кһициIиⁿ къиметһни алаи* «Он ничего не стоит» (букв. «Даже цены собаки не стоит он»).
12. *Аⁿда заг кыка рахуз гугузва* «Стоять над душой» (букв. «Он заставляет меня снести яйцо»).

13. *АцIаа кIатIаллаа кешиⁿ къиф* «Голодная мышь, которая находится на полном амбаре (о ненасытном человеке)».
14. *Аⁿдаⁿ къапанавааз гъам йы* «Вот весь его умственный багаж».
15. *Аваа гаф пIакъна чинал лугъуⁿ* «Говорить открыто в лицо»
16. *Аⁿдаз къубⁿшизиⁿ къавалаа верчһ фей хътинни хъанаи* «Ему хоть бы хны» (букв. «Не почувствовал, будто по соседской крыше курица прошла»).
17. *Аⁿдаⁿ къапаны авааз чир хъана заз* «Я узнал, что он из себя представляет».
18. *Аⁿдаⁿ ийир-тийир кһывахъна* «Он растерялся».
19. *Аⁿдаз дустһни дышмаⁿ чизааз тыи* «Он неблагодарный человек» (букв. «Он не знает ни друзей, ни врагов»).
20. *Аⁿдаз вичһиз вичихъагъ ни къвезва* «Он сам чувствует вину» (букв. «Он чувствует от себя запах»).
21. *Аⁿдаз вичһин далдамзыⁿ гъилегъ масадаⁿ ваⁿ къвезваи* «Он из-за звона своего барабана никого не слышит».
22. *Аⁿдаз хIалални хIарам чизааз тыи* «Он не разбирается в том, что дозволено, а что нет».
23. *Ам виридаⁿ уьлаьгъ аватһкһ(ы)на* «Он потерял авторитет».
24. *Асланар алахъны, сикIерыз девраⁿ хъана* «Когда львы уходят, лисы празднуют».
25. *Балыгъ каⁿзады кIвачһар ицел эцекһна каⁿза* «Кто любит рыбу, тот должен промочить (свои) ноги».
26. *Башламишаа кһар йарымчыгъ тһымир* «Начатое дело доведи до конца».
27. *Бахтыны хъиркъез, бахтһсызвили ишез чирза* «Счастье научит смеяться, а несчастье – плакать».
28. *Бегъем этемзи дустар къазаи, аⁿдаз дустар гакъаза* «Настоящий мужчина друзей не ищет, а друзья сами найдутся».

29. *Берекатһ цаварыз хьфена* «Богатство ушло в небеса».
30. *Бубазы" кӀвеле неъ, халызы" кӀвеле къатыкһ* «В доме отца питайся, а в доме дяди спи».
31. *Бубазы" чирвилери хьцикһагъ гӀалим гьъьизаш* «Знания отца не сделают сына ученым».
32. *Буй гана, гӀакъыл ганаһ* «Красота есть, а ума нет».
33. *Буй йаргьида" гӀакъыл даба"за жеза* «У высокого ум в пятке бывает».
34. *Вакһ акваз гелехъ экььюмир* «Видя свинью, след не ищи».
35. *Вафалу дишегьлини намыслы этем са тһаразза ава* «Преданная женщина и честный мужчина в одинаковой цене».
36. *Ватһа"зывагъ хьейзи има"зывагъ жеза* «Лишившийся родины теряет веру».
37. *ВацӀаз тһухвана, йад тагана къыгьиза за ву"* «Я тебя поведу к речке, не напоив водой, обратно приведу».
38. *ВацӀ мад менейз къвезаш кһи, гьагьозагьуз къвеза* «Река ведь вверх не течет, она течет вниз».
39. *ВацӀ вацӀукһ акһахьна гьил жеза, и"са" и"са"зикһ акһахьна – халкъ* «Когда реки сливаются, образуется море, а когда один человек с другим – народ».
40. *Вечһрени вичһи" гӀакъыл хиза* «Даже курица не теряет разума».
41. *Вичһи" диде-бубазы" къадир чир тахьаадаз масада" къадирни чир жезаш* «Кто не ценит своих родителей, тот и чужого не оценит».
42. *Ви кӀвачыхъ чһаз хейир хьана* «У тебя легкая нога».
43. *Вичһи" даба" чһы" галайныхъ элкьуб" таьураа* «Чтоб ты не вернулся обратно» (букв. «Чтоб твоя пятка к нам не повернулась»).
44. *Вири личекһ алаабыр папар, вири пармакһ алаабыр этемар тыш* «Не все, кто носит платок, – женщины и не все, кто носит папаху, – мужчины».

45. *Ви фы къал хьанва* «Ты с жиру бесишься» (букв. «Твой хлеб горьким стал»).
46. *Виш дустһ тӀемил йа, са дышма" – пара* «Один враг опаснее ста друзей».
47. *Ву" мене пирелагъ йа"?* «Ты особый что ли?»
48. *Ву" дидези" къене фикӀ какана* «Как ты удерживался в утробе матери? (об очень быстром и шустром ребенке)».
49. *Вуна меслегӀатһ къацузаа кһас тахьаатӀа, са чӀехи къве"зел алыкь* «Если не с кем советоваться, обращайся хоть к большому камню за советом (т.е. советуйся со старшим)».
50. *Гар авашиз йуьг йегьемир* «Без ветра не проветривай обмолоченный хлеб».
51. *Гафыны тһуру"лагьни зурбаз атӀуза* «Слово острее меча режет».
52. *Гел галашиз кһывахьна* «Сквозь землю провалился».
53. *Гьилегъ-уьлегъ аватһы"* «Потерять авторитет, пасть в чьих-либо глазах» (букв. «Из рук – глаз упасть»).
54. *Гьили гьил чһихиза, гьили – чи"* «Рука руку моет, рука – лицо».
55. *Гьил йаргьида" мез чьурьуь жеза* «У кого рука длинная, у того язык короче».
56. *Гьил ичӀи йы, дуьнья мичӀи* «У кого рука пуста, тому мир не мил».
57. *Гьирчехьа" тӀебиатһзы" хӀалзыз кһилигзаһ* «Охотник не думает о сохранении природы».
58. *Гьурбатһза и"са"зыз виридалаани багьазы ватһа" йы* «Самое дорогое для человека на чужбине – это родина».
59. *Гьуьлягьзы йагӀаадаз кашузкһагъ кһичӀе жеза* «Ужаленный змеей веревки боится» (соотв. «Пуганая ворона куста боится»).
60. *Гьуьлягьзы хам дегьиза, хесетһ – ваь* «Змея шкуру меняет, а характер нет».

61. *Гьарда вични^и шегььерзагъ хабар гузы* «Каждый ут-верждает свое».
62. *Гьар са экхуь ыкъахъ мичли йиф, гьар са мичли ифехъ экхуь йигъ гала* «За каждым светлым днем последует черный и за каждым печальным днем – светлый».
63. *Гьараа-эверзыгзы кьрар тхуькьурзаатла, лемре ыкъа са кьвел эцекъзаа* «Если бы криком и шумом можно было создавать, строить, то осел каждый день строил бы по одному дому».
64. *Гьемие са джурье жезаази тыш* «Всегда одинаково не бывает».
65. *Пазаб такурдаз рехлаьтхвели^и кьедир чир жезаш* «Кто не испытал трудности, тот не оценит удобства».
66. *Гьакъыл авашиьдаз рахазаа гафни гакъазаш* «Глупый не найдет нужных слов».
67. *Пакъыл и^иса^изи^и бахт^и йы* «Ум – это счастье для человека».
68. *Гьакъыллы гаф кьызылзыгзы барабар йы* «Умное слово подобно золоту».
69. *Гьакъыллы гаф гьар кьыз япаз хьизаш* «Умное слово не каждый день услышишь».
70. *Гьакъылни илим стххайар йы* «Ум и наука – братья».
71. *Памыр соьл хьти^и акъатхкх(ы)на* «Жизнь прошла, как ливень (т.е. быстро)».
72. *Далдамчхизыз цегьрекхагъ а^иджях са хам аквазы* «Барабанщик у козы замечает только шкуру».
73. *Дана галашиь кални кьий, айал галашиь набни* «Пусть пропадут корова без теленка и женщина без ребенка».
74. *Дана эпенамаз, айал кьепленамаз* «Воспитывай ребенка с колыбели, а теленка, пока он на привязи».
75. *Дишегьлизих кьуват^и темил ава, глаьмел пара* «У женщины силы мало, а хитростей много».
76. *Деве данайрыкхагъ мешреб аквазаш* «Верблюд среди телят не смотрится».

77. *Девезы^и кьыл лемре^и тыманал кьтына ведже кьвезаш* «Не подобает привязывать голову верблюда к хвосту осла».
78. *Деве цхе лагъ, белкхи лем хьейтла^и гакъы^и* «Попроси верблюда, может, хоть осла получишь».
79. *Девези^и суьрсет^и далызал ала* «Довольствие верблюда находится на спине».
80. *Деве фей гел амыкъзаш, цоьцоьр фей гел амыкъза* «Следы от (ног) верблюда не остаются, а следы от муравьев остаются».
81. *Девези^и фи^и чька дуьз йа кхи, гарда^и дуьз жез?* «Какое место у верблюда должно быть прямое, чтобы шее быть прямой?»
82. *Девезлагъ чьехи фил ава* «Крупнее верблюда есть лев».
83. *Деве пхайгъа^ибарзы^и хлайва^и йы* «Верблюд – священное животное» (букв. «Верблюд – животное пророка»).
84. *Девезы^и кьвачыкх какац^и хазааш* «Под ногой верблюда яйцо не ломается».
85. *Дерт^и гана, дарман ганааш* «Горе дано, а средство от него нет».
86. *Дидени буба аваа кьвелиз тлаклагъ кхилигмир* «В родительский дом через окно не смотри».
87. *Дидез чьал тиьиджир и^иса^и чьехи бахтыныкхагъ махьрым йа* «Кто не знает родного языка, тот лишен больших радостей».
88. *Дустарал уьл хьайзи свас гакъы^и таьуна амыкъна* «Кто надеется на друзей, тот не найдет невесты».
89. *Дышма^изы ваз пхисвал ийиз жеза, дуст^и тахьаатла* «Враг сможет навредить тебе, если не будет (хорошего) друга».
90. *Дышма^изыхъ далы элкьуразы дидезы хвавилегъ атлуза* «Мать отказывается от сына, который не воюет с врагом (букв. «Кто поворачивается спиной к врагу, от того отказывается мать»).

91. *Дышма*^а *тлекъенмаз алатһзаи* «Пока не убьешь, не отвяжешься от врага».
92. *Жафа сеци къацуза, кһеф масаци хкъудза* «Трудится один, а наслаждение получает другой».
93. *Жив живезал къваза, чархарал ваъ* «Снег падает на снег, а не на скалы».
94. *Жыва*^а *духтур жив йа* «Сам свой лекарь».
95. *Жыва чӀехи авур пармакһ жыва*^а *уълерыз аватһза* «Растянутая самим папаха, самому же глаза закрывает».
96. *Жыва*^а *кһар дуъз жезалзи ваказ буба лагъ* «Пока свои дела не уладишь, свинью называй отцом».
97. *Зарпа*^а *д къилелагъ алатһкһаа палка*^а *хъти ава* «Ведет себя как лошадь, у которой сорвался недоуздок (т.е. распустился)».
98. *Зы ванал казарар цызава* «Издевается надо мной» (букв. «Надо мной сажают морковь»).
99. *Зегъметһ къацу*^а *таъур шеъини*^а *къадир чир жезаи* «Легко заработанная вещь не ценится».
100. *Зегъметһзи хӀуърметһ къазамшизы* «Кто трудится, того уважают» (букв. «Труд уважение зарабатывает»).
101. *Игитһ кһсар рекъызаш* «Герои не умирают».
102. *И*^а *са*^а *кӀеве атһкһаны чир жезы* «Человека познаешь в беде».
103. *И*^а *са*^а *зи твар тһазы* «Человек (после себя) оставляет хорошее имя».
104. *И*^а *са*^а *чир хъы*^а *патал а*^а *дах галаз рекъе хъана ка*^а *за* «Человек познается в поездке» (букв. «Чтобы человека узнать, надо с ним в дороге быть»).
105. *Ици*^а *дери*^а *вал чир жеза, дишегълизи*^а *рикӀ ваъ* «Глубину реки (букв. «воды») можно узнать, а что на душе у женщины – нет».
106. *Ици вичһиз са рехъ аквазы* «Вода всегда найдет, куда течь» (т.е. из любого положения можно найти выход).
107. *Иши*^а *таъур айалзыз некһ гузаи* «Если ребенок не плачет, то его не кормят».

108. *Йаваи лемрел пар йекһез эцекһза* «На слабого осла ставят большой выюк» (т.е. слабого больше угнетают).
109. *Йа деве рекъыза, йа девечһи* «Или верблюд сдохнет, или погонщик верблюда».
110. *Йакһ такурдаз йатһур акуна, лем такурдаз палка*^а «Тому, кто никогда не видел мяса, досталась ляжка, а тому, кто не видел осла – лошадь».
111. *Йанарыз йад фей лем хъти*^а *зи* «Как осел, которому в уши попала вода» (о непослушном).
112. *Йаргъалзни хъый, рехъ дуъззи хъый* «Пусть хоть длинная дорога будет, но пусть будет ровная».
113. *Йацһ къейнал – кһабаб, гъел хаанал – цӀаа* «Там, где сдох бык – мясо, а там, где сломались сани – дрова».
114. *Йацһраз вичһи*^а *кһрчар агъыр тыи* «Быку свои рога не в тягость».
115. *Йацһра*^а *дамах кһрчар йы* «Гордость быка – его рога».
116. *Йацһра цаази йацһра тӀуънаатӀа, кал кешила амыкъзаа* «Если бы то, что сеял бык, съедал бы он сам, то корова оставалась бы голодная».
117. *Йацһра цаази йацһра тӀуъна* «Что посеял бык, съел он сам».
118. *Йацһра*^а *цвар хъти*^а *патах* «Кривой, как моча быка».
119. *Йацһ кһывахъаази кһывахъны, са чӀал чизаадал хъейтӀа*^а *гьалтһнаатӀа* «Бык-то пропал, но хотя бы с понимающим человеком иметь дело (т.е. с человеком, который украл быка)».
120. *Йа цанал йацһ хъанаи, йа нехирзикһ джы*^а *га* «Ни в пахоте быком не стал, ни в стаде – бычком».
121. *Йери-бина авашииз* «Человек без местожительства».
122. *Катһы*^а *тавыр дуъгуъзһкагъ аи жезаш* «Рис не вылуцишь – плов не сварить».
123. *Кһемивилер кһывашии са гуъзелни аваш* «Нет ни одной красавицы без недостатка».

124. *Кеши*^н *вечһрез ахварагъ чукI аквазы* «Голодной курице во сне просо снится».

125. *Кеши*^н *даз ахварагъ аш аквазы, гакъы*^н *тавына нез жезаш* «Голодному во сне приснился плов, не находя его, не смог покушать».

126. *Кесибзи*^н *мехъерыкһ кһицIни тһух жезаш* «На свадьбе бедняка даже собака не насытится».

127. *КһицI вацIу тһухузаи* «Собаку река не унесет».

128. *КһицIни вучI къатһкһаа чһказлаа тым элаьIза* «Даже собака хвостом убирает место, где она лежала» (о нечистоплотной женщине).

129. *КһицIизни вичһи*^н *айасы чиза, ваз чизаш* «Даже собака признает своего хозяина, а ты нет».

130. *КһицIи кһицIи*^н *йакһ незаи* «Собака не ест собачье мясо».

131. *КһицI и*^н *са*^н *зы*^н *дустһ йы* «Собака – друг человека».

132. *КһицI кIвели*^н *къаравул йы* «Собака – сторож дома».

133. *КһицI рекъирны, хирегъ экъуьIза, нһси рекъирны* – *кIвелегъ* «Собака, почуяв конец, уходит из села, а кошка – из дома».

134. *КһицIни нһси санал кыле физаш* «Собака с кошкой не ладят».

135. *КһицIизни кһываз жыва*^н *зини пат*^н *зи чиза* «Даже собака знает (т.е. признает) своих и чужих».

136. *КһицIини гъилегъ фу къацу*^н *теъизаа хIалзыз атанва* «Дошел до такого состояния, что даже собака у него не берет еду».

137. *Кһиши аваший вацра жеза* «Когда-нибудь сбудется» (о несбыточной мечте) (букв. «Сбудется в том месяце, в котором нет субботы»).

138. *Кһываа хесийатһ хкъатһзаи* «Трудно избавиться от присущих привычек».

139. *КһичIезаадаз вичи*^н *эхъензихъагъни кһичIе жеза* «Трусливый и своей тени боится».

140. *Къаб алаз рахы*^н «Говорить двусмысленно».

141. *Къакъайар къацра*^н *быр йы, какайар нуцIра*^н *быр* «Гогот гусиный, а яйцо воробьиное».

142. *Къаргъаз хабар гаваз атана* «Пришел с печальной вестью» (букв. «Пришел с сообщением вороны»).

143. *Къатһкһанваа йацIра*^н *венел пад даназы къацIырза* «Лежачего быка теленок запачкает».

144. *Къили*^н *тварци*^н *къадир авашийдаз кһилези*^н *къадирни чир жезаш* «Кто не ценит зернышко пшеницы, тот и мерку (для зерна) не оценит».

145. *Къиметһлы гаф къизилзилагъ багъа йа* «Ценное слово дороже золота».

146. *Къыр гIарабазигзи къаз жезаш* «Ртом зайца не поймаешь».

147. *Къушаркһагъ кһичIезаады цIуькI цазаш* «Кто боится птиц, тот не сеет просо».

148. *Къуш къарагъаа чһказал чһуквал амыкъза* «Там, где сидела птичка, остается перышко».

149. *Къуь*^н *иши хъса*^н *хъейны, качһал рышни гъуьлуьз фи-за* «Если сосед будет хорошим, то и плешивая девушка замуж выйдет».

150. *Къведаз пара, садаз тIемил хъей дуьнья* «Вселенная, которая двум много, а одному мало досталась».

151. *Къве кыл къына тһуху*^н «Держа за оба конца нести (т.е. умереть)».

152. *Къве девлетһлы дагIва хъейны, са кесибзы*^н *кIвачһ хана* «Когда двое богатых подрались, у одного бедняка нога сломалась».

153. *Къегъал же*^н *гина, дустһ кIеве гъатһайны чир же-зы* «Смельчака в бою, а друга в беде познаешь».

154. *Къел тIуьрда йадни хвазы* «Кто соли обьестся, тот водою обопьётся».

155. *Къенваа палка*^н *зал нһурар эцекһна* «Оседлать дохлую лошадь».

156. *Кыле гар авайз* «Легкомысленный» (букв. «В голове ветер имеющий»).

157. *Кьил атлаадалагъ кьылыхъзи чарарыхъ ишимер* «Не плач по волосам после того, как отрубили голову».

158. *Кьилин кхуквал эцекху* «Сажать на голову».

159. *Кьил регъуькх акхатху* «Попадать в беду» (букв. «Голова под мельницу попасть»).

160. *Къвачыи кеникх цхинцццзи* твар эзмиш жеззаш «Под ногой (даже) виноградинка не лопаётся» (о ловком человеке).

161. *Квал хвейда хирни хуьда* «Кто защищает свой дом, тот защитит и село».

162. *Квелиз таказы кьифни тили йа* «Неприятным для дома является то, если в нем завелись мыши и протекает крыша».

163. *Квелих сафанаваа тхуьквер къадар дердер ава* «У дома столько забот, сколько дырок в сите».

164. *Келуи и сазыз фуни йад хъти герекх йы* «Учеба для человека необходима как хлеб и вода».

165. *Лажберзи хиза фаз къарагъзы* «Семья крестьянина встает рано».

166. *Лемерихъни эрид джуьре тварар ава* «И у ослов семь различных разновидностей».

167. *Лем тлуьр джанавыр хъти къатхкханава* «Спит крепко» (букв. «Спит, как волк, который съел осла»).

168. *Лемни верчх руьхъвези дустар йа* «Осел и курица – любители золы».

169. *Лемрег агатхаазы къаразы, шивциг агатхаазы – цхуьквезыг* «Кто дружит с ослом – в грязи, а кто дружит со сказочным конем – в цветах».

170. *Лем къена, къал акъвазна* «Осел сдох, скандал прекратился».

171. *Лемрел нхырар эцекхналзи а дакхагъ шив жеззаш* «От того, что оседлаешь осла, он конем не станет».

172. *Лемрелагъ аватханы, пара тар жеза* «Очень больно бывает, когда падаешь с осла».

173. *Лемрез руьхъ, джейразыз – цхуькх* «Ослу – зола, джейрану – цветок».

174. *Лемеры йукъва аваа палказыни гъабуру* хесетхар къаза «Лошадь, которая оказалась среди ослов, усваивает их привычки».

175. *Магъма квели берекхетх йа* «Гость – благодать дома».

176. *Масадал цаз алаз акваза* «Другой кажется колючим».

177. *Мал къазамышзабыр хъейны, незабыр гакъазы* «Если есть зарабатывающие, едоки найдутся».

178. *Меце кьилел бала гъыза* «Язык мой – враг мой» (букв. «Язык на голову беду приносит»).

179. *Мез капхырзлагъ хци йа* «Язык острее кинжала».

180. *Михъи кьилел фикир айа* «Подумай на свежую голову».

181. *Мыркарыкх цлаа кхутхазаазы* «Распространяющий сплетни, клевету» (букв. «Льдины сжигающий»).

182. *Нафтаз ни къвер къадар катхы* «Бить до полу-смерти» (букв. «Бить до тех пор, пока не почувствуешь запах керосина»).

183. *Не зегъметх къацуртлы, гъады тлуьнни гъеъызы* «Кто трудится, тот и ест».

184. *Не чыныз акъатза – хей дезы* «Кому дерзить – (конечно) родной матери».

185. *Нехир хтанаи луз бес йигъ негъени хъанаини?* «Оттого что стадо задержалось, вечер ведь не задерживается».

186. *Ниселагъ кьылых глакъыллы хъанва* «Поздно одумался» (букв. «После обеда умным стал»).

187. *Ныбатх аваший регъве кьил хы* «Вмешиваться в ненужные дела».

188. *Пабни этем са паква твалар йы* «Муж и жена – ребра одной реберной части».

189. *Палказал алаады къвачы физваада йулдаш жеззаш* «Всадник не может стать попутчиком пешему».

190. *Палка йаху хъана, и са кесиб хъана текхий* «Пусть не умирает человек, обеднев, а лошадь, похудев».

191. *Палка*^з *тIотI кхыткканва* «С жиру бесится (как будто овод укусил)».
192. *Па*^б *багал кьеци хъана* «На вате сломал ногу».
193. *Пехъи кхици вичи*^и *айасызы*^и *шалам тхухузы* «Бешеная собака уносит чарыки своего хозяина».
194. *Шеркыиз садрахъ аватхаа фырыз мад ахваткзаш* «Слепой дважды в одну яму не падает (т.е. он будет осторожен)».
195. *Раф элисна тIуьна* «Съел без стеснения».
196. *Рахазаада*^и *сив къаз жезаш* «Кто любит много говорит, тому рот не закроешь».
197. *Рахаз ка*^з *зываадаз йаб гузни алакьна ка*^з *за* «Кто много говорит, тот и слушать должен уметь».
198. *Рахынал рикI алаадаз гафар йакъаза* «Кто много любит говорить, тот найдет слова (которые подходят)».
199. *Рахыныкхагъ файда аваш, ам гъавырзы авааз тыш* «Бесполезно говорить: он не понимает».
200. *Регъуб*^и *рехъ хъанва ваз жи кIвал* «Наш дом для тебя стал как проходной двор (букв. «как дорога на мельницу»)».
201. *Рекъиных галаз къарагъ таъурзи ыкъа*^и *бахтаркхагъ махIрым жеза* «Кто утром рано не встает, тот лишается дневных радостей».
202. *Рехъ тIхфенмаз кхуьтаьхI жезаш, квалах таъунмаз* «Дорога не закончится, пока ее не пройдешь, работа – пока ее не выполнишь».
203. *РехIметни наьIнетн и*^и *са*^и *зы тхухузвааз йы* «Помилование или проклятие с собой несет человек (на тот свет)».
204. *РикIи фагъум таъуртIа, уьлериз аквазаш* «Если сердце не захочет, глаза не заметят».
205. *Рукъва пара экъвейдавагъ шала кхытIыниз жезаш* «Кто часто ходит в лес, тот не может собрать вязанку».
206. *Руфу*^и *тхух хъейны, беде*^и *зиз рехIаьтн жезы* «Когда желудок сыт, телу легко».

207. *Рыш дидезал, гада бубазал къвезы* «Дочь походит на мать, мальчик – на отца».
208. *Рыш къизида*^и *уьлералзи, палкам джегьилда*^и *уьлералзи хкъуд* «Девушку выбирай по совету старших, а лошадь – по совету молодых».
209. *Рыш чир хъы*^и *патал диде аку, мукъуваа чир хъы*^и *патал а*^и *да*^и *чIехидиде* «Чтобы узнать девушку, наблюдайте за матерью, а чтобы еще лучше узнать – за бабушкой».
210. *Сад такунмаз масада*^и *къадир чир жезаш* «Пока не увидишь одного, не оценишь другого».
211. *Сарара къал экъуьрналзы руфу*^и *тхух жезаш* «От того, что ковыряешь в зубах, желудок сыт не будет».
212. *Сарахъ кхывахъаа намыс виш солагъни йакъвазаш* «Один раз потеряешь достоинство – не вернуть его и через сто лет».
213. *Са тым къацIаа даназы вири нехир къацIырза* «Один теленок с грязным хвостом запачкает все стадо».
214. *Са къуна*^и *чуьгъвенаваз выры суьруь физы* «За одним козлом вся отара пойдет».
215. *Са экъив такуна пIеркъизини рекъизаш* «Не увидев светлого дня и слепец не умрет».
216. *Сиве тур тIубни клас теъизаази* «Не укусит и пальца, положенного в рот».
217. *СикI буйурмыш гъаурны, а*^и *да вичи*^и *тым буйурмышза* «Когда приказываешь лисе, она приказывает своему хвосту».
218. *СикIрез вучн акъатхай тIоькн бегемиш хъижезаш* «Лиса не признает нору, откуда она вышла».
219. *Тхади кхарзыз цIай аватхрай* «Да пропадет спешное дело».
220. *Тхазизиз йапар атIызадакхагъ кхицIе жеза* «Собака боится того, кто отрезает уши».
221. *Така*^и *йарзыз йар лагъаны, эхир къил паишма*^и *жеза* «Когда нелюбимого называешь любимым, конец бывает печальным».

222. *ТаьгIди кhyваа йад гылиг агакьзааш* «Вода, которая быстро течет, до моря не дойдет».
223. *Тына" са кыл чылав, са кыл лацы жезааш* «Не бывает тюка, у которого один конец был бы черный, а другой – белый».
224. *Тхуьнваа мал жыва"зи йы* «То, что съел – твое богатство».
225. *Тхуьрдани гьарайза, тхуьтхуьрдани* «Кричит и тот, кто сыт, и тот, кто голоден».
226. *Тхуьрзы мал йы, амаазы – кьам* «Что съел – это богатство, а что осталось – беда».
227. *Угьрааш рухваары кIвеле йас твазы* «Подлые сыновья приносят горе в дом».
228. *Угьру ыкьыз кьатхкьыза, ифиз экьвеза* «Вор днем спит, а ночью ищет».
229. *Уртнах фу хьыра тахьый* «Пусть не будет общего хлеба в печи».
230. *Фаьалагь багьа затI аваш* «Дороже хлеба нет ничего».
231. *ФикI йатIаны, атIаа мецегь акьатхкх(ы)на* «По-чему-то сорвалось с языка».
232. *Хакh акьатхнаваа дана хуьз жезааш* «Теленка, вырвавшего кол, удержать трудно».
233. *Халкьыыз йаб тагаа пачагь фаз тахтынагь аватхкх(ы)за* «Царь, не проявивший заботу о народе, быстро покидает трон».
234. *Хей чIалакхагь агьанатхзаа кнас айаси кьазаа кхицIиз ухшар йы* «Кто надсмехается над родным языком, похож на собаку, который кусает своего хозяина».
235. *Хийалрыкхагь аш жезааш* «Из мечты плов не сварить».
236. *ХьитIи" таьгIди аку" таьур билбилыыз гаты" кьадир чир жезааш* «Соловей, не испытавший трудностей зимы, не оценит лета».
237. *Хьса" кьилих и"са"зы" бахтh йы* «Хороший характер – это счастье для человека».

238. *Хуьрметh аваший чкказа берекатhни жезааш* «Там, где нет уважения, не будет и благополучия».
239. *Цав кьакьаа, чил дери", вутI кьвеза* «Небо высоко, а земля глубока, куда же деваться».
240. *Цав такур дана хьти"* «Как теленок, который не видел неба (об ограниченном человеке)».
241. *Ца" цазваа маргь мирхьи кьазааш* «Плуг, который пашет, не ржавеет».
242. *Цегь тхуьрда" кьилел цIаа ала* «Кто съел (чужую) козу, у того на голове огонь»; соотв. «На воре шапка горит».
243. *Цегь уьчхуь" ча"з кьайгьузава, чьыба"зи мыс утхкхуна тхуьнаатIа луз* «Коза заботится о своем здоровье, а чабан думает о том, когда ее зарезать и покусать».
244. *Цили" кьыл кьведани йална ведже кьвезааш, цил кьатI жеза* «Нельзя обоим тянуть веревку, она может оборваться».
245. *Чарадахь шей уьлер фаз пIеркьи жеза* «Кто плачет по чужому горю, тот рано ослепнет».
246. *Чекхмечхызы" чекхмезыкх кIа" жезааш* «У сапожника туфли без подошвы бывают; соотв. «Сапожник без сапог».
247. *Чинаваа уьлер сад садаз махIта тахьый* «Пусть один глаз на лице не нуждается в другом».
248. *Чехидаз хуьрметh таьурны, вазни сецини хуьрметh ийизааш* «Если не уважаешь старших и тебя никто не станет уважать».
249. *Чехида лагьаавал таьурны, чIехи балазыкх акхатзы* «Если не слушаешься старших, попадешь в большую беду».
250. *Шаир виринра шаир йы, пачагь тхекh са вичхин вилайатхза* «Поэт – везде поэт, а царь – только в своем царстве».
251. *Ыкьыз фанар гаваз экьвейтIаны, йакьазааш* «Если даже днем с фонарем искать, не найдешь».

252. *Экһв хьейны, регъвеваадазни хабар жеза* «Когда рассвет наступит, и на мельнице узнают (мельницы обычно без оконных проемов)».

253. *Экуьнахъзи фаз фу тӀуьрзи, сифте хва хаази паима* «Кто рано утром позавтракал и кто первого сына родил, не пожалеет».

254. *Эрид солагъ хьей айал* «Долгожданный ребенок (букв. «Через семь лет родившийся ребенок»)».

255. *Этем квалахзал чир жезы* «Настоящего мужчину можно узнать в работе».

256. *Эцекһы" четһи" йа, цӀикӀуры" – рехӀаьтӀ* «Строить трудно, а разрушать легко».

Частушки

*Эрид дагълар къылых галаа
Мырказ дагълар хазаи луза.
Эрид суна ка" хьей гада,
Ваз стӀхӀайры гузаи луза.*

*Дагъларылагъ йегъена атай
Ву" ХӀезретӀа" ГӀали йени?
Нуьгвез ичӀ хьти" гъиле гьатӀкӀаа
Ву" ахъайиз дели йени?*

*Хьуьрез-хьуьрез кӀхьей кӀагъаз,
Салам-дугӀа хьый пара ваз.
Мад вучӀ кӀхьы", ча" йар за ваз?
Сагърай ву" ви дустар галаз!*

*За мад бесна, ваз гедж тахьый.
ИхтилатӀар гъила бес хьый.
Ви рикӀелаа зы" физ тахьый,
Гьил заг гехице, ди ву" сагъ хьый.*

Перевод

За семью горами находящиеся
Ледяные глыбы не разбиваются говорят.
В семерых красавиц влюбившийся парень,
За тебя не отдадут говорят.

Через горы, перейдя, пришедший
Ты Хазрета Али что ли?
Как нюгинское яблоко в руки попавшая,
Тебя отпускать я дурак что ли?

Смеясь-смеясь пишу письмо,
Большие приветы тебе передаю.
Что еще писать тебе, милый мой?
Будь здоров вместе с друзьями!

Я закончила, чтобы ты не опоздал.
Разговоров достаточно теперь.
Прошу, чтоб ты не забыл меня.
Поддай мне руку. До свидания!

Жывакагъ ихтилатӀ

*Зы" Къуруиры" хире хъана. Айал ва дагӀва хъанваа
вахтӀ заз чизва. ДагӀваз вахты"за зы быба трудовой
фронтӀзыз фена. Зы кьве стӀха фронтӀзыз фена.
Фро"тӀзаа са стӀха и"валид хъана хтана, сад хтанаи.
Гьа гьихьтти" четһи" усара диде зы месела кьахрагънаи,
кӀарабар чӀыр хъана. Диде йахӀырни цӀикъвед лаа суз
кӀуьтагъ хъана. ЙахӀырни цӀымжид лаа суз зы" квала-
хал хьуцуна. ЙахӀырни цӀымжид лаа суз зы" эвлемии
хъана. Эвлемии хъаа суз за гьуьлуьг кӀелиз гахгана.
ЙахӀырни цӀычӀуьд лаа суз сад лаа айал хъана,
пӀытӀкӀанни чӀуьдаз кьве рыш хъана. Айалар екӀе уна,
виридаг хьса" кӀелиз гыгана. Квалахни уна. Ифиз хтана за
машы"зал квалахзаа. КуьлуьтӀар хырхына, куьлуьтӀар
маса гузаа. Гьд" гы" вахтара, вахтӀ хьейны, за ковровый*

артелза халичхайарни хырхынава. Къили" шалар хырхына маса ганава. Дишегълийри ийизваа выры квалахар заз чизава, вири квалахар за гъаъунава. Ифе" ахвар гъаъунаш за, са герезани санал хъуцунаш, гъемише квалахиз хъана. Айалрыг виридаг за высший абразованийар кхуьтаъгъыз гыгана. Пыдни кандидатхар йа айалрыкхагъ. Са рыш кандидатх медицинаски наукх йа, сад йуридикаски наукх, гадани химикаски наукх кандидатх йа. Са гада, Къили"дж, политехникаски и"стутхза программистх йа. Матх гада Асла" физикх-математикх йа. Хтылры вадзини и"стутхра Келзава. За Кел школаза пыд клас унва. Ахпа зы" балницазыз квалахаз фена. Ана за санитаркавиле квалахна. Йахцйырни къуд усуз квалахна ана. Къеле за кхтабар Келна урус чЛал чирна. А" вахтара «Кхирти» журнал аваа. Гъа" журналзагъ за азербайжан" чЛал чирна. Гъи"саьтхза зы" хтылрыхъ къелкъезва.

Эскендерова Тават Абдулгусейновна, 1934 г., пенсионерка.

Рассказ о себе

Я родилась в селении Куруш. Детские и военные годы я помню (букв. «знаю»). В военные годы мой отец был на трудовом фронте. Два моих брата пошли на фронт. Один брат из фронта вернулся инвалидом, другой не вернулся. В эти тяжелые годы мать мою парализовало, болели суставы. Мать в 1952 году скончалась. В 1958 году я устроилась на работу. В 1958 году я вышла замуж. В 1959 году у меня появился первенец, а в 1969 году родила двух девочек. Вырастила детей, всех заставляла хорошо учиться. Работала. Ночью шила на машинке. Вязала джурабы и продавала. В это время, когда бывало свободное время, работала в ковровой артели и ткала ковры. Головные платки вязала и продавала. Мне знакомы все женские работы, все я выполняла. По ночам не спала, никогда не бездельничала, постоянно работала. Детям всем дала возможность получить высшее образование. Из детей трое

кандидаты. Одна дочь – кандидат медицинских наук, другая – юридических наук, сын – кандидат химических наук. Один сын, Килиндж, работает программистом в политехническом институте. Другой сын, Аслан, работает физиком-математиком. Пятеро внуков учатся в институтах. Я закончила в школе три класса. Потом я пошла работать в больницу. Там я работала санитаркой. Сорок четыре года работала там. Дома я читала книги, изучала русский язык. В те времена выходил журнал «Кирпи» и по этому журналу изучала азербайджанский язык. Сейчас я ухаживаю за внуками.

Мене хирикагъ

Жи хир пара къакъаа хир йа. Гъи"саьтхза вене // мене хириз йатар гъанва. Йатар Иси"тукхизиз анализар ийиз тхухванава. Иси"тукхизи" ицелаа жи йад хъса" йа лузва. Гъар Къеле балу"з газар ава. Хириз рехлаьтх маши"з рехъ хъанва. Ковъгне вахтара шеър лемерал, палканраллаз къигъызваа. Гъила майвайар маши"раваз къигъызва. Памидурар, элленагар, къарпхызар – вири гъаналла. Чхти" картышкайар, векъер-къалар цызава. Ульуькрагъ мых, къил цызааз тий. Гъила а"быр хцызамаш. Жи хир"быры хпер, малар хизава. Пара гуьзел чкха йа жи хир. Дагъзы" кхуква къадар къацы векъер жер чкха йа жи хир.

Вердыханов Беграм Арзуманович, 1962, учитель истории с. Куруш Хасавюртовского района.

О верхнем (старом) селении

Наше селение очень высокогорное. В настоящее время в верхнее (старое) селение проведен водопровод. Для анализа воду повезли в Ессентуки. Говорят, что наша вода лучше воды Ессентуки. В каждом доме есть баллонный газ. В селение проведена хорошая дорога. В прежние времена вещи привозили на осликах и лошадях. Теперь фрукты привозят на машине. Помидоры, огурцы, арбузы – все там есть. Раньше сеяли ячмень, пшеницу. Теперь их не сажа-

ют. Наши сельчане держат овец и коров. Очень красивое место наше селение. До самой вершины горы растёт зелёная трава.

Мах Быбани пьд хва

1. Хъана къва" хъанаи къва" са быбани пьд хва. 2. Быбазы" рухвайар гIакъыллыбыр хъана. 3. Быбазыхъ са къылига"завай къызылар аваа. 4. Быбазы рухваарыкхаа чинеба къызылар вични" сала кхуьцукънаваа. 5. Рухвайар зырба чирвилер аваа рухвайар хъана. 6. Быба гIазарлы хъана, рекъизаавал хъана. 7. Быбазы рухваарыз эверна веси гъауна: «Ча" балайар, захъ са къылига" къызылар ава. Зы" кьейны, хкъудна пьд стIхазы барамбардакхаз пхай айа». 8. Быба кьена. 9. Чехи хцикхаани, къыла" хцикхагъ чинеба гъвечи хци къызылар вичниз хкъудна. 10. Ахпа чIехи стIхазы меслаьтIна «Чакъве стIхайар, чIна къызылар хкъудза». 11. Фена пьд стIхани салаз. Акуна и"бырыз къызылар кхымашиз. 12. Чехи стIхазы лагъана: «Чназ пьд стIхазызни чизваа къызылар аваа чIка. А"быр йа за хкъудна, йа вуна хкъудна, йа гъвечида». 13. Садани хиве къынаи. 14. Чехи стIхазы лана: «Чакъве чIы" шергIинал къвеза». 15. ЭкъуьчIна фена пьд стIхани шергI атIызаа пачагъз патазги. 16. Пачагъзыз икIрамна, хъанаавал вир ахъаана. 17. Пачагъ кIеве гъатIкI(ы)на, къыл къына хъуцуна. 18. Пачагъзыхъ са хъса" чирвал аваа рыш аваз хъана. 19. Рышани лана: «Быба, ву" кIеве гъатIкI(ы)мир, за чирзы». 20. Фена и" рыша гадаарыз луза: «Далы захъзи элкъуьрна агатIкIына ацIукъа пьдни». 21. Гадайар ацIукъна. 22. Рыша къавана тIыпIал къына чIехи стIхазвагъ чызына: «Им вуш йатIа лагъ?» Чехи стIхазы джаваб гана: «Ам вуш йатIани, элкъвей шеъ йа». 24. Ахпа рыша къыла" стIхазваа чызына. 25. «Ам регъуь" къва" йа», - лана джаваб гана къыла"да. 26. Гъвечидаваа чызырны, а"да лана: «Ам элкъейз йатIа, хъипиз йатIа, ам

тIыпIал йа». 27. «Лап хъса", лагъана рыша, - гъила за чIвез са мах ахъайза». 28. Са пачагъз рышаны, са йетIим гадаз медресеза кIелиз хъана. 29. И" рышазни гада ка" хъана, гадазызни рыш. 30. Медресани кхуьтагъна, агалкъына йекIе хъана и" быр. 31. ЙетIим гадаз ганаи и" рыш, са девлетIлы пачагъз хциз гана. 32. Рыша вичи-вичI катIазва, къвезаи лузва. 33. Тхухузаа къыз рыша вичи-вичи" чи" чIахваниз, алаа партIлар хтаз, гавадариз хъана. 34. Гъа гъикI тхухвана гадаз кIевеле ацIакарнава. 35. Гада хтана свас аваа кIелиз. Акваза гадазыз и" рышал алаа хIал. 36. И"да луза: «Ву" и" хIалынал вушиз атанва?». 37. Гадазыз рыша джаваб гана: «Заз ву" ка"зывааз тыш. Зы" ка"заваадаз ганаи». 38. – Ам финаваа гада йа? 39. – Ам йетIим гада йа, а"дахъ са кIасни авааз тыш. 40. Рыш партIалар ахлыкIна, хIалыныз къыгъана, гадазы дуьз гъа" йетIим гадаз кIелихъ хутхвана рышаз лана: «За ву" вах йаз къабылнава. За ву" гъа"даз хгуза». 41. ЙетIим гада ацIукънава кIтаб кIелиз. 42. Садлана ракарар ачыкIна и" рыш и" кIевеле тIына галаз атаа гада хъфена. 43. Гъи" йетIим гадазыз чIагырнаваа рыш акурны, карагънаваз хъти хъана. 44. Гадаз мад кIелиз баишамына. 45. Рыша лагъана: «Зы" карагънаваз тыш, зы" гъа" рыш вуч йа». 46. «Бес ви ина вушава?» - чызына гадазы. 47. – «Зы" гъа" гадаз ву" ка"завааз акуны, а"да заз вахвал гана ваз хганва». 48. Гада къарагъна кIвачIал хъуцуна лагъана: «Ву" а"да" наб йа. Ву" хъвачI гъа" кIелиз, ву" наб хъанватIа». 49. Рыш и"да ахкъудна кIелегъ. 50. Рыш хъфизаа вахты"зы гъатIкI(ы)за къырх къулдурры" гъиле. 51. Тхухуза чIиб аваа чIказыз, и"да заз хый лугъуз, а"да заз хый лугъуз. 52. Эхир чIехида йагIана капIыр чилиз лагъана: «Къваз садрахъ чIуь", за чыза" рышавагъ ифе" и" вахты"зы им иныз фикI акъатIнавааз йатIа». 53. Чызына рышавагъ. 54. Рыша хъейз-хъейвал лагъана. 55. Чехида лана кIи: «Бес наб йаз тхухваа а" пачагъз хцихъ а" и"са"вал хъейны, уьчуь" кенида" патаг хутIхвана и"са"вал уна. ЦIымжид

уса сад-садаз кенидани чһы" стһхани вах йа лана элхкь-уърна хкъана. Бес чахъ са и"са"вал жезашни? За гьы" магъарнаваа кһас хутһхвана эхцигза». 56. Гьила гадайры хухтвана гахганва наб чыгъайдаг. 57. Гьила лагъ, гадайар, и"брыкһаа фим гьакъ йатла, гьакъыллы йатла. 58. Чехи стһхаз лана кһи, наб йаз тһухваа, вичһи" наб кенидаз хутһхваа гада гьакъ йа. 59. Кьыла"да лана: «Цымжид суз кени гада тийтлани, гахгаа гада дуьз йа». 60. Гьвечида лагъана: «Ваъ, ахъти" билбил хъти" гьиле атһкһаа рыш гьилегъ акъудабыр гьакълыбыр йа». 61. Ахпа пачагъз рыша и" пыд стһхазыз аш авуна и"бырыз аш гана. 62. Аш незвай члавуз члехи стһхазы лана: «И"дахъ сырар ни гала». 63. Кьыла" стһхазы лана: «Якыхъ кһицли" ни гала». 64. Гьвечи стһхазы лана кһи: «Чһез бижрелаа хъаа бижре вушна ка"зава?»». 65. Рыша быбазыз выр ахъаана. 66. Ахъ-айыһны, базарлагъ лапаг гийдавагъ хабар кьына. 67. Лапаг гийда луза: «Хеб кьена кһычаг гыгана, кһыча" нек хвана члехи хъанваа лапаг йа». 68. Дуьгуь кьацырдавагъ чызырны, а"да джаваб гана: «Дуьгуь цызаа чһка авашиз сырарал цанвааз йа». 69. Пачагъз чир хъана дуьз тийзи гьы" быры гафар. 70. Гьвечи стхазыз чир хъана пачагъ паж тийзы. 71. Капһырны кьацуны пачагъ дидез патаг фены. 72. Дидезыз лагъана: «Лагъ зы" финаа атааз йатла». 73. Дидез лана: «Ча" бала, заз мижид рыш хъана сад сада" чуйгъвенываз. Бааз лана кһи, гьила рыш хъаатла, за вун хкьуза. Зани быбазкһагъ чинеба мумачизваа пһыл гана ву" хъти" айал паж йа лана кьацуна». 74. Рыша гьила лана: «Кьызылар гьвечи стһхазыз гыва. Гьа"даз чир хъана зы гьилевааз кьызыл тһпал тийзи».

Мехмандарова Нижаз Гаджимурадовна, 1921,
пензионерка.

Сказка

Отец и три сына

1. Жили отец и трое сыновей. 2. Сыновья были умными. 3. У отца в глиняном горшочке были золотые моне-

ты. 4. Отец тайно от сыновей золотые монеты зарыл в огороде. 5. Сыновья оказались умными. 6. Отец заболел тяжело. 7. Отец позвал сыновей и завещал: «Милые дети, у меня в глиняном кувшинчике есть золотые монеты. Когда я умру, выройте (их) и поровну поделите». 8. Отец умер. 9. Тайком от старшего и среднего брата младший сын золотые монеты извлек себе. 10. Потом старший брат предложил: «Идемте, братья, мы извлечем золотые монеты». 11. Пошли все три брата в огород. Они заметили, что золотых монет нет. 12. Старший брат говорит: «Мы все три брата знали, где были (спрятаны) золотые монеты. Их или я взял, или ты взял, или младший (взял)». 13. Никто не признался. 14. Старший брат говорит: «Давайте мы пойдем в суд». 15. Отправились все три брата к царю, который судит. 16. Поклонившись царю, рассказали все как было. 17. Царь, озадаченный, схватился за голову. 18. У царя была очень умная дочь. 19. Дочь сказала: «Отец, ты не беспокойся, я узнаю сама». 20. Пошла, и эта девушка говорит братьям: «Повернувшись спиной ко мне, прижавшись вплотную, сядьте все трое». 21. Юноши сели. 22. Держа в кулаке кольцо, девушка спрашивает у старшего брата: «Скажи, что это?». 23. Старший брат отвечает: «Что бы это ни было – это круглая вещь». 24. Потом девушка спросила у среднего брата. 25. «Это жернов», - отвечает средний. 26. Когда спросили у младшего, он ответил: «Если это круглое и желтое, то это - кольцо». 27. «Очень хорошо, - говорит царевна, - теперь я вам расскажу одну сказку». 28. Дочь царя и один юноша-сирота учились в медресе. 29. Девушка полюбила парня, а парень – девушку. 30. Они выросли, закончили медресе. 31. За сироту не выдали девушку замуж, а выдали за царевича. 32. Девушка бьет себя, не хочет выйти (за него). 33. В день свадьбы она царапает лицо, снимает одежду, бросает ее. 34. Вот в таком состоянии ее забрали и посадили в доме (жениха). 35. Жених зашел в комнату невесты. Увидел жених в каком состоянии невеста. 36. Он спрашивает ее: «Почему ты

в таком состоянии?». 37. Невеста отвечает юноше: «Я не люблю тебя. Меня не отдали замуж за любимого». 38. – Откуда этот парень? 39. – Он сирота, у него никого нет. 40. Девушку одели, привели в порядок, привез к дому сироты и сказал (ей): «Теперь тебя я считаю сестрой. Теперь я выдаю тебя замуж за него (кого она любит)». 41. Сирота сидит и читает книгу. 42. Вдруг, открыв дверь, оставив девушку в комнате, сопровождавший ее парень (жених) ушел. 43. Когда увидел раздетую девушку, сирота подумал, что ему мерещится. 44. Молодой человек продолжал читать книгу. 45. Девушка (ему) говорит: «Тебе не мерещилось, я та самая девушка (есть)». 46. «А что ты здесь делаешь?», - спрашивает молодой человек. 47. – «Видя, что я люблю тебя, тот парень считает меня своей сестрой и отдает (меня) за тебя (замуж)». 48. Молодой человек встал и говорит: «Тебя зарегистрировали и отдали замуж за него. Ты его жена. Ты уходи в тот дом, если ты стала его женой». 49. Он выгнал девушку из дома. 50. Когда девушка возвращалась, она попадает в руки сорока разбойников. 51. Забрали (разбойники) к себе, и каждый повторял, говоря: «Она моя, она моя». 52. Старший из них, воткнув кинжал в землю, говорит: «Подождите вы, я спрошу у девушки, почему она ночью, в такое время попала сюда». 53. Спросили у девушки. 54. Девушка рассказала, как все было. 55. Старший говорит: «Ведь царевич смог же поступить по-человечески, отдав ее любимому, сказав, что они теперь брат и сестра. Вернул обратно мужу и тот, который любил ее восемнадцать лет. А у нас нет что ли человечности? Я этого зарегистрированного (по-шариатски) человека верну обратно (мужу)». 56. Теперь разбойники вернули жену мужу. 57. Теперь, скажите мне, ребята, кто из них прав и умен? 58. Старший брат говорит, что прав тот, который вернул свою жену любимому. 59. Средний говорит, что прав тот, который любил восемнадцать лет и отправил (ее) к своему мужу. 60. Младший говорит, - «Правы те, которые отпустили ее». 61. Потом ца-

ревна приготовила плов и угостила братьев. 62. Во время трапезы старший брат говорит: «От плова идет могильный запах». 63. Средний брат сказал: «Мясо пахнет псиной». 64. Младший говорит: «А что вы ожидали от незаконнорожденного мошенника?». 65. Царевна рассказала все отцу. 66. Они расспросили у того, кто продавал на рынке мясо. 67. Продавец мяса ответил: «Это мясо ягненка, которого поили собачьим молоком, когда овцематка сдохла». 68. Когда спросили у продавца риса, он ответил: «Из-за отсутствия земли рис пришлось выращивать на кладбище». 69. Царь понял, что они говорят правду. 70. Младший брат догадался, что царь является незаконнорожденным. 71. Взяв кинжал, царь пошел к матери спрашивает: «Кто я есть?». 72. Мать отвечает: «Милое дитя, подряд я родила восемь дочерей. Отец сказал, что выгонит меня, если опять родится дочь. Тайком от (твоего) отца у акушерки я взяла ребенка, как ты, и сказала, что он незаконнорожденный». 73. Мать отвечает: «Милое дитя, подряд я родила восемь дочерей. Отец сказал, что выгонит меня, если опять родится дочь. Тайком от (твоего) отца у акушерки я взяла ребенка, как ты, и сказала, что он незаконнорожденный». 74. Теперь царевна говорит: «Золотые монеты находятся у младшего брата. Он знал, что у меня в кулаке находится золотое кольцо».

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1948.

Абаев В.И. История языка и история народа // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958 – 1979. Т. I – III.

Абаев В.И. Язык и история // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.

Абдулжамалов Н.А. Фийский диалект лезгинского языка (Особенности консонантизма. Система глагола). Махачкала: Дагучпедгиз, 1965.

Абдулжамалов Н.А. Фийский диалект лезгинского языка // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Махачкала, 1966.

Абдулжамалов Н.А. Имя существительное в фийском диалекте // Сборник научных сообщений. Филология. Махачкала, 1967.

Абдуллаев И.Х. Некоторые вопросы дагестанской антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.

Абдуллаев И.Х. Словообразовательные модели ойконимов Дагестана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

Абдуллаев И.Х. Структурно-морфологические особенности количественных числительных в лакском языке // ЕИКЯ. Тбилиси, 1990. Т. XVII.

Абдулмуталибов Н.Ш. Словарь лезгинских личных имен. Махачкала, 2004.

Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. – М.: Наука, 1985.

Алексеев М.Е. Лезгинское наречие «нос» (Этимологическая заметка) // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины. Махачкала, 1986.

Алипулатов М.А. К вопросу о строении имен числительных в языках лезгинской группы // Сборник аспирантских работ кафедр гуманитарных наук. Махачкала, 1964 а.

Алипулатов М.А. К вопросу о строении имен числительных в языках лезгинской группы // Сборник научных сообщений (Даггосуниверситет). Филология. Махачкала, 1964 б.

Алипулатов М.А. Имя числительное в языках лезгинской группы // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Махачкала, 1965.

Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительная лексика нахских языков // Автореф. дисс... докт. филол. наук. Грозный, 1972.

Арсаханов И.Г. К вопросу о генезисе суффикса множественного числа **-р** в нахских и дагестанских языках // ЕИКЯ. Тбилиси, 1974. Т. I.

Асланханова Г.З. Сопоставительное исследование союзов и союзных слов в лезгинском и азербайджанском языках // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Махачкала, 2007.

Ахмедов Ш.А., Исламмагомедов А.И., Булатова А.Г. Агулы. Махачкала, 1975.

Ахмедов Д. Имя твое, человек // Дагправда, 1967 от 14 марта.

Баглиев З.Д. Куруш и курушцы. Махачкала, 1998.

Баглиев З.Д. Куруш и курушцы. События, люди, судьбы. 2-е издание, дополненное. Махачкала, 2005.

Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1968.

Баранникова Л.И. Введение в языкознание. Саратов, 1973.

Бозиев А.Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965.

- Бокарев Е.А. О категории падежа (Применительно к дагестанским языкам) // ВЯ, 1954, № 1.
- Бокарев Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.
- Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
- Бокарев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков. М.: Наука, 1981.
- Бондалетов В.Д. Динамика личных имен в XX в. // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.
- Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // ж. «Природа». М., 1936, № 2.
- Вердиханов А.Ш. Память сердца. Махачкала, 1995.
- Вердиханов А.Ш. Куруш: история и современность. Махачкала, 1998.
- Гаджиев М.М. Лезги чӀалан грамматика. Сад лагъай пай. Фонетика ва морфология. Махачкала, 1940.
- Гаджиев М.М.. К вопросу о простом и сложном предложении в лезгинском языке // Труды Института ИЯЛ. Даг. база АН СССР. Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948.
- Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка. Ч. I. Простое предложение. Махачкала, 1954.
- Гаджиев М.М. Лезги чӀалан грамматика. Сад лагъай пай. Фонетика ва морфология. Махачкала, 1955.
- Гаджиев М.М. О некоторых особенностях аныхского говора лезгинского языка // Учен. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1958. Т. VI.
- Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка. Ч. II. Сложное предложение. Махачкала, 1963.
- Гаджиев М.М. Кубинский диалект лезгинского языка // Из лингвистического наследия. Махачкала, 1997.
- Гаджиев М.М., Гайдаров Р.И., Мейланова У.А. Лезги чӀалан орфографиядин словарь (Орфографический словарь лезгинского языка). Махачкала: Дагучпедгиз, 2001.

- Гаджиев Р.Р. Раздумья о людях и судьбах. Махачкала, 1997.
- Гаджиев С.С. Я из Куруша. Махачкала, 1999.
- Гаджимурадов А.Г. Лезги чӀалан антонимрин словарь (Словарь антонимов лезгинского языка). Махачкала: Дагучпедгиз, 1994.
- Гайдаров Р.И. Ахтынский диалект лезгинского языка (По данным сел. Ахты). Махачкала, 1961.
- Гайдаров Р.И. Лезги чӀалан диалектология. Лезги чӀалан учителар ва литфакдин студентар патал. Махачкала, 1963.
- Гайдаров Р.И. Лезги чӀалан грамматика. Сад лагъай пай. Махачкала, 1964.
- Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка (Основные пути развития и обогащения). Махачкала: Дагучпедгиз, 1966.
- Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка (Особенности слова и словарного состава). Махачкала, 1977.
- Гайдаров Р.И., Мирзоев Ш.А. Лезги чӀалан синонимрин словарь (Словарь синонимов лезгинского языка). Махачкала: Дагучпедгиз, 1981.
- Гайдаров Р.И. О некоторых исторически значимых особенностях диалектов в области склонения // Падежный состав и система склонения в лезгинских языках. Махачкала, 1987 а.
- Гайдаров Р.И. Морфология лезгинского языка. Учебное пособие. Махачкала: РИО ДГУ, 1987 б.
- Гайдаров Р.И. Словообразовательные типы и способы словообразования в лезгинском языке // ЕИКЯ. Тбилиси, 1988. Т. XV.
- Гайдаров Р.И., Алипулатов М.А. Лезги чӀал. Педуцилище патал учебник. Махачкала, 1975.
- Гайдаров Р.И. О родительном падеже в лезгинском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 2003. Вып. 4 – 5.

Гайдаров Р.И. Предисловие // Абдулмуталибов Н.Ш. Словарь лезгинских личных имен. Махачкала, 2004.

Ганиева Ф.А. Основные фонетические особенности джабинского диалекта лезгинского языка // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972 а.

Ганиева Ф.А. Некоторые особенности падежной системы джабинского диалекта лезгинского языка // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972 б.

Ганиева Ф.А. Джабинский диалект лезгинского языка // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Тбилиси, 1980.

Ганиева Ф.А. Некоторые вопросы глагола джабинского диалекта лезгинского языка // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981.

Ганиева Ф.А. Система местоимения джабинского диалекта лезгинского языка // Местоимения в дагестанских языках. Махачкала, 1983.

Ганиева Ф.А. Некоторые соматические термины в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины. Махачкала, 1986.

Ганиева Ф.А. Морфологическая и семантическая характеристика травянистых растений в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины. Махачкала, 1989.

Ганиева Ф.А. О категории числа имен существительных гутумского диалекта лезгинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы региональной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры дагестанских языков Даггосуниверситета. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1997.

Ганиева Ф.А. Особенности склонения имен существительных гутумского диалекта лезгинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1997.

Ганиева Ф.А. Отраслевая лексика лезгинского языка. Махачкала, 2004.

Ганиева Ф.А. Джабинский диалект лезгинского языка. Махачкала, 2007.

Гаприндашвили Ш.Г. Фонетические особенности цу-дахарского диалекта даргинского языка // Языки Дагестана. Махачкала, 1948. Вып. I.

Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.

Гудава Т.Е. Обзор фонетики тиндинского языка // ИКЯ. Тбилиси, 1964.

Гудава Т.Е. К изменению лабиализованных согласных в аварском и андийском языках // ИКЯ. Тбилиси, 1956. Т. VIII.

Гудава Т.Е. Годоберинский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. Т. IV.

Гудава Т.Е. Багвалинский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. Т. IV.

Гусейнова М.Ш. Земледельческая лексика в восточно-лезгинских языках // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Махачкала, 2004.

Гюльмагомедов А.Г. Куткашенские говоры лезгинского языка // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Махачкала, 1966.

Гюльмагомедов А.Г., Мурадов Ш.-Э. Дадим красивые имена нашим детям // газ. «Коммунист», 1967 от 6 января.

Гюльмагомедов А.Г. Основные особенности лезгинского говора лезгинского языка // Сборник научных сообщений Даггосуниверситета. Махачкала, 1967 а.

Гюльмагомедов А.Г. Об изучении диалектов лезгинского языка на территории Азербайджанской ССР // Материалы научно-теоретической конференции молодых ученых. Баку, 1967. Часть I.

Гюльмагомедов А.Г. Об основных особенностях дурджинского говора лезгинского языка // Учен. зап. Ин-

ститута ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1968. Т. XVIII.

Гюльмагомедов А.Г. О некоторых общих моментах изменения лабиализованных согласных в лезгинском и других дагестанских языках // ЕИКЯ. Тбилиси, 1974. Т. I.

Гюльмагомедов А.Г. Краткий словарь синонимов лезгинского языка. Махачкала, 1982.

Гюльмагомедов А.Г. Сравнительно-типологический анализ грамматической структуры соматических фразеологических единиц дагестанских языков // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины. Махачкала, 1986.

Гюльмагомедов А.Г. Школьный русско-лезгинский словарь. Махачкала: Дагучпедгиз, 1987.

Гюльмагомедов А.Г., Саадиев Ш.М. Существует ли двойственное число в лезгинских языках: // ЕИКЯ. Тбилиси, 1979. Т. XV.

Гюльмагомедов А.Г. Лезги чIалан словарь. I ктаб. А – КI. Махачкала, 2003.

Гюльмагомедов А.Г. Лезги чIалан словарь. I ктаб. Л – Я. Махачкала, 2005.

Джейранишвили Е.Ф. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Тбилиси, 1966.

Дирр А.М. Грамматика удинского языка. Тифлис, 1903.

Дирр А.М. Грамматический очерк табасаранского языка // СМОМПК, XXXM, 1905.

Дирр А.М. Рутульский язык // СМОМПК, XI, 1912.

Дирр А.М. Цахурский язык Тифлис, 1913.

Диярханов С.К. 45 лет в Хасавюртовском районе. Махачкала, 1996.

Диярханов С.К. Высокогорный Куруш – гнездо отцов. Махачкала, 2001.

Жалилов М. Славные курушцы. Махачкала, 2005.

Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941.

Забитов С.М., Эфендиев И.И. Словарь арабских и персидских лексических заимствований в лезгинском языке. Махачкала, 2001.

Загирова З.М. Лексика табасаранского языка. Махачкала, 1981.

Имнайшвили Г.М. Умлаут в ингилойском наречии грузинского языка // ИКЯ. Тбилиси, 1953. Т. V. Махачкала, 1968.

Имнайшвили Д.С. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками. Тбилиси, 1963.

Историческое развитие лексики тюркских языков // М.: Изд. АН СССР, 1961.

История Дагестана. М., 1967. Т. I.

Колесникова В.Д. Названия частей тела человека в алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Колесникова В.Д. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского языка. М.; Л., 1960.

Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Древнем Дагестане // // Учен. зап. Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1961 б. Т. II.

Котович В.Г. Верхнегунибское поселение (предварительное сообщение о раскопках 1958 г.) // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961 б. Т. II.

Курбанов М.Б. Типы и виды омонимов в современном лезгинском языке // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Махачкала, 2002.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

Лопатин В.В. нулевая аффиксация в системе русского словообразования // ВЯ, 1966. № 1.

Магомедбекова З.М. Фонетические особенности токинского диалекта каратинского языка // ИКЯ. Тбилиси, 1960. Т. XII.

Магомедов А.А. Соответствия лабиализованных шипящих и заднеязычных в агульском языке // Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси, 1964. Т. 33: 2.

Магомедов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.

Магомедов А.А. Агульский язык. Тбилиси, 1970.

Магомедов А.А. Лабиализованные звуки и фонемы в табасаранском и агульском языках // ЕИКЯ. Тбилиси, 1974. Т. I.

Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване в XIV – XV вв. Махачкала, 1967.

Мейланова У.А. Типы образования повелительных форм глагола в лезгинском языке // Языки Дагестана. Махачкала, 1954. Вып. II.

Мейланова У.А. Краткая характеристика гюнейского диалекта лезгинского языка // Учен. зап. Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1957. Т. III.

Мейланова У.А. Стальский переходный говор лезгинского языка // Учен. зап. Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1959. Т. VI.

Мейланова У.А. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960.

Мейланова У.А. Направительные падежи в современном лезгинском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Мейланова У.А. Очерки лезгинской диалектологии. М.: Наука, 1964.

Мейланова У.А. Новое в антропонимии дагестанских народов // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1967.

Мейланова У.А. Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970.

Мейланова У.А. Функционирование и развитие некоторых послелогов лезгинского и будухского языков // Система превербов и послелогов. Тезисы докладов VIII региональной научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Черкесск, 1979.

Мейланова У.А. Ареальные изменения и развитие некоторых разрядов местоимений в лезгинском языке // Местоимения в языках Дагестана. Махачкала, 1983.

Мейланова У.А. Исторические сдвиги в падежной системе лезгинского языка // ЕИКЯ. Тбилиси, 1984. Т. XI.

Мейланова У.А. Основные вопросы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.

Мейланова У.А. Основные термины кровного родства в языках лезгинской группы // ЕИКЯ. Тбилиси, 1985. Т. XII.

Мейланова У.А., Ганиева Ф.А. наименования деревьев, трав и кустарников в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: названия деревьев, трав и кустарников. Махачкала, 1989.

Мейланова У.А. Кузунский диалект кубинского наречия лезгинского языка // ЕИКЯ. Тбилиси, 1992. Т. XIX.

Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.: Л., 1959.

Микаилов К.Ш. К вопросу о морфологической структуре количественных числительных в горских дагестанских языках // материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.

Микаилов Ш.И. Примечание редактора к статье У.А. Мейлановой «Основные вопросы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке» // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.

Мурзаев Э.М. Географические названия // ж. «География в школе». М., 1962. № 4.

Муркелинский Г.Б. О диалектной лексике и диалектных словарях по дагестанским языкам // Десятая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. Тезисы докладов. Грозный, 1983.

Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка (Сравнительно-исторический аспект). Махачкала, 1980.

Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974.

Никонов В.А. Личные имена кумыков и ногайцев сегодня // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

Никонов В.А. Ищем имя. М., 1988.

Обнорский С.П. Культура русского языка. М.; Л., 1948.

Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

Османова Р.А. Многозначность и явление омонимии в лезгинском языке // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Баку, 1962.

Панчвидзе В.Н. К вопросу о взаимоотношении диалектов удинского языка // Сообщения Груз. филиала АН ССР. Тбилиси, 1940. Т. I, № 9.

Пастухов А.В. Поездка по величайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шахдаг. Тифлис, 1894.

Пикуль М.И. Хабдинский могильник // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. II.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974.

Сафаралиева Э.Я. Как тебя зовут? Махачкала, 1994.

Селимов А.А. Словарь ориентализмов лезгинского языка. Махачкала, 2001.

Сергеева Г.А. Арчинцы. М.: Наука, 1967.

Серебренников Б.А. О методах изучения топонимических названий // ВЯ. М., 1959. № 6.

Современный русский язык. М., 1976. Ч. I.

Соттаев А.Х. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.

Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971.

Суперанская А.В. Структура имени собственного (Фонология и морфология). М., 1969.

Суперанская А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М.: Наука, 1970 а.

Суперанская А.В. Личные имена в официальном и неофициальном употреблении // Антропонимика. М.: Наука, 1970 б.

Суперанская А.В. Словарь английских личных имен. М., 1973.

Суперанская А.В. Как произошли некоторые личные имена лезгин // ж. «Дуствал». Махачкала, 1977, № 4 (на лезгинском языке).

Суперанская А.В. О причинах возникновения вариантов личных лезгинских имен // Материалы III конференции молодых ученых Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1980.

Суперанская А.В. Из истории развития дагестанской антропонимики // ж. «Женщина Дагестана». Махачкала, 1980. № 4.

Сушишвили М.С. Рецензия на работу Л.Ш. Геленидзе «Лексика, связанная с анатомией и физиологией человека» // ЕИКЯ. Тбилиси, 1981. Т. VIII.

Талибов Б.Б. Преверб в системе лезгинского глагольного корня // Учен. зап. Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1958. Т. V.

Талибов Б.Б. О некоторых окаменелых и полуокаменелых элементах в структуре лезгинского глагола // Вопросы Грамматики. (Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова). М.; л., 1960.

Талибов Б.Б. О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке Учен. зап. Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1962. Т. XI.

Талибов Б.Б., Гаджиев М.М. Лезгинско-русский словарь. М.: Энциклопедия. М., 1966.

Талибов Б.Б. О процессе длабиализации лабиализованных согласных в лезгинских языках // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972.

Талибов Б.Б. Редукция согласных в лезгинском языке // ВЯ. М., 1976. № 6.

Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков (Консонантизм). М., 1980.

Талибов Б.Б. О состоянии изучения диалектной лексики лезгинского языка // Десятая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. Тезисы докладов. Грозный, 1983.

Талибов Б.Б. Еще раз о повелительном наклонении лезгинского глагола // ЕИКЯ. Тбилиси, 1986. Т. XIII.

Талибов Б.Б. Русско-лезгинский словарь. Махачкала: Дагучпедгиз, 1992.

Тимаев А.Д. Названия частей тела человека в чеченском языке // ЕИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. II.

Топуриа Г.В. К вопросу об образовании повелительного наклонения в лезгинском языке // Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси, 1957. Т. VIII, № 3.

Топуриа Г.В. Основные морфологические категории лезгинского глагола. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

Топуриа Г.В. Об одной закономерности в системе преруптивов лезгинского языка // ЕИКЯ. Тбилиси, 1974. Т. I.

Торчинская Э.Г. Мужская одежда азербайджанцев XIX – начала XX в. по собранию Государственного музея этнографии народов СССР // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX – XX вв. М.: Наука, 1971.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. VI. Кюринский язык. – Тифлис, 1896.

Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973.

Хайдаков С.М. Принципы именной классификации в дагестанских языках. М., 1980.

Хашаев Х.-М.О. О занятиях населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959.

Церцвадзе И.И. Вопросы фонетики андийских языков // ИКЯ. Тбилиси, 1963. Т. V.

Чижикова Л.Н. Развитие жилища в селах Белгородской области // Полевые исследования Института этнографии. М., 1983.

Чикобава А.С. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. Махачкала, 1948. Вып. I.

Чикобава А.С. Задачи диалектологии иберийско-кавказских языков // Координационное совещание по вопросам диалектологии иберийско-кавказских языков 19-21 ноября 1956 года. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1956.

Чокаев К.З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи. Грозный, 1968. Ч. I.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.

Шаумян Р.М. К анализу лезгинского числительного йахцур «сорок» // Сборник памяти И.Я. Марра. М.; Л., 1939.

Шейхов Э.М. Вопросы образования и истории указательных местоимений в лезгинском языке // Местоимения в языках Дагестана. Махачкала, 1983.

Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд. АН СССР, 1961.

Щербакова Л.П. Названия частей тела человека в терских говорах // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978.

Эседов А.А. Отраслевая лексика лезгинского языка: названия животных и птиц // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Махачкала, 2003.

Юзбеков А.Н. Служебные части речи в лезгинском языке. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990.

ТРАНСКРИПЦИЯ

В данной работе для транскрипционных знаков использован практический лезгинский алфавит, дополним его следующими буквами, буквосочетаниями и знаками:

Kh, nh, th, ch, çh – глухие придыхательные смычные.

K, n, t, ç – глухие непридыхательные смычные.

ГГ – звонкий фарингальный спирант.

XI – глухой фарингальный спирант.

Дж – звонкая шипящая аффриката.

Дз – звонкая свистящая аффриката.

Гз – звонкий заднеязычный спирант.

Ъ – глухой абруптивный ларингальный.

В в сочетании с *зв, ев, чв, çв, кв, кçв, кьв* и др. обозначает лабиализацию согласного.

Знак – над гласным обозначает долготу.

Н над гласным с правой стороны указывает на назализацию соответствующего гласного.

Знак > указывает на направление перехода одного звука в другой.

Знак ' (апостроф) ставится над буквой, обозначающей ударенный слог.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки

авар.	– аварский
агул.	– агульский
азерб.	– азербайджанский
араб.	– арабский
арчин.	– арчинский
бежт.	– бежтинский
будух.	– будухский
гинух.	– гинухский
груз.	– грузинский
гунз.	– гунзибский
дарг.	– даргинский
карат.	– каратинский
крыз.	– крызский
лак.	– лакский
перс.	– персидский
русск.	– русский
рутул.	– рутульский
табас.	– табасаранский
тюрк.	– тюркские
удин.	– удинский
хинал.	– хиналугский
цах.	– цахурский
цез.	– цезский

Диалекты и говоры

ахт. д.	– ахтынский диалект
бурк.	– буркиханский
джаб.	– джабинский диалект
д.	
куб.	– кубинский диалект
куруш.	– курушский говор
яркин.	– яркинский диалект

Грамматические термины

буд.	–	будущее время
буд. пред-пол.	–	будущее предположительное время
дат.	–	дательный падеж
един.ч.	–	единственное число
им.п.	–	именительный падеж
исход. п.	–	исходный падеж
мест.п.	–	местный падеж
мн.ч.	–	множественное число
напр. п.	–	направительный падеж
наст.в.	–	настоящее время
род.п.	–	родительный падеж
эрг.п.	–	эргативный падеж

Книги, журналы

ВЯ	–	Вопросы языкознания
ЕИКЯ	–	Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ИКЯ	–	Иберийско-кавказское языкознание
СИЛДЯ	–	Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков.
СМОМПК	–	Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Фонетика	10
Фонетические процессы в системе гласных.....	12
Назализация гласных.....	12
Сингармонизм или конкордация гласных	13
Редукция, квантитативные изменения гласных	16
Нарращение гласных	18
Соответствия гласных	19
Консонантизм	22
Общие сведения о согласных	22
Фонетические процессы в системе согласных курушского говора.....	26
Чередование согласных	26
Ассимиляция согласных	30
Лабиялизация согласных	31
Редукция и выпадение согласных	34
Нарращение согласных	36
Оглушение звонких согласных	36
Аффрикатизация	37
Деаффрикатизация	39
Палатализация	40
Абруптивизация	43
Деабруптивизация	43
Спирантизация	46
Субституция	46
Глава II. Морфология	47
Имя существительное	47
Число имен существительных	47
Склонение имен существительных.....	54
Основные падежи	56

Местные падежи	63
Исходные падежи	69
Направительные падежи	73
Словообразование имен существительных	81
Прилагательное	88
Числительное	92
Местоимение	98
Личные местоимения	98
Указательные местоимения	103
Возвратные местоимения	107
Определительные местоимения	107
Вопросительные местоимения	110
Неопределенные местоимения	111
Отрицательные местоимения	111
Глагол	112
Основные формы глагола	116
Масдар	116
Целевая форма глагола	118
Причастие	119
Времена и наклонения глагола	120
Изъявительное наклонение	122
Повелительное наклонение	129
Запретительная форма	133
Отрицательное наклонение	134
Вопросительное наклонение	135
Наречие	136
Союзы	142
Частицы	145
Послелог	147
Междометия	149

Глава III. Лексика.....	151
Заключение	243
Образцы диалектологических текстов курушского говора	248
Библиография	274
Список условных сокращений	289

Научное издание
Ганиева Фаида Абубакаровна

Курушский говор лезгинского языка

Формат 30x42 ¹/₄. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
П.л. 18,5. У.п.л. 18,25. Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Тиражировано в типографии ИБЮЮЛ Гаджиева С.С.
г. Махачкала, ул. Юсупова, 47

RIZO-PRESS